

Nikolai Petrovich Ostromov
Н. Н. Остроумов.

S k a z k i S a r t o v
СКАЗКИ САРТОВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ИЗЛОЖЕНИИ.

Съ пятью оригиналными рисунками.

ТАШКЕНТЪ.

Типографія Окружного Штаба.

1906.

Lms

462774

GR 270

⑤ 85

Печатать разрешается. Гор. Ташкентъ, 22 Мая 1906 года.
За Военного губернатора *Н. Хомутовъ*.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стран.
Отъ издателя	5—14
Баба-яга и царевичъ съ золотыми волосами	1—7
Кокандскій варіантъ той-же сказки	7—11
Баба-Яга и братъ ея царевичъ	11—18
Царевичъ богатырь и мечь-кладенецъ	18—24
Бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся царемъ	25—29
Бѣдный юноша и скатерть-самобрѣзка	29—31
Царевичъ Шахзада-Бахромъ	31—32
Три брата-царевичи	32—37
Царевна Хазаръ-Гейсу (Тысяча косичекъ)	37—42
Умный царевичъ	42—46
Три царевича: два умныхъ и одинъ дуракъ	46—60
Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ	61—75
Слѣпой царь и цѣлебная земля	75—78
Царевичъ Шаадотъ	78—84
Три царевича. Волшебный дѣйствія младшаго царевича .	85—91
Злая маечеха и коварныя жены царя	92—97
Царевичъ Хасанъ-Паша, доставшій при помощи волка трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу-царевну и желтаго коня .	97—110
Царская дочь и дивъ	110—117
Красавица Дунья-кызы, Баба-Яга и царевичъ	118—128
Джулекъ-Батыръ	128—148
Дочь купца и старикъ	149—153
I. Рассказъ Ташкенскаго туземца Муллы Абдулъ-Халима (Куся-ваизъ) о происхожденіи демоновъ	154—158
II. Аквантъ-дивъ, Аржангъ-дивъ и Сафидъ-дивъ	158—160
III. Драконъ (аждаха, са'банъ)	161—165
IV. Птица Симургъ или Анка	165—168
V. Водяная лошадь (аспи-аби)	169—169
Продолжительность человѣческой жизни	169—171

Отъ издателя.

Настоящій сборникъ знакомить русскую читающую публику съ народнымъ творчествомъ сартовъ. Издатель еще въ 1893 году напечаталъ 26 собранныхъ имъ сказокъ сартовъ во второмъ выпускѣ «Этнографическихъ материаляхъ». Выпускъ этотъ, напечатанный въ 600 экземплярахъ, въ настоящее время весь разошелся, а спросъ на него по временамъ бываетъ; поэтому сказки сартовъ печатаются во второй разъ, причемъ изъ первого издания взяты только первыя 17 сказокъ, къ которымъ вновь присоединены 4 сказки (стр. 110—153).

Перепечатанныя въ новомъ изданіи сказки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлены со стороны изложенія и снабжены необходимыми примѣчаніями.

Относительно характера печатаемыхъ сказокъ со стороны ихъ содержания, въ предисловіи къ первому изданію ихъ, было сказано:

«Помимо собственного интереса, напечатанныя сказки, какъ новый этнографический материалъ, могутъ служить также для сравненія ихъ съ русскими сказками. Покойный собиратель русскихъ народныхъ сказокъ А. Н. Асанасьевъ, въ предисловіи къ своему изданію, между прочимъ говорить: «Междуд разнообразными памятниками устной народной словесности (пѣснями, пословицами, поговорками, притчаніями, заговорами и загадками) весьма видное мѣсто занимаютъ сказки. Тѣсно связанныя, по своему складу и содержанию, со всѣми другими памятниками народного слова и исполненные древнихъ преданій, они представляютъ много любопытнаго и въ художественномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Повѣрья и преданія, встрѣчаемыя въ нихъ, говорять о стаинномъ доисторическомъ бытѣ; олицетворенные стихіи, вѣщія птицы и звѣри, чары и обряды, таинственный загадки, сны и приметы,—все послужило мотивами, изъ которыхъ развился сказочный эпосъ, столько плѣнительный

свою младенческою наивностью, теплою любовью въ природѣ и обаятельною силою чудеснаго... Народъ не выдумывалъ; онъ рассказалъ только о томъ, чему вѣрилъ, и потомъ даже въ сказаніяхъ своихъ о чудесномъ, съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ, остановился на повтореніи, а не отважился дать своей фантазіи произволъ, легко переходящій должна границы и увлекающій въ область странныхъ чудовищныхъ представлений... Какъ ото всѣхъ народныхъ произведений, отъ сказокъ вѣтъ поэтическою чистотою и искренностію, дѣтской наивностью и простотою, подчасъ грубою; сказки соединяютъ честную откровенность и свои повѣстованія передаютъ безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности... Въ позднѣйшемъ своимъ развитіи сказка подчиняется новымъ требованиямъ, какія бываютъ порождены ходомъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ простодушіе. Древняя сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою.... Несчастье, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаетъ народное участіе... Разныя несчастія воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви ко всѣхъ страждущимъ и состраданіе ко всякому чуждому горю. Это чувство любви и состраданія, вызывающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людскаго міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу, одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больнаго дерева. Нѣть сомнѣнія, что въ сказкѣ найдется много такого, что не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованиямъ и взглядамъ на природу, на жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взоръ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ чистѣйшія побужденія, какія давно были подавлены подъ бременемъ вседневныхъ заботъ, то не съ тою же ли теплою любовью и не съ тѣми ли же освѣжающими душу чувствами можетъ образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведений.

(Народные русскія сказки. Книга I. Москва, 1873. ст. V—XVI).

«Вымыслъ, составляющей существенную черту народныхъ сказокъ, тѣмъ самымъ отличаетъ сказку отъ пѣсни, и это русскій народъ отлично выразилъ въ поговоркѣ». «Сказка-складка, а пѣсня-быль». Въ сказкѣ рассказчикъ часто нарушаетъ предѣлы времени

и пространства, говорить о небылыхъ странахъ, о невѣроятныхъ диковинкахъ; въ сказкѣ разсказчикъ уносится въ чужіе, невѣдомые края и носится съ своимъ героемъ, гдѣ ему угодно. Эта свобода сказочной фантазіи часто сближаетъ извѣстный народъ съ чуждыми ему сюжетами, а еще чаще вводить въ древнюю фабулу позднѣйшій элементъ. (Б. Аксаковъ). Такимъ образомъ, нельзя требовать отъ сказки географической опредѣленности; обыкновенно въ сказкахъ мѣстности точно и не обозначаются, равно какъ и самые герои сказокъ часто остаются безъ именъ.

«Сказка чужда точныхъ историческихъ воспоминаній; въ ней выступаетъ жизнь частная, домашняя съ ея завѣтными понятіями и обычаями, или же воспоминанія доисторическая, объясненіе которыхъ не возможно безъ сравнительныхъ сближеній. Въ сказкѣ болѣе мифологіи, можетъ быть, именно потому, что въ ней менѣе исторіи, чѣмъ мѣста вліяніемъ времени и обстоятельствъ». (Ботляревскій).

«Въ сказкахъ, рядомъ съ дѣйствующими лицами часто видную роль играютъ разныя животныя, звѣри и отчасти птицы. Пастушеская и охотничья жизнь легко знакомила и сближала древняго человѣка съ окружавшими его звѣрями, животными и птицами. При всей своей неразвитости, первобытный человѣкъ всетаки не могъ не замѣтать въ этихъ живыхъ существахъ признаковъ душевной жизни, а въ иныхъ случаяхъ прямо долженъ былъ отдавать имъ преимущества предъ собою (физическая сила многихъ животныхъ, острота зрѣнія, тонкость слуха, умѣніе устраивать жилище, способы добыванія пищи и уходъ за дѣтенышами). Вынужденный признавать самостоятельное и независимое существованіе окружающихъ его животныхъ, древній человѣкъ естественно приписывалъ имъ иѣкоторую личность, подобную самому себѣ; надѣливъ животныхъ даромъ слова, онъ сдѣлалъ ихъ въ сказкѣ участниками своей личной жизни; пользуясь ихъ разнообразными услугами, сказочный чѣловѣкъ и самъ является избавителемъ ихъ отъ разныхъ волшебныхъ чудовищъ. И наоборотъ: и животныя, и звѣри, и птицы являются въ помощь сказочному герою въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ. Принесенный животнымъ дарь слова сближалъ ихъ съ человѣкомъ, который въ сказкахъ входитъ въ близкія сношенія съ животными, поддерживая къ однімъ мирное расположение, а другихъ страшась и осторегаясь. Но въ сказкѣ человѣкъ чаще всего дѣйствуетъ заодно съ животными противъ общаго врага—злого чудовища, или волшебника. И въ этомъ, можетъ быть, единственномъ случаѣ сказка подчинялась до иѣкоторой степени географическимъ условіямъ; въ

сказкахъ разныхъ народовъ упоминаются чаще также именно звѣри и животные, съ какими данному народу приходится встрѣчаться; чужеземные звѣри, какъ не знакомые народу на мѣстѣ его жительства, не повторяются и въ сказкѣ. Птицы рѣже встречаются въ сказкахъ, можетъ быть, потому, что онѣ, летая по поднебесью, не находятся въ такой непосредственной близости къ человѣку, какъ другія животные, а насколькомъ не всегда удостаиваются вниманія по ихъ незначительной помощи чѣловѣку и по малому участію въ человѣческой жизни вообще. (Пыпинъ).

«Какъ обломокъ доисторической старины, сказка содержитъ въ себѣ древнѣйшіе миѳы; но эти миѳы потеряли уже смыслъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, обновленныхъ различными историческими вліяніями; потому сказка относительно позднѣйшаго образа мыслей стала недѣлѣстью, складкомъ, а не былью. Въ отношеніи же сравнительного изученія народностей, она предлагаетъ материалъ для изслѣдованія того, какъ каждый изъ родственныхъ народовъ усвоилъ себѣ общее миѳическое достояніе. Чѣмъ стройнѣе миѳы, излагаемые сказкою, чѣмъ ближе они къ народному эпосу и къ миѳологической системѣ, тѣмъ богаче народъ, сохранившій ее своими миѳическими и поэтическими преданіями. Сказка пошла отъ былины, то-есть, она не что иное, какъ разрозненный и подновленный эпизодъ народнаго эпоса. Поэтому въ народной поэзіи иногда тотъ-же сюжетъ передается въ двойкой формѣ: въ древнѣйшей формѣ былины, или пѣсни и въ позднѣйшей—въ сказкѣ. Чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ эпичнѣе его сказки и чѣмъ меньше въ нихъ примѣси прозаического элемента, поучительного, нравоописательного. Чѣмъ образованнѣе и развитѣе народъ, тѣмъ прозаичнѣе изложеніе въ его сказкахъ, тѣмъ больше въ нихъ позднѣйшаго лиризма, состоящаго въ идиллической мечтательности и въ поучительной сатирѣ. Сопутствуя народу въ его историческомъ развитіи, сказка получаетъ новый видъ: изъ миѳического эпизода переходитъ въ забавную новеллу. Здѣсь сказка соприкасается уже съ повѣстью и нравоучительною баснею... Сказка есть не только уцѣлѣвшій обломокъ миѳической старины, но и позднѣйшая прозаическая форма, съ которой народъ нечувствительно выходитъ изъ замкнутаго круга эпохи эпической на новое поприще, открываемое образованностью въ успѣхахъ позднѣйшей лирики и прозы. Поэтому позднѣйшая сказка береть себѣ содержаніе уже изъ источниковъ литературныхъ, даже передѣлываетъ чужеземные разсказы, переведенные съ иностранныхъ языковъ. Она остановится чтеніемъ для грамотника, обогащая содержаніе такъ называемыхъ народныхъ

книгъ. Тогда она совершенно расторгаетъ уже всѣ узы, связывающія ее съ народнымъ эпосомъ, становится чистымъ вымысломъ, тою складкою, которую народъ противополагаетъ *были* и которую до позднѣйшаго времени классическіе педанты полагали недостойною серьезнаго изученія» (Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 310—311).

Содержаніемъ русскихъ сказокъ служить описаніе разныхъ подвиговъ героевъ, задавшихся цѣлью отыскать или возвратить красавицу, похищенную какимъ-нибудь чудовищемъ, или достать чудесную птицу (рус. жаръ-птица), диковиннаго златогриваго коня, чудодѣйственную воду (живую и мертвую) и т. п. При описаніи разныхъ походеній сказочныхъ героевъ, въ русскихъ сказкахъ встрѣчается нѣсколько однообразныхъ, какъ бы специальныхъ пріемовъ. Отправляясь на свои подвиги, сказочные герои иногда встрѣчаются три таинственные дороги съ надписями на столбахъ относительно каждой дороги, и главный герой выбираетъ себѣ самую опасную изъ этихъ дорогъ. Сказочнымъ героямъ приходится вступать въ борьбу съ многоглавыми змѣемъ, кощеемъ бессмертнымъ, бабой-ягой и побѣждать ихъ и т. п. (Порфириевъ, исторія русской словесности. Часть I, стр. 150 и слѣд.).

Напечатанные въ настоящемъ сборникѣ сказки (чупчакъ) нашихъ новыхъ соотечественниковъ, сартовъ, напоминаютъ русскому читателю не только дѣйствующихъ лицъ русскихъ сказокъ, но и подробности обстановки и положенія этихъ лицъ. Какъ въ русскихъ сказкахъ, такъ и въ сказкахъ сартовъ встрѣчаются: цари, царевичи и царевны, купцы-бѣгачи, бѣдняки-нищіе, сироты съ злой мачехой, разбойники, колдуны и ихъ противники-богатыри, а затѣмъ разныя демоническія существа: баба-яга, дивы, пяри, драконы, волшебные кони, птицы и звѣри и волшебные предметы: дубинка, гребенка, скатерь, котель и богатырскій смертоносный мечъ. Сходство касается не только частностей, отдаленныхъ чертъ; въ сказкахъ сартовъ встрѣчаются цѣлые эпизоды, невольно бросающіеся намъ въ глаза по своему сходству съ таковыми же подробностями сказокъ русскихъ. А съ другой стороны въ сказкахъ сартовъ есть и своеобразные, типические образы, которые могутъ остановить на себѣ вниманіе изслѣдователя. Примѣромъ можетъ служить очень оригинальное представление о бабѣ-ягѣ, очерченной въ напечатанныхъ сказкахъ такъ подробно и такъ картино, что баба-яга русскихъ сказокъ должна уступить бабѣ-ягѣ сартовъ во многихъ отношеніяхъ. Тоже нужно сказать о дивахъ и о пяри(пери)...

Въ сказкахъ сартовъ упоминаются: лошади, бараны, верблюды, кошки, собаки, ослы, лани, съ которыми встречаются герои сказки и вмѣстѣ дѣйствуютъ. Состраданіе и услуги животнымъ, вознаграждаемыя услугами ихъ герою сказки, указываютъ на нравственный элементъ, который въ сказкахъ сартовъ выражается очень определенно: герои сказки—своего рода рыцари, ведущіе безкорыстную борьбу со зломъ въ разныхъ его видахъ и торжествующіе затѣмъ побѣду свою въ тихой, мирной жизни. Затѣмъ въ сказкахъ сартовъ описываются нравственные черты собственно семейного быта: супружеская любовь, любовь и почтительность дѣтей къ родителямъ, младшихъ братьевъ къ старшимъ и под. Въ бытовомъ отношеніи характерны указанія сказокъ на обычай сватовства, на свадебные пиры, на охоту и проч. Земледѣльческія занятія народа въ сказкахъ сартовъ упоминаются, а богатство сказочныхъ героевъ описывается уже по позднѣйшимъ представленіямъ, при чемъ имѣеть особенное значеніе число 40. Въ сказкахъ упоминаются дворцы, дорогія ткани для одежды, драгоценные камни, а также золотые и серебряные деньги. Мѣстный элементъ сказокъ сказался въ описаніи мѣстныхъ плодовъ, мѣстныхъ кушаньевъ, животныхъ и пр.

Съ теченіемъ времени сказка сартовъ не избѣжала также передѣлокъ и даже совершенно новой, книжной редакціи. Подъ вліяніемъ ислама, произошла въ народныхъ сказкахъ сартовъ замѣна древнихъ чудовищъ дьяволомъ (шайтаномъ), равно какъ явились представленія о вѣрованіяхъ, обрядовыхъ и бытовыхъ особенностяхъ мусульманской жизни (Аллахъ, Мухаммедъ, совершение намаза, мѣсяцъ Рамазанъ и пр.) Образцомъ искусственной, книжной сказки сартовъ можетъ служить «Сказка въ пословицахъ», сложенная поэтомъ Гюль-хани, по приказанію кокандскаго хана Умаръ-хана (ум. въ 1822 г.). Текстъ этой сказки изданъ мною въ Казани въ 1890 г., а переводъ напечатанъ въ третьемъ выпускѣ этнографическихъ материаловъ. (Ташкентъ, 1895 г.).

Передѣлка сказокъ совершается у сартовъ подъ вліяніемъ не только устныхъ, но и книжныхъ разсказовъ: сказочники часто соединяютъ эпизоды изъ жизни сказочныхъ и историческихъ героевъ. Такимъ образомъ нужно объяснить сходныя черты въ разныхъ сказкахъ сартовъ. Собственно для народный сказки сартовъ, безъ сомнѣнія, невыгодно вліяніе такъ называемыхъ ваиз'овъ, маддах'овъ, которые въ своихъ уличныхъ разсказахъ преслѣдуютъ исключительно религіозные, мусульманскіе, интересы и потому вводятъ въ разсказъ преимущественно такія черты, которыхъ одобряются исламомъ, или служить къ прославленію героевъ ислама. Сравнительно широкое

распространение грамотности среди сартовъ, грамотности мусульманской, исключительной, конечно, сильно сжало народную фантазию и вытеснило изъ народной памяти почти все древнее, народное, какъ не мусульманское. Мнѣ кажется, что въ настоящее время уже невозможнo воспроизвести народное творчество сартовъ: до такой степени влияние ислама сильно отпечаталось на духовной ихъ жизни. А равно, и разнообразная историческая влияния оставили свой неизгладимый следъ на сказкахъ сартовъ: къ иранской основѣ сказокъ примѣшились чужеземныя черты китайцевъ, индійцевъ, арабовъ, тюроковъ и въ послѣдніе времена русскихъ, подобно тому, какъ самая национальность сартовъ представляетъ собою типъ до такой степени смѣшанный, что нѣкоторые этнографы отказывается признавать ихъ за этнографическую группу.

Относительно языка сказокъ сартовъ справедливо вообще мнѣніе, что сказка доступна каждому, безъ различія пола и возраста, въ противоположность былинѣ, для которой необходима счастливая память, соединенная съ поэтическимъ и даже музыкальнымъ развитіемъ (Ботляревскій). Общедоступность сказки, выгодная для ея распространенія въ народѣ, не выгодна для сохраненія ея цѣльности и типическихъ старинныхъ выражений; сказку каждый разсказываетъ по своему: одинъ—пространнѣе и краснорѣчивѣе, другой—короче и проще; одинъ цвѣтистѣе, другой скабрезнѣе, не стѣсняясь въ выраженияхъ, которая приходилось сглаживать въ переводѣ.

Но одна особенность въ языке народныхъ сказокъ сартовъ удержалась до настоящаго времени; это—начальные слова сказки: «Жиль богатый, жиль бѣдный, жиль голодный, жиль сытый; волкъ былъ поваромъ, лисица распорядителемъ пира; воронъ былъ ворожеей, воробей сплетникомъ, а муравей смѣшивымъ рассказчикомъ; гусь былъ трубачемъ, утка горнистомъ, черепаха была вѣсовщикомъ, а лягушка подкладывала гири... хлопокъ вырасталъ изъ соли, а дѣти рождались отъ дѣвицъ... *)

Достаточно произнести это предисловіе, чтобы случайный вашъ собесѣдникъ—сارتъ пріятно улыбнулся, какъ-бы вспомнивъ времена своего дѣтства, когда онъ сладко засыпалъ подъ тихіе звуки сказки матери или бабушки; дѣти подростки изъ простонародья, оставаясь

*) بار ايكان يوق ايكان توق ايكان تچ ايكان يورى بکاول ايكان
تولکى يساول ايكان قوزغون فال بين ايكان چومچوق چاقچى ايكان
چوممالى ازکىو باز ايكان غاز كرنايچى ايكان او ردك سورنايچى ايكان...
تاش بقه ترازودار ايكان قوربىه تاش بردار ايكان غوزه پايه تو زدين ايكان
هر بلا قىزدىن ايكان

дѣтьми въ душѣ своей, и теперь по-дѣтски относятся къ сказкѣ и охотно слушаютъ сказочниковъ (чупчакчи). Самое название сказки — *чупчакъ* указываетъ на сборное, смѣшанное, беспорядочное содержаніе сказки, относящееся къ отдаленной древности, какъ и говорится въ началѣ сказки: «Бурунги заманда—въ древности»...

Для сравнительного изученія сказокъ сартовъ настоящій сборникъ даетъ новый, хотя и не обильный, материалъ и можетъ содѣствовать разясненію возбужденного въ русской литературѣ вопроса о томъ, въ какой степени и какимъ образомъ на русскомъ народномъ творчествѣ отразилось влияніе восточныхъ (собств. иранскихъ) мотивовъ. Бромъ давно извѣстныхъ статей Вл. В. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ (Вѣсти Европы 1868 г.), московскій профессоръ Вс. Ф. Миллеръ, въ предисловіи къ «Экскурсамъ въ область русского народного эпоса» (Москва) сравниваетъ русскій былинный эпосъ съ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи, по его словамъ, жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійскими и восточными предметами убранства. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары, потомъ жили московскіе бояре, ночевали (временно) казаки, а въ нѣкоторыхъ, обитаемыхъ еще закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, броди по загадочной руинѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: византійскую фреску, восточный орнаментъ, расписанный сводъ московской палаты, деревянную крестьянскую клѣть, а въ тайникахъ, рядомъ съ колпакомъ земли греческой, онъ въ изумленіи видѣтъ палицу боевую въ 90 (40) пудъ, восточный кунѣкъ, гусли яворчатые, трубки нѣмецкія и т. п. (Предисл. VI). Можно прибавить къ этому, что въ нашемъ эпосѣ, да и не въ одномъ эпосѣ, современемъ можно будетъ указать на многія сходныя черты съ восточными сказаніями, и что большее знакомство съ этнографіей и литературой Средней Азіи можетъ дать изслѣдователямъ русской старины массу новыхъ и интереснѣйшихъ матеріаловъ... Будемъ надѣяться вмѣстѣ съ проф. Миллеромъ, что «ближайшему поколѣнію изслѣдователей удастся уяснить многое изъ того, что для насъ представляется загадочнымъ»; будемъ надѣяться, что молодое поколѣніе русскихъ туркестанцевъ, выросшее въ Средней Азіи, внесетъ свою долю труда въ сокровищницу русской науки, а новаго матеріала въ Средней Азіи такъ много, что обѣ этомъ теперь и сказать даже нельзѧ, потому что онъ лежитъ почти нетронутымъ.

Въ гл. VIII «Экскурсовъ» (стр. 199—232) профессоръ Мильеръ привелъ достаточно историческихъ данныхъ для уясненія возможности вліянія древнихъ степныхъ мотивовъ на русское народное творчество и говорить, что это вліяніе придаетъ нашему эпосу *до некоторой степени* степной характеръ, «ароматъ степи», который отличаетъ его отъ рыцарского эпоса Западной Европы, на что указываетъ и самое название нашихъ рыцарей—*богатырь* (*багадуръ*), Упомянувъ затѣмъ, что разные специалисты указывали на вліяніе азіатскаго востока на русскій языкъ, искусство, музыку и даже на примѣсь крови въ населеніи нѣкоторыхъ полосъ Россіи, авторъ «Экскурсовъ» замѣчаетъ, что односторонніе защитники русской самобытности еще уступаютъ историкамъ литературы *сказки* и мирятся съ восточнымъ происхожденіемъ многихъ сказочныхъ сюжетовъ, и заявляетъ, что истинная самобытность нашего эпоса не потерпитъ ни малѣшаго ущерба, сколько бы заимствованныхъ сюжетовъ въ немъ не указали изслѣдователи..., что усвоеніе чужого материала возможно только подъ условіемъ радикальной его переработки на свой ладъ, а эта самодѣятельность настолько очевидна въ произведеніяхъ русского эпоса, что не нуждается ни въ многочисленныхъ разъясненіяхъ, ни въ защищѣ противъ покушеній на самобытность русского народного творчества (Экскурсы, стр. 232).

Намъ думается, что недостаточно еще объяснять сходство русскихъ народныхъ произведеній съ произведеніями иранскаго творчества однимъ заимствованіемъ —путемъ чисто историческихъ вліяній, но вмѣстѣ съ этимъ не слѣдуетъ забывать и общности происхожденія русского народа съ персами и индійцами. Можетъ быть, въ Индіи первоначально и возникли основные эпические сюжеты, общіе индо-германскимъ народамъ, переработанные потомъ каждымъ племенемъ посвоему, подъ вліяніемъ географическихъ и историческихъ условій. Нѣкоторые изъ этихъ общихъ сюжетовъ могли быть у известнаго народа, въ теченіе столѣтій, забыты, нѣкоторые разработаны болѣе, а нѣкоторые, нереходя изъ страны въ страну, совершили огромный путь—кругъ и возвращались на свою родину въ значительно измѣненномъ видѣ. Хорошимъ примѣромъ этого круговорота народныхъ разсказовъ можетъ служить замѣчательная историческая судьба рассказовъ, известныхъ подъ именемъ *«Калила и Димна»*, которые обошли всю Азію и Европу. Не дѣйствуетъ ли въ этомъ случаѣ чисто психохологическая причина, какъ объяснялъ въ свое время проф. А. Д. Галаховъ, именно, что «въ основѣ сказокъ лежать одни и тѣ же представленія, что всѣ сказки представляютъ только без-

конечныхъ вариаций на общія темы миѳологического или бытowego, общественного содержания.... Въ дальнѣйшемъ ходъ своего развитія сказка осложнялась новыми подробностями, распространялась, захватывала новыхъ дѣйствующихъ лицъ и новые явленія: часто нѣсколько сказокъ, первоначально простыхъ, перепутывались и сливались въ одну сложную. Независимо отъ возможности распространенія сказокъ путемъ заимствованія, весьма важную роль въ решеніи этого вопроса играетъ и общность извѣстныхъ психологическихъ представлений, уже достаточно доказанная фактами. Иначе решительно невозможно было бы объяснить, напримѣръ, поразительное сходство нѣкоторыхъ готентотскихъ сказокъ съ русскими, или новозеландскихъ съ финскими» (Исторія русской словесности, древней и новой. Изд. второе Т. I. стр. 142—143. Спб. 1880.).

Но пока дѣло не въ этомъ: «истинный смыслъ, живая душа и настоящее достоинство произведений русского народного творчества могутъ быть оцѣнены только при добросовѣстномъ, всестороннемъ изученіи. Бояться, что изученіе этого вопроса нанесетъ ущербъ самобытности русскихъ народныхъ произведений равносильно желанію задержать надъ этими произведеніями туманъ, который давалъ бы просторъ личной фантазіи». (Вѣстникъ Европы, іюнь 1892, стр. 742.).

Для всесторонняго изученія русскихъ народныхъ произведеній намъ необходимо стремиться къ возможно широкому изученію ино-родческихъ словесныхъ произведеній, такъ какъ вся наша исторія отъ начала до настоящаго времени тѣсно связана съ судьбой разныхъ инородцевъ. Да и помимо этого, «въ языкахъ, народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ, обычаяхъ всѣхъ нашихъ инородцевъ содержится великое богатство данныхъ, важныхъ не для одной, а для нѣсколькихъ наукъ.... Эти данные выяснятъ много теперь темнаго, раскроютъ много тайнъ, обогатятъ, раздвинутъ человѣческое знаніе (Проф. В. И. Ламанскій). Географическая и естественно-историческая знанія значительно обогатились уже изслѣдованіями русскихъ ученыхъ, касающимися Средней Азіи; другія же области человѣческаго знанія—этнографія, исторія, археология Русского Туркестана ждутъ новыхъ тружениковъ, какъ продолжателей начатыхъ въ краѣ изслѣдований въ указанныхъ сферахъ.

H. Остроумовъ.

СКАЗКИ САРТОВЪ.

I.

Баба-Яга и царевичъ съ золотыми волосами.

Въ древности жилъ царь. У него было три жены, но ни у одной изъ нихъ не было дѣтей. Царь былъ сильно опечаленъ этимъ, но не зналъ, какъ помочь своему горю. Далеко, въ другой странѣ, жила Ямаузъ-Кампиръ (Баба-Яга), страшная прожорливая старуха. *) У нея голова съ большой киргизскую юрту, а ртъ—съ дверь. Она, когда ёсть, то цѣлыхъ барановъ за-разъ глотаетъ. Пищу себѣ она готовить въ огромномъ котлѣ, у котораго 40 ушей, чтобы могли поднимать его 40 человѣкъ. Въ этомъ котлѣ варится по 40 барановъ или другихъ животныхъ. Мчится она быстро, какъ вихрь; поэтому, при ея появлениіи, и происходитъ сильный вѣтеръ. Видъ свой Баба-Яга мѣняетъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ ея власти находится 40 сильныхъ Дивовъ, и сопротивляться ей безъ волшебной силы невозможно. Дѣти Бабы-Яги—такія же прожорливыя чудовища, какъ и она сама. Они, даже въ молодомъ возрастѣ, могутъ пожирать цѣлые туши. Болѣе всего Баба-Яга любить человѣчье мясо и, чтобы добыть себѣ любимой пищи, она ходить, подъ видомъ нищенки, по городамъ и уводить къ себѣ малыхъ дѣтей обманомъ.

Однажды Баба-Яга, подъ видомъ нищей старухи, пришла къ воротамъ царскаго двора и стала просить милостыни. Царь услышалъ необыкновенный (нечеловѣчскій) голосъ нищенки и вышелъ къ ней. Старуха сказала царю: «Скажи мнѣ, чего ты хочешь просить у Бога,— я все для тебѣ вымолю». — «Я бы желалъ просить себѣ у Бога дѣ-

(*) كَبِيرٌ يَالْمَاعُوز

тей», сказаль ей царь. Тогда старуха спросила у царя, сколько у него женъ, и царь отвѣтилъ, что у него три жены.—«Вели, сказала старуха, привести ихъ сюда». Царь велѣлъ позвать своихъ женъ.—Когда пришли жены царя, Баба-Яга дала каждой изъ нихъ по яблоку: старшімъ двумъ женамъ она дала по бѣлому яблоку, а младшій дала красное и особенно вкусное яблоко. Баба-Яга сказала царю, что въ свое время всѣ три жены его родятъ ему по сыну, но за это, черезъ семь лѣтъ, царь долженъ будетъ отдать ей, старухѣ, царевича, который родится отъ младшой жены. Царь согласился, и старуха ушла.

Дѣйствительно, чрезъ опредѣленное время, всѣ три жены царя родили по сыну, и царь бытъ несказанно радъ. Но особенно царь радовался, глядя на сына отъ младшой жены: онъ бытъ очень большой, красивый и веселый ребенокъ. И царь сильно привязался къ нему.

Прошло ровно семь лѣтъ, и Баба-Яга, опять въ образѣ старухи, пришла къ царю и сказала, что семилѣтній срокъ прошелъ и что, по уговору, царь долженъ теперь отдать ей младшаго царевича.

Царь давнымъ-давно забылъ и старуху, и сказанное ей свое обѣщаніе; но когда старуха напомнила ему о томъ, какъ было дѣло, царь опечалился, потому что ему очень было жаль разстаться со своимъ любимцемъ. Тогда царь сказалъ Бабѣ-Ягѣ: «Бабушка старушка! оставь ты мнѣ этого царевича, а взамѣнъ его лучше возьми, что только твоей душѣ угодно... Я ничего не пожалѣю для тебя,—возьми только!» Но Баба-Яга ни за что не соглашалась и требовала, по уговору, царевича отъ младшой жены царя.—Послѣ того царь привель двухъ царевичей отъ старшихъ женъ и предложилъ старухѣ обоихъ взамѣнъ младшаго. Но Баба-Яга и на это не согласилась, а продолжала требовать свое.—Царь, когда увидѣлъ, что ничто не помогаетъ, заплакалъ и, скрѣпя сердце, отдалъ своего любимца старухѣ.

Баба-Яга взяла царевича и пошла съ нимъ къ себѣ, домой. Дорогой они случайно встрѣтили другую старушку, которая отозвала царевича въ сторону и сказала ему: «Сыночъ! Куда ты идешь съ ней? Знаешь ли ты ее?»—Царевичъ отвѣтилъ старушкѣ, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ онъ идетъ и куда идетъ. Добрая старушка тогда сказала ему, что захватившая его старуха—Баба-Яга, и прибавила: «Ты, сынокъ, будь осторожнѣе съ ней! Она приведеть тебя къ себѣ домой, а въ домѣ у нея есть огромный котель съ сорока (40) ушами. Она заставитъ тебя разжечь подъ нимъ огонь и потомъ, когда котель нагрѣется, старуха бросить въ него курдюкъ сала и заставить тебя обходить вокругъ котла и размѣшивать въ немъ сало. Когда ты бу-

Баба-Яга и царевичъ.

дешь размѣшивать сало, Баба-Яга захочетъ толкнуть тебя въ котель, чтобы изжарить въ салѣ и съесть... Но ты не бойся, а только остерегайся: когда старуха величъ тебѣ обходить вокругъ котла и заглядывать въ него, ты ей скажи: «Бабушка, бабушка! Ученикъ не можетъ сразу хорошо выполнить то, что ему нужно сдѣлать, если ему прежде не показать мастеръ; поэтому, ты бабушка, сначала для примѣра сама обойди котель, загляни въ него, да и помѣшай сало, а потомъ уже и я съумѣю»... Когда же Баба-Яга будетъ тебѣ показывать, какъ это надо дѣлать, и поклонится надъ котломъ, ты и столкнись ее въ котель. Она тамъ изжарится, и ты освободишься отъ нея».

Предупредивъ такимъ образомъ царевича, добрая старушка распрошалась съ нимъ, и царевичъ пошелъ дальше за Бабой-Ягой.

Долго-ли, коротко-ли они шли, но наконецъ дошли до жилища Бабы-Яги. Когда они пришли въ домъ Бабы-Яги, она велѣла царевичу развести огонь подъ большимъ сорок-ухимъ котломъ. Царевичъ развелъ огонь подъ котломъ, а у самого душа такъ и дрожитъ. Когда котель накалился, Баба-Яга бросила въ него курдюкъ сала и сказала царевичу: «Ну-ка сыночъ, обойди разъ, другой вокругъ котла, заглядывай въ него, да помѣши сало». Но царевичъ отвѣтилъ Бабѣ-Ягѣ, какъ его научила дорогой добрая старушка: «Бабушка! у насъ есть пословица: «Сначала мастеръ долженъ показать, а потомъ и требовать, чтобы тоже размѣшивать сало, а потомъ уже и я буду подражать твоему примѣру».

Баба-Яга стала обходить котель и нагнулась надъ котломъ, чтобы видѣть, какъ раходитя сало... Тогда царевичъ изловчился, да и столкнулъ ее въ котель... Баба-Яга неистово заревѣла, застонала, покорчилась и умерла.... Царевичъ обрадовался, что ему удалось сжѣсть со свѣта Бабу-Ягу, поблагодарилъ Бога за свое спасеніе отъ нея и сѣть въ раздумъ, что ему дѣлать дальше.

Черезъ нѣсколько времени царевичъ увидѣлъ кошку, у которой на шеѣ висѣли сорокъ (40) ключей. Царевичъ поманилъ къ себѣ кошку, и кошка, ласково мяукая, подошла къ нему. Царевичъ снялъ съ ея шеи всѣ сорокъ ключей и началъ осматривать жилище Бабы-Яги. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ сорокъ дверей и сталъ ихъ поочереди отворять. Отперъ онъ одну дверь и увидѣлъ, что въ комнатѣ сидятъ дѣвицы. Всѣ они были блѣдныя, худыя, измученные. Когда царевичъ вошелъ къ нимъ, они начали испуганно кричать, указывая одна на другую: «Я не жирная, а вотъ она жирная... Она жирная, а я не жирная». (Дѣвицы испугались, думая, что царевичъ пришелъ

выбрать изъ нихъ, которую пожирнѣе, себѣ на обѣдъ, какъ это дѣлала Баба-Яга). Царевичъ успокоилъ ихъ, вывелъ изъ комнаты и отпустилъ на волю.

Потомъ царевичъ отворилъ вторую дверь и увидѣлъ, что въ комнатѣ сидѣть несколько мальчиковъ. Мальчики тоже испугались и начали показывать другъ на друга и кричать: «я не жирный, а онъ жирный»... Царевичъ и ихъ успокоилъ и отпустилъ на волю.

Такимъ образомъ онъ осмотрѣлъ 37 комнатъ.—Въ этихъ комнатахъ находилась всякая-всячина, но больше всего съѣстное.

Когда царевичъ отворилъ 38-ю дверь, то увидѣлъ, что въ комнатѣ были заперты три демона. Онъ вывелъ ихъ изъ комнаты, но не отпустилъ. Потомъ онъ отперъ 39-ю комнату и увидѣлъ тамъ трехъ прекраснѣйшихъ лошадей. И ихъ онъ вывелъ изъ жилища, но не отпустилъ. Наконецъ отворилъ царевичъ 40-ю дверь. Смотрѣть,—тамъ сидѣть особенной, невиданной красоты три птицы. Онъ взялъ ихъ съ собой и вышелъ наружу. Здѣсь царевичъ обратился къ демонамъ, лошадямъ и птицамъ и спросилъ у нихъ, чѣмъ они сами могутъ услугить ему, если онъ отпуститъ ихъ на свободу. Тогда демоны дали царевичу своихъ волосъ съ головы, птицы дали ему перьевъ, а лошади—шерсти. И сказали они царевичу: «когда мы тебѣ въ чѣмъ понадобимся, то возьми ты часть волосъ, перьевъ и шерсти нашей и зажги,—мы тотчасъ явимся къ тебѣ на помощь». Тогда царевичъ отпустилъ ихъ на волю.

Послѣ того царевичъ опять вошелъ въ домъ Бабы-Яги и замѣтилъ, что въ одномъ углу стоять два кувшина съ растворомъ чистаго золота. Царевичъ обмакнулъ въ золото свои косички, и волосы его сдѣлались золотыми. Тогда царевичъ вышелъ изъ дома Бабы-Яги и пошелъ, куда глаза глядятъ.

На дорогѣ, въ степи, царевичъ встрѣтилъ пастуха, выпросилъ у него баранью требушину, надѣлъ ее себѣ на голову и сталъ походить на паршиваго, противнаго мальчика... Идѣть отъ дальше, подходитъ къ одной курганчѣ (загородное жилище) и видитъ тамъ старую старушку. Старушка эта копается въ саду, ухаживаетъ за цветами. Увидя царевича, старушка остановила его и спросила: «Эй ты, паршивый мальчикъ! Ты кто? Чей ты сынъ? Куда идешь?»—Царевичъ отвѣтилъ, что онъ—круглый сирота и хочетъ быть сыномъ того, у кого нѣтъ дѣтей.—«А если такъ, то будь моимъ сыномъ: оставайся у меня, живи, гуляй по саду, любуйся цветами и бѣнь урюкъ (абрикосы), шанталу (персик), узюмъ (виноградъ), а я тебя буду любить, какъ своего родного сына», сказала старушка.

Царевичъ согласился и остался жить у этой старушки. Такъ царевичъ прожилъ у старушки нѣсколько годовъ. Но вотъ однажды царевичъ услышалъ, что въ сосѣднемъ городѣ живетъ царь, а у царя есть три дочери-красавицы, что младшая дочь всѣхъ красивѣе и что всѣ эти красавицы сами будуть выбирать себѣ жениховъ. Царевичъ услышалъ, что со всѣхъ сторонъ сталъ сходиться въ тотъ городъ народъ. Сталъ и царевичъ проситься у своей старушки, чтобы она его отпустила посмотретьъ на царскихъ дочерей. «Куда тебѣ, паршивому! Кто на тебя, паршиваго, позарится?—Развѣ такіе тамъ будуть красавцы?—Сиди-ка лучше дома!» уговаривала его старушка. Но царевичъ стоялъ на своемъ, и старушка отпустила царевича. Тогда царевичъ взялъ съ собой три пучка цветовъ, положилъ ихъ въ корзинку и пошелъ...

Пришелъ онъ въ тотъ городъ и видѣть, что царскія дочери въ дорогихъ одеждахъ сидѣть въ богатыхъ шатрахъ, а мимо нихъ проходить народъ. Лица у нихъ были закрыты прозрачною кисеєй, а изъ-подъ кисеи блестѣли ихъ черныя глаза. Царевичъ подошелъ къ царевнамъ и поднесъ имъ цветы. Старшія царевны не приняли отъ него цветовъ, а младшая взяла.

На другой день народъ собрался къ царскому дворцу. На крыше одного зданія были устроены красивыя сидѣнія для царевенъ, откуда они смотрѣли на проходившихъ юношахъ, чтобы выбрать себѣ жениховъ. Въ томъ городѣ при выборѣ жениховъ, былъ такой обычай, что всѣ молодые люди проходили мимо невѣсты, а она, кого избереть себѣ въ женихи, тому и бросить яблоко. Вотъ, и теперь молодые люди въ богатыхъ одеждахъ проходили мимо царскихъ дочерей. Первая и вторая царевны выбрали себѣ красивыхъ и богатыхъ жениховъ, а младшая бросила яблоко бѣдному царевичу, у которого была на головѣ требушина. Весь народъ удивился такому выбору, и сестры старшія разсмѣялись надъ нею...

Новели всѣ три царевны своихъ жениховъ къ отцу своему. Женихи двухъ старшихъ дочерей понравились царю, и царь велѣлъ помѣстить ихъ во дворцѣ, а младший очень не понравился царю, и царь велѣлъ отвести ему мѣсто въ конюшни. Старшія дочери со своими мужьями всегда бывають у отца, а младшую отецъ не принималъ къ себѣ и сердился на нее за то, что она выбрала себѣ такого плохого мужа...

По обычаю той страны, царь любилъ охоту. Однажды онъ позвалъ къ себѣ двухъ старшихъ зятьевъ и велѣлъ имъ отправиться на охоту. Стали собираясь царские зяя на охоту, взяли хорошихъ

лошадей, охотничихъ птицъ и опыгныхъ слугъ и отправились въ степь. Сталъ просяться и младшій зять на охоту, но старшіе свойки его даже не отвѣтили на его просьбу и отправились одни.

Тогда царевичъ досталъ волосы, перья и шерсть, что дали ему демоны, итицы и лошади въ домѣ Бабы-Яги. Взялъ онъ еще свою именную печать и пошелъ въ лѣсъ. Подошелъ опять къ лѣсу, сжегъ часть волосъ, перьевъ и шерсти,—и вдругъ передъ нимъ предстали духи, кони и итицы и сказали: «Чего тебѣ надо бно царевичъ? Мы готовы тебѣ во всемъ служить»... Царевичъ велѣть имъ наловить лучшихъ птицъ и принести къ нему. Тотчасъ демоныѣ были на лошадей, взяли ловчихъ птицъ и умчались въ лѣсъ... Немного прошло времени, какъ демоны возвратились къ царевичу и принесли съ собой разной дичи. Царевичъ приказалъ демонамъ разложить дичь по сортамъ и показать ему, которая всѣхъ вкуснѣе, а потомъ отпустилъ ихъ. Послѣ того царевичъ прилегъ на траву и лежитъ, какъ будто отдыхаетъ послѣ охоты... Тѣмъ временемъ и старшіе свойки измученные, усталые, сидѣтъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, возвращаясь съ охоты. Увидѣли они лежащаго царевича, подошли къ нему и удивились, что вокругъ него много разной дичи и стали у него выспрашивать, где онъ наловилъ такъ много дичи. Царевичъ показалъ имъ на лѣсъ. Тогда старшіе свойки его обратились къ нему съ ласковыми словами и начали просить его, чтобы онъ уступилъ часть дичи. Царевичъ не соглашался. Они предлагали ему деньги, но онъ отказался и отъ денегъ. Они стали еще больше его упрашиватъ, и тогда царевичъ согласился дать свойкамъ часть своей дичи, но только съ тѣмъ, чтобы они позволили ему положить свою печать на ихъ спинахъ. Дѣлать было нечего, и старшіе свойки согласились. Царевичъ вынулъ свою печать и заклеймилъ имъ спины, а потомъ далъ имъ самой плохой дичи.

Возвратились царскіе зятя домой и приготовили угощеніе для царя. Когда царь сталъ кушать дичь, принесенную старшими зятями, явился къ тестю-царю и младшій зять его изъ конюшни со своимъ угощеніемъ и говорить: «Вотъ, батюшка, попробуйте и моего угощенія,—я тоже былъ на охотѣ». Царь нехотя взялъ принесенное кушанье и сталъ пробовать его. Кушанье это очень понравилось царю, и царь на другой день велѣть младшему зятю наловить дичи и снова приготовить такое же кушанье. Царевичъ пошелъ въ лѣсъ и опять вызвалъ духовъ, лошадей и птицъ... Скоро дичь была наловлена, и царевичъ приготовилъ вкусное кушанье, но на дно блюда положилъ кусочекъ кизяка и такъ подалъ тестю-царю... Царь кушать съ удовольствіемъ, но когда увидѣль на днѣ блюда кизякъ,

приказалъ призвать царевича и спрашиваетъ его: «зачѣмъ это пошалъ сюда кизякъ?»—«Батюшка! вѣдь я живу въ конюшнѣ, гдѣ много на-возу, и не могъ досмотрѣть, какъ упалъ въ блюдо кусочекъ кизяка». Тогда царь велѣлъ и младшему зятю жить во дворцѣ, вмѣстѣ со старшими зятьями.

На другой день царь созвалъ всѣхъ трехъ своихъ зятьевъ и спросилъ младшаго зятя, почему онъ лучше всѣхъ ловить птицъ? Тогда царевичъ отвѣчалъ: «Батюшка! хорошихъ птицъ могутъ ловить настоящіе царевичи, а такъ какъ я—настоящій царевичъ, а они—мои слуги, то потому все такъ и выходитъ». Въ этотъ моментъ царевичъ сдернула съ головы своей требушину, и его золотыя косички заблестѣли. Царь удивился, а царевичъ сказалъ царю: «Батюшка! прокажите теперь старшимъ зятьямъ своимъ снять рубашки, и вы увидите на ихъ тѣлѣ мое царское клеймо. Царь сначала разсердился было, но потомъ велѣлъ старшимъ зятьямъ снять рубашки, а царевичъ указалъ на ихъ спины и сказалъ царю: «Это—мои слуги, потому что—они съ мною клеймомъ». Тогда царь назначилъ младшаго зятя наследникомъ царства.

По смерти тестя, царевичъ съ золотыми волосами началъ самъ царствовать.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ И. А. Митропольскимъ, со словъ ученика 2-й русско-узбекской школы Сандъ-Касыма Сагатбаева).

II

Кокандскій варіантъ той-же сказки.

Въ древнее время жилъ царь. У него были три жены, а дѣтей не было.

Однажды пришелъ къ царю непозѣтный юродивый (дивана) и, подавая царю три красныхъ яблока, сказалъ: «Возьми одно яблоко и съѣшь четверть яблока самъ, а осталъное отдай первой своей женѣ; другое яблоко отдай цѣлымъ второй женѣ; возьми потомъ послѣднєе яблоко, и одну половину его съѣшь самъ, а другую половину отдай третьей женѣ: на слѣдующій годъ вѣдь три жены твои родятъ тебѣ по сыну. Сыновей отъ первой и третьей жены отдашь мнѣ». Царь согласился, взять яблоки и отпустилъ юродиваго. Потомъ царь съѣлъ четверть одного яблока и отдалъ осталъное первой своей женѣ; другое яблоко царь

цѣлымъ отдать второй своей женѣ; одну половину третьаго яблока царь съѣль самъ, а другую половину отдать посѣдней своей женѣ.

Черезъ 9 мѣсяцевъ жены царя родили каждая по сыну: отъ первой жены родился сынъ, по туловище у него было короче обыкновеннаго на четверть; отъ второй жены родился красивый и здоровый мальчикъ съ золотыми прядями волосъ на головѣ; отъ третьей жены родился сынъ, у котораго туловище было короче обыкновеннаго на половину.

Прошелъ годъ. Въ одинъ день юродивый (дивана) снова пришелъ къ царю и сказалъ: «Ну, отдай мнѣ теперь сына отъ второй жены, какъ ты обѣщалъ мнѣ годъ тому назадъ». Царь отвѣчалъ: «Ладно» и опечаленнымъ пошелъ къ себѣ во дворецъ. Не желая отдавать юродивому здороваго и красиваго своего сына, царь велѣлъ привести сына сосѣда и вывелъ его къ юродивому; но юродивый взглянула на мальчика, сказавъ: «Нѣть, и это не тотъ, не мой». «Царь опять ушелъ въ домъ, велѣлъ привести сына дальнягососѣда и вывелъ мальчика къ юродивому, но юродивый сказалъ: «Нѣть, этотъ не тотъ, не мой». Наконецъ, царь рѣшился отдать юродивому своего сына-красавца съ золотыми волосами. «Вотъ этотъ—мой», сказала юродивый и ушелъ съ мальчикомъ.—Царь опечалился, много плакалъ о сыне, но помочь дѣлу не могъ.

Долго шелъ мальчикъ съ юродивымъ... Во время многолѣтняго путешествія мальчикъ выросъ въ высокаго красиваго юношу.—Однажды во время пути позади юноши появилась человѣческая голова (каля). Она подкатилась къ мальчику и шепнула ему: «Съ тобою идти не дивана, а шайтанъ; онъ въ образѣ дивана приходилъ и къ твоему отцу и теперь ведетъ тебя къ себѣ, чтобы съѣсть тебя. Я—тоже царевичъ и былъ уведенъ шайтаномъ и съѣденъ имъ. Вотъ я и предупреждаю тебя... Но ты не пугайся. Когда приведетъ тебя шайтанъ къ себѣ въ домъ, ты увидишь тамъ большой съ 40 ушами котелъ, наполненный кипящимъ масломъ; шайтанъ возьметъ желѣзную палку и велитъ тебѣ три раза обойти котелъ и заглядывать въ него, какъ кипитъ масло. Но ты ему скажи: «Нѣть, не пойду я вокругъ котла; ты дай мнѣ палку, я подержу ее, а ты самъ покажи, какъ нужно обходить котелъ».—Шайтанъ пойдетъ вокругъ котла, а ты ударъ его палкой; тотчасъ онъ упадетъ въ котелъ, сварится тамъ въ масло и издохнетъ... Тогда ты выгреби золу изъ-подъ котла и найдешь въ золѣ кусокъ мяса: возьми мясо въ руки, сидь и жди... Ты самъ увидишь тогда, что нужно тебѣ дѣлать».—Сказала эта голова и укатилась впередь...

Юродивый и юноша пришли наконец въ шайтановъ домъ. Тамъ юноша действительно увидѣлъ большой съ 40 ушами котель, въ которомъ кипѣло масло. Шайтанъ взялъ жеѣзную палку и сказалъ юношѣ: «Обойди три раза вокругъ котла». Но юноша сказала ему въ отвѣтъ: «Нѣть, не пойду: и пе знаю, какъ нужно обходить; ты прежде научи меня и покажи, какъ мнѣ нужно итти». Шайтанъ передалъ юношѣ палку и самъ пошелъ вокругъ котла. Когда шайтанъ поравнялся съ юношой, юноша такъ сильно ударилъ его палкой, что онъ упалъ въ котель съ кипящимъ масломъ, сварился и умеръ. Юноша досталъ тогда изъ золы кусокъ мяса и сѣлъ на землю. Вдругъ прибѣжала къ нему большая желтая кошка. На шеѣ у нея висѣли 40 ключей. Юноша бросилъ кошкѣ мясо, и пока кошка ъла мясо, онъ снялъ съ ея шеи ключи и осмотрѣлъ внутреннія помѣщенія шайтанова дома. Въ домѣ было 40 большихъ, запертыхъ на замки, комнаты. Юноша отворилъ однимъ ключемъ первую дверь, увидѣлъ большую комнату, а въ ней самыхъ лучшихъ коней въ мѣри и сказалъ: «Я убилъ дьявола и пришелъ отпустить всѣхъ васъ». Лошади задержали, а одна сказала человѣческимъ голосомъ: «Отрѣжь отъ гривы одной изъ наѣцъ прядь волосъ и сохрани ее; когда ты зажжешь эту прядь, мы услышимъ запахъ волосъ и тотчасъ прибѣжимъ къ тебѣ». Юноша отрѣзалъ прядь волосъ у этой лошади и выпустилъ всѣхъ лошадей.—Другимъ ключемъ юноша отворилъ вторую дверь и, увидѣвъ въ этой комнатѣ необыкновенныхъ охотничихъ птицъ, сказалъ имъ: «Я пришелъ, чтобы отпустить васъ». Птицы обрадовались, а одна изъ нихъ сказала человѣческимъ голосомъ: «Выдерни у одной изъ наѣцъ перышко; потомъ, когда ты зажжешь это перо, мы по запаху его тотчасъ прилетимъ къ тебѣ». Юноша взялъ одно перо и выпустилъ всѣхъ птицъ. Третьимъ ключемъ онъ отворилъ третью дверь и увидѣлъ въ комнатѣ сильныхъ людей, которыхъ дьяволъ употреблялъ въ лицу. Юноша скажалъ имъ: «я убилъ дьявола и пришелъ отпустить васъ». Всѣ обрадовались и вышли изъ дома дьявола.—Потомъ входилъ юноша въ 4-ю, 5-ю и 6-ю комнаты, нашелъ тамъ гончихъ, борзыхъ и другихъ породъ собакъ и скажалъ имъ, что отпускаетъ ихъ... Собаки съ радости заляли, а одна сказала человѣческимъ голосомъ: «выдерни у меня клокъ шерсти; потомъ, когда ты зажжешь шерсть, мы по запаху тотчасъ прибѣжимъ къ тебѣ». Юноша выдернулъ у этой собаки клокъ шерсти и отпустилъ всѣхъ собакъ. Вошелъ юноша въ 7-ю комнату, увидѣлъ тамъ жирныхъ свиней и отпустилъ ихъ на волю, но не взялъ отъ нихъ щетины.

Затемъ юноша по очереди отворялъ всѣ оставыя двери и, находя въ комнатахъ разныхъ животныхъ, птицъ и дикихъ звѣрей, всѣмъ имъ говорилъ о смерти шайтана, отпускалъ ихъ на волю, а отъ иныхъ браялъ по клочку шерсти, или по перу. — Такъ выпустилъ онъ барановъ, козъ, коровъ, ословъ, верблюдовъ, львовъ, тигровъ, слоновъ, волковъ, лисицъ, зайцевъ, кошекъ и разныхъ птицъ.

Въ послѣднихъ комнатахъ юноша нашелъ много платья разныхъ цветовъ, такого красиваго и дорогого, что его можно бы и въ раю надѣть на себя. Выбравъ нѣсколько лучшихъ штукъ платья, юноша взялъ ихъ съ собою и вышелъ изъ дома шайтана.

Долго шелъ юноша и, наконецъ, пришелъ въ большой незнакомый городъ. Когда онъ входилъ въ городъ, дочь царя увидѣла красиваго юношу съ золотыми волосами, влюбилась въ него и пожелала выйти за него замужъ. — У царя были еще двѣ старшія дочери, но сама красавица была младшая, которая полюбила юношу съ золотыми волосами.

Было время праздника послѣ поста «Рамазана». Но случаю лѣтняго времени¹⁾, мусульмане вышли на гулянье въ сады, или въ поля. Царь велѣлъ вывести и своихъ дочерей на крышу дома и черезъ визири своего приказалъ имъ, чтобы они съ крыши бросили по комку земли въ того мужчину, за котораго пожелаютъ выйти замужъ. Юноша, освободившись отъ шайтана, чтобы не быть узнаннымъ по головѣ съ золотыми волосами, надѣлъ на себя старое платье, обвязалъ голову чадрой и пошелъ на гулянье. Когда онъ проходилъ мимо тѣхъ домовъ, на крыши которыхъ стояли дочери царя, старшія дочери не догадались, что въ старомъ платьѣ идетъ красавецъ-юноша и пропустили его, не бросивъ въ него комкомъ земли; но младшая дочь-красавица узнала въ немъ юношу съ золотыми волосами и бросила въ него комкомъ земли. Старшія двѣ сестры кинули комки земли въ другихъ юношахъ, одѣтыхъ въ красивыя платья...

Выдавая замужъ старшихъ дочерей, царь устроилъ большой, веселый пиръ, а когда выдавали младшую дочь за юношу въ старомъ платьѣ, то устроилъ плохой пиръ и отвелъ новобрачнымъ мѣсто не во дворцѣ, а въ конюшнѣ.

Прошло нѣсколько времени. Однажды царь со своими визириями выѣхалъ на охоту и взялъ въ собою двухъ старшихъ зятьевъ съ

1) Постъ Рамазанъ совершается въ 9-мъ мѣсяцѣ мусульманскаго года и бываетъ до весеннаго времени года, такъ какъ мусульманскій годъ короче солнечнаго на 11 дней. Н. О.

ихъ женами, а младшаго зятя (съ золотыми волосами) оставилъ съ его женою въ конюшнѣ. Но младшій зять вынулъ прядь волосъ, выдернутыхъ изъ гривы лошади, оевобожденной изъ шайтанова дома, и зажегъ волосы. Въ ту же минуту у входа въ конюшню быстро появилась самая лучшая лошади міра. Юноша выбралъ изъ нихъ двѣ— себѣ и женѣ, а затѣмъ досталъ лучшее платье, взятое имъ изъ дома шайтана, одѣлся самъ и далъ платье своей женѣ, сѣялъ съ нею на лошадей и поѣхалъ къ мѣсту охоты царя. Царь узналъ свою дочь, но мужа ея не узналъ, удивился и спросилъ: «У тебя былъ плохой мужъ, а это--кто?» Дочь разсказалла отцу все, что знала о своемъ мужѣ. Царь очень разсердился на старшихъ дочерей за то, что они не выбрали себѣ такихъ-же мужей и приказалъ слугамъ умертвить ихъ.

Потомъ царь передалъ царство зятю съ золотыми волосами, а самъ удалился на покой. Новый царь побывалъ у своихъ родителей и, возвратившись въ новое свое царство, началъ справедливо царствовать. Когда ему было нужно лошадей и собакъ для охоты, или птицъ для пѣнія въ саду, онъ жегъ волосы и перья, полученные имъ отъ животныхъ и птицъ, которыхъ выпустилъ изъ дома дьявола,—и къ нему тотчасъ являлись самая лучшая лошади, птицы и собаки.

(Эта сказка записана въ Кокандѣ В. О. Васильевымъ со словъ ученика Кокандской русско-туземной школы Икрама, сына Кокандскаго кази Музллы Аныла).

III.

Баба-Яга и братъ ся царевичъ.

Въ одномъ городѣ жилъ царь. У царя было три сына, а дочери не было ни одной. Когда родился у царя третій сынъ, то вскорѣ царь совсѣмъ разлюбилъ мать этого сына за то, что она стала не красива. Царь прогналъ жену изъ своего дворца, а взамѣнъ ея взялъ себѣ другую жену, молодую и красивую.

У царя въ это время была одна очень умная и красивая лошадь, и царю хотѣлось имѣть отъ нея жеребенка. Но всякий разъ, какъ только эта лошадь жеребилась, то въ туже ночь кто-то похищалъ молодого жеребенка, и царю никакъ не удавалось не только имѣть, но даже и поглядѣть на него. Вотъ царь однажды и говорить

всёмъ тремъ своимъ сыновьямъ, чтобы они **каждый** годъ, въ день появленія жеребенка по-очередно находились въ конюшнѣ, не спали бы и вора караулили.

Наступило время жеребиться лошади. По старшинству, пошелъ на ночь въ царскія конюшни караулить вора старшій сынъ царя. Пришелъ онъ и поспѣлъ недолго, какъ началъ понемногу подувать прохладный и усыпляющій вѣтерокъ... Царевичъ крѣпко заснулъ подъ этотъ вѣтерокъ, а вѣтеръ между тѣмъ усилился... Подъ шумъ успившагося вѣтра, примчалась въ конюшню Баба-Яга, захватила только-что родившагося жеребенка и въ одинъ мигъ сгнула въ шумѣ вѣтра. На утро царевичъ проснулся и видѣть, что жеребенка нетъ, и пошелъ сказать отцу, что онъ все время караулилъ, но никакого жеребенка не видѣлъ.

На другой годъ очередь караулить досталась среднему брату. Съ нимъ случилось тоже самое, что и со старшимъ братомъ: и онъ тоже проспалъ, а жеребенка и Бабу-Ягу не видѣлъ.

На третій годъ наступила очередь итти на караулъ младшему царевичу, чтобы караулить жеребенка. Царевичъ пришелъ въ конюшню, взялъ пожъ, надрѣзаль имъ себѣ мизинецъ и посыпалъ надрѣзанное мѣсто солью. Мизинецъ сильно щипало, и царевичу было не до сна. Вдругъ повѣяло усыпляющею прохладой, и царевича начало клонить ко сну; но онъ еще посыпалъ солью разрѣзанный мизинецъ и не поддавался сну. Только настала темная ночь и все смолкли, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ. Въ вихрѣ примчалась Баба-Яга и схватила только - что родившагося жеребенка. Царевичъ успѣлъ выстричь въ нее и отбить у нея мизинецъ на рукѣ; но Баба-Яга съ визгомъ и воемъ скрылася изъ конюшни и всетаки уташила съ собой жеребенка. Царевичъ взялъ отшибленный у Бабы-Яги большущій, съ звѣринымъ когтемъ, палецъ, на утро привнесъ его къ отцу и сказалъ, что въ ихъ царскій домъ лстаетъ недобрый духъ.

Послѣ того молодая царица родила дочь и въ ту же почь сама скрылась изъ дворца. Царь сначала сильно обезпокоился этимъ, но потомъ забылся и привязался къ единственной своей дочери, а царевичъ сталъ жить на-сторожъ и ко всему приглядывался.

Вотъ однажды царевичъ увидѣлъ случайно свою неродную (отъ другой матери) сестру и замѣтилъ, что у нея на рукѣ цѣль мизинца. Царевичъ разомъ сообразилъ тогда, что это была дочь Бабы-Яги, у которой онъ отстрѣлилъ мизинецъ, и тотчасъ-же сообщилъ объ этомъ братьямъ и отцу. Царь и братья не повѣрили этому, но царевичъ сталъ просить отца, чтобы онъ убилъ дочь свою, или же отпустилъ

бы его самого изъ дома. Царь сказалъ ему: «У меня васъ, сыновей, трое, а дочь у меня только одна; поэтому, если хочешь, то самъ уходи». Царевичъ собрался и ушелъ, куда глаза глядѣли.

Долго царевичъ путешествовалъ. Однажды къ вечеру увидѣлъ опь на небольшой горкѣ домикъ, а внизу подъ горкой, вдоль рѣчки, тѣнистый садъ, съ разными пахучими и непахучими цветами и разными деревьями. Среди сада росли три большихъ тѣнистыхъ дерева, а на нихъ висѣли вкусные плоды и орехи. Подъ тѣнью этихъ деревьевъ быль раскинуть шатерь, въ которомъ сидѣла на разшинтомъ коврѣ молодая и красивая девица. Сидитъ она и грустить и печальная пѣсни поеть, брянча на тамбурѣ (родъ гитары), а сзади присѣла къ ней старушка, ея мать, и нѣжно ей стала косы расплетать. Царевичъ сталъ прислушиваться къ чужимъ пѣснямъ и весь превратился въ слухъ отъ такихъ дивно-грустныхъ и притомъ нѣжныхъ пѣсень. Слышалъ онъ, какъ девушка въ своихъ пѣсняхъ оплакивала свою горькую, нечастную девичью долю: она прощалась съ бѣлымя свѣтомъ, свѣтымъ солнышкомъ и своими пахучими цветами и кудрявыми деревцами. Нѣла она, что скоро придутъ къ матери ненавистные ей сваты и свахи отъ богатыхъ и знатныхъ жениховъ, соспатаютъ и уведутъ насильно изъ материшаго дома въ домъ какого-нибудь сластолюбиваго старика. И придется ей весь свой вѣкъ сидѣть взаперти, на женской половинѣ двора (ичкари), часто слышать и видѣть, какъ старшія жены мужа бранятся и дерутся между собой и попрекаютъ ее за ея молодость и красоту. Не выдержала расчувствовавшаяся девица конца своей пѣсни, зарыдала и упала на грудь своей матери. Девица стала просить и умолять мать, чтобы не отдавала она ее за такого мужа, у которого много жень и чтобы ей не приходилось ждать очереди, когда мужъ приласкаетъ ее и приголубить, а чтобы выдала ее хоть за бѣднаго, да за молодого и умнаго мужа, да въ такое царство, гдѣ, по закону, у мужа одна жена и гдѣ все женщины и девицы ходятъ съ открытымъ лицомъ.

Заслушался царевичъ нѣжныхъ пѣсень и умныхъ рѣчей девицы-красавицы и незамѣтно для самого себя самъ тихо запѣлъ грустную пѣсню. Нѣль опь, какъ его отецъ-старикъ прогналъ его мать за то, что она стала некрасива и не могла его своими ласками потѣшать; нѣль опь дальше, зачѣмъ есть на свѣтѣ такой плохой законъ, что мужья такъ своихъ женъ обижаютъ, а отцы насильно своихъ дочерей замужъ выдаютъ...

Мать и дочь испугались, услышавъ пѣніе неожиданного гостя-пѣвца. Дочь уѣжала, а мать старушка осталась одна дослушивать

его пѣсню. Старушка ласково приняла путешественника и разспрося-
ла у него: кто онъ такой, куда идеть и какъ сюда попалъ?—

Царевичъ рассказалъ, что онъ — сынъ царя, который про-
гналъ его мать за то, что она стала некрасива и вѣжль на мѣсто
ней привести себѣ другую, молодую и красивую дѣвицу, отъ которой
родилась потомъ четырехъ-налада Баба-Яга. Мать ея тотчасъ же послѣ
родовъ, ночью скрылась, по отецу его еще больше привязалася къ
единственной своей дочери. Царевичъ закончилъ, что онъ, изъ боязни
иогибнуть отъ своей сестры, ушелъ отъ отца, и рѣшилъ во что бы
то ни стало найти свою несчастную мать...

Старушка уговарила царевича отдохнуть у нихъ, а тѣмъ вре-
менемъ она подумаетъ найти средство, какъ бы ему легче и скорѣе
розвыскать свою мать. Царевичъ согласился и пожилъ у нихъ. За это
время мать и дочь такъ привыкли и полюбили царевича, что неохот-
но отпустили его въ его дальнѣйшій путь. На дорогу старушка дала
царевичу гребенку, бритву и оселокъ-точило и сказала при этомъ:
«Это ты, сынокъ, береги больше всего на свѣтѣ: когда случится у тебя
неизѣбѣжная бѣда, ты сначала бросай гребенку, потомъ бритву, а
затѣмъ уже точило-брюсокъ. А еще вотъ тебѣ маленько весельце:
когда тебѣ будуть попадаться разомъ нѣсколько дорогъ, ты брось
на землю эту падочку-весельце, и, куда она лопаткой повернется,
туда ты иди... Такимъ образомъ ты найдешь свою мать». — Дочь
дала царевичу прядь своихъ красивыхъ волосъ.

Царевичъ ушелъ, а старушка съ дочерью стали скучать по такому
желанію и доброму юношѣ. Больше же всего стала скучать и то-
сновать по царевичу дочь. Но старушка мать стала угѣшать ее и
говорить, что онъ долженъ будетъ когда-нибудь вернуться къ нимъ.

Много пришлось несчастному царевичу разныхъ земель прохо-
дить и обидѣть отъ недобрыхъ людей переносять, но каждый разъ ему
показывала вѣрную дорогу палочка-весельце. Наконецъ-то онъ при-
шелъ въ то царство, где жила еще въ юности неволѣ его мать..
(Когда она ушла изъ дома своего мужа-царя, ее на дорогѣ схватили
разбойники и продали на базарѣ въ рабство). Въ тотъ день, где
находилась мать царевича, царевичъ вошелъ переодѣтымъ бѣднымъ
купцомъ и началъ торговатъ свою мать, какъ бы въ служанки для
присмотра за домомъ. Не за дорого выкупили онъ свою мать изъ не-
воли и остался съ нею жить въ этомъ городѣ, въ своемъ купленномъ
домѣ. Царевичъ признался матери, что онъ — ея сынъ, а она — его
мать. Началь царевичъ торговатъ, и торговыя дѣла его пошли очень
хорошо... Народъ полюбилъ его и считалъ за умнаго и доброго человѣка.

Прошло нѣсколько времени, и вдругъ мать **его захворала**, похоронала-похорала и умерла. Похоронивъ мать, царевичъ долго горевалъ и наконецъ рѣшилъ покинуть этотъ городъ, чтобы лучше забыться въ путешествіи. Часть своего имущества онъ продать, а больше всего раздать бѣднымъ, нищимъ, чтобы они молились Богу о его покойной матери, которую при жизни всѣ любили за ея добрыя дѣла. Поставилъ царевичъ памятникъ на ея могилѣ, а самъ пошелъ на родную сторонушку посмотретьъ, какъ живутъ тамъ его отецъ, братья и четырехъ-налая сестра, дочь Бабы-Яги.

Когда царевичъ подходилъ ко дворцу своего отца, народъ съ удивленіемъ и жалостью глядѣть на него, но не посмѣть прямо сказать ему, что во дворцѣ живется неладно. Но царевичъ объяснилъ себѣ это изумленіе тѣмъ, что онъ—пріѣзжій человѣкъ и что потому на него такъ странно и смотрятъ.

Пришелъ царевичъ во дворецъ, долго ходилъ по комнатамъ дворца, но нигдѣ ни одного человѣка не нашелъ. Наконецъ онъ заглянула въ скважину одной двери и остоаabenѣль отъ удивленія и испуга. Онъ увидѣть черезъ скважину свою сестру Бабой-Ягой. Она спѣла и съ наслажденіемъ перебирала головы, отѣденныя ею же самой у разныхъ людей. Шотомъ царевичъ увидѣть, какъ она разыскала голову своего отца—царя и откинула ее въ сторону. Затѣмъ она нашла голову старшаго брата и тоже отбросила ее. Наконецъ взяла она голову средняго брата и говорить: «Когда-то я доберусь до головы младшаго брата!» Царевичъ отскочилъ отъ двери, но Баба-Яга, услышавъ шорохъ за дверью, живо пересвернулась опять въ его сестру-дѣвицу, вышла къ своему брату и стала его распрашиввать, какъ онъ путешествовалъ; а потомъ стала уговаривать его, чтобы онъ погостили у нея, такъ какъ у нея теперь большое горе—умерли отецъ и братья. Царевичъ отговаривался тѣмъ, что у него есть срочная дѣла и что онъ лучше потомъ къ ней зайдетъ; но она уговорила брата хоть только пообѣдать съ ней.

Дѣлать было нечего, и царевичъ согласился остатъся обѣдать у сестры. Тогда сестра дала ему барабанъ и говорить: «На, вотъ тебѣ, братъ, барабанъ, и ты все время въ него барабань, чтобы я знала, что тебѣ здѣсь не скучно, а я пойду готовить обѣдъ». Царевичъ дрожающими руками взялъ барабанъ и принялъ въ него барабанить, а сестра ушла готовить обѣдъ.

Только ушла она отъ царевича, какъ въ комнату вбѣжала старая лиса и говорить: «Песлушай-ка, царевичъ: тебѣ готовите здѣсь великая бѣда: вѣдь твоя сестра—Баба-Яга! Она пошла готовить

для тебя обѣдъ съ яdomъ. Если ты тутъ останешься, то черезъ часъ ты иогибнешь,—и будешь здѣсь лежать твоя голова вмѣстѣ съ головами братьевъ и отца. Поэтому ты давай мнѣ барабанъ и палочки: я стану барабанить, а ты скорѣй убѣжай. Царевичъ отдалъ лисѣ барабанъ и убѣжалъ, а лиса барабанила себѣ, да барабанила.

Когда обѣдъ сварился, Баба-Яга пошла звать брата обѣдать. Идетъ она и подь носъ себѣ говорить: «Хорошо ты барабаниши, а вотъ я ужо посмотри, какъ ты у меня здѣсь съ отцомъ и братьями рядомъ ляжешь... Какъ ты далеко ии гулялъ, а все-таки своей судьбы здѣсь не избѣжалъ».—Лиса услышала голось Бабы-Яги и живо скрылась.

Услышала Баба-Яга, что царевичъ пересталъ барабанить и опять заговорила себѣ подь носъ: «Ужъ очень хорошо ты, братецъ, барабанилъ и видно усталъ, что барабанить пересталъ... Ногоди, сейчасъ вотъ пообѣдаемъ, поговоримъ, отца съ братьями помянемъ и за-снемъ».—Въ это время она отворила дверь, а въ комнатѣ никого нѣть.—Разомъ догадалась тутъ Баба-Яга, что изъ бѣды выручила царевича старая лиса.

Помчалась Баба-Яга догонять брата, по далеко царевичъ убѣжалъ... Оглянулся и видитъ—мчится за нимъ Баба-Яга, бѣжитъ, мычитъ и смертью царевичу грозить. Тутъ царевичъ вспомнилъ про гребенку, бритву и точило-брюсокъ. Живо досталъ онъ гребенку, бросилъ ее Бабѣ-Ягѣ, а самъ продолжалъ бѣжать. Вдругъ передъ Бабой-Ягой выросъ большой, густой, непроходимый лѣсъ. Долго Баба-Яга пробиралась черезъ лѣсъ, но все-таки выкарабкалась и снова стала догонять царевича. Царевичъ обернулся и еще болѣе испугался, когда увидѣлъ, что она вся исцарапана и окровавлена... Баба-Яга остервенѣла пуще прежняго.

Когда стала она настигать царевича, онъ бросилъ ей бритву. Вдругъ передъ Бабой-Ягой поднялась высокая и неприступная гора... Царевичъ успѣлъ далеко убѣжать, а Баба-Яга черезъ горы и скалы снова за нимъ мчится и догоняетъ его. Тогда бросилъ царевичъ Бабѣ-Ягѣ точило-брюсокъ, а самъ немножко отбѣжалъ и въ неизможеніи на землю упалъ. Только что Баба-Яга подбѣжала къ точилу-брюску, какъ передъ ней образовалось бездонное море. Тутъ же поднялась и сильная буря. Долго Баба-Яга боролась съ бушующими волнами и чуть было не выплыла, но схватила ее за ногу чудовище-рыба и ко дну морскому потащила.

На берегу моря царевичъ отдохнулъ, а потомъ палочкой-весельцемъ по морю взмахнулъ. Вдругъ чудовище-рыба къ нему подплыла

и приговорила: «Не бойся теперь, царевичь, никого: Бабу-Ягу я большущимъ камнемъ ко дну морскому придавила и къ тебѣ на выручку снова поспѣшила. Теперь ты садись на меня: я живо на другой берегъ тебя перевезу». Царевичь сѣлъ на спину чудовища-рыбы и скоро переплылъ черезъ море. Царевичь сталь рыбу благодарить и прощаться съ ней, а рыба-чудовище ему говорить: Благодарить можно, а прощаться нельзя: я, можетъ быть, скоро оять буду нужна тебѣ; только ты не теряй и всегда бери съ собой палочку-весельце».

Возвратился царевичь въ тотъ городъ, гдѣ царствовалъ его побоинный отецъ. Народъ весь отъ пепуга дрожитъ,—все ждеть, скоро ли вернется назадъ Баба-Яга, чтобы снова народъ пожирать и ихъ кости глотать. Но царевичь успокоилъ народъ и разсказалъ все о Бабѣ-Ягѣ. Началь онъ осматривать дворецъ и нашелъ въ комнатахъ головы отца, братьевъ и другихъ людей и животныхъ. Увидѣлъ онъ также, что рядомъ лежатъ красавыя головки отъ украденныхъ изъ царской конюшни жеребятъ.—Головы отца, братьевъ и другихъ людей царевичъ похоронилъ и на поминахъ весь народъ напоилъ и накормилъ.

Черезъ нѣсколько времени царевичь задумалъ жениться и разослать многихъ умныхъ людей по всемъ странамъ, чтобы отыскать ту старушку, у которой была красавица и умница дочь. Онъ рассказалъ посланнымъ, какъ эта старушка дала ему на дорогу гребень, бритву и точило-брюсокъ, а на всякий случай еще палочку-весельце, и какъ дочь ея дала ему прядь своихъ волосъ. При этомъ онъ далъ каждому послу по волоску, чтобы они не ошиблись, когда найдутъ ту девицу.

Долго ждали новый царь своихъ посланныхъ: Наконецъ три посла пришли и привезли другую прядь такихъ же точно волосъ. Они сказали, что старушка и дочь ея живутъ теперь за тѣмъ моремъ, что образовалось отъ брошенного имъ бруска, и будутъ радоваться, когда увидятъ у себя царя съ приближенными людьми.

Отправился молодой царь за невѣстой, прѣѣхалъ къ морю, а тамъ для нихъ корабль былъ уже готовъ. Благополучно переплылъ царь море и впередъ поскакалъ къ невѣстѣ и ея матери. Много было пролито слезъ радости и царемъ, и невѣстой его, и материю ея—старушкой.

На другой день царь съ невѣстой, ея матерью и своими людьми отправился въ свое царство. Прѣѣхали они къ морю, сѣли все на корабль и поплыли. Но только они выплыли на средину моря, гдѣ погибла Баба-Яга, какъ вдругъ поднялась сильная буря. Корабль ихъ чуть не тонетъ. Тутъ царь и вспомнилъ про чудовище рыбу, взмахнувъ палочкой-весельцемъ,—и передъ ними въ мигъ появилась опять также громаднѣйшая рыба. И только они успѣли все на чудовище-

рыбу перебраться, какъ корабль па ихъ глазахъ сталъ трещать и ломаться и наконецъ потонулъ, а чудовище-рыба быстро неслась по шумящимъ волнамъ къ берегамъ. Пристали къ берегу и вышли на сушу. Царь и цвѣста поблагодарили чудовище-рыбу и пригласили ее къ себѣ на свадьбу. Рыба сама ихъ поблагодарила и всего хорошаго имъ пожелала. Потомъ хвостомъ всплеснула и въ морѣ скрылась. Затѣмъ и буря вдругъ утихла на морѣ.

Свадьбу проводили 40 днѣй и 40 ноћей, а потомъ молодые супруги продолжали свою счастливую жизнь.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ И. А. Митропольскимъ, со словъ сарта сапожника, въ его мастерской).

IV.

Царевичъ-богатырь и мечъ-кладенецъ.

Жилъ-былъ царь, и было у него три сына. Передъ смертью царь раздѣлилъ свое наследство между тремя сыновьями: старшему онъ отказалъ свое царство; среднему — всѣ свои сокровища, а младшему оставилъ древній богатырскій мечъ, отбитый имъ въ старину у одного чародѣя. Когда отецъ умеръ, старшій сынъ началъ воевать съ сосѣдними народами, но враги отняли у него царство. Средній сынъ пустился въ кутежи и живо промоталъ все отцовское наследство. Младшій же сынъ жилъ тихо, день и ночь охраняя чародѣйскій мечъ. Наконецъ, ему наскучило жить безъ дѣла, и онъ предложилъ своимъ братьямъ отправиться въ чужія страны и поискать счастья. Братья согласились и отправились.

Вотъ они шли-шли и пришли къ большой рѣкѣ. По берегамъ этой рѣки находились высокія, красивыя мѣста и тѣнистые сады: около одного изъ этихъ садовъ протекала большою ключъ свѣтлой, холодной воды. Братья тутъ и остановились отдохнуть на нѣсколько дней.

Когда старшіе братья заснули, младшій взялъ свой мечъ и пошелъ, при свѣтѣ яркой луны, осмотрѣть мѣстность. Въ одномъ саду онъ увидѣлъ большой красивый домъ, обнесенный неизвестною стѣной и рвомъ. Царевичъ вынулъ свой мечъ, срубилъ два тополя, сдѣлалъ изъ нихъ лѣстницу и перекинулъ ее че́резъ ровъ. Потомъ онъ приставилъ лѣстницу къ стѣнѣ и въ мигъ очутился на ея гребиѣ. Какъ разъ въ это время луна еще сильнѣе облила замокъ своимъ серебристымъ свѣтомъ, и царевичу представилось чудное зрѣлище: онъ увидѣлъ высокій холмъ, покрытый деревьями необыкновенной

вышины; изъ-подъ корней ихъ била ключемъ серебристая вода и стекала въ огромные водоемы, въ которыхъ плавали золотистыя рыбки. А на самой вершинѣ холма лежаѧ и храниѧ на весь садъ Бѣлый Дивъ. Царевичъ спрыгнулъ со стѣны, тихо подошелъ къ спящему Диву, вынулъ свой мечъ и призадумался, отрубить ли онъ голову чудовищу, такъ какъ мечъ его былъ коротокъ. Но вдругъ мечъ вытянулся на 40 аршинъ. Царевичъ размахнулся и разомъ отрубилъ голову Диву. Кровь полилась ручьемъ, а голова Дива провалилась въ землю.

Въ водоемѣ, на спинѣ одной золотой рыбки царевичъ увидѣлъ серебряный ключъ. Взялъ онъ этотъ ключъ и пошелъ въ домъ. Видитъ царевичъ—на одной двери виситъ серебряный замокъ. Онъ отперъ замокъ серебрянымъ ключемъ и вошелъ въ большую комнату. Въ пей было очень много разныхъ дорогихъ украшений, а на стѣнахъ висѣло девять ключей. Снялъ онъ эти ключи и, увидѣвъ желѣзную дверь, запертую 9 замками, отперъ ее снятыми со стѣны ключами. Здѣсь онъ увидѣлъ сидѣвшую въ неволѣ белолицую красавицу-царевну, всю украшенную жемчугомъ и бризюрою. Она обрадовалась царевичу, какъ родному брату, а онъ стоять, пораженный ея красотой, и не шелохнется. Царевна рассказала своему спасителю, что этотъ страшный Дивъ сѣсть-ся отца и перебѣгъ почти весь пародъ, а ее къ себѣ въ неволю взялъ. Затѣмъ она сказала царевичу: „Если я такъ хороша, то полюбуйся на меня, отдохни немножко, а потомъ спасайся, скорѣй уходи: вѣдь, Бѣлый Дивъ скоро проснется и придетъ ко мнѣ: тогда онъ тебя въ мигъ сѣсть“. Царевичъ успокоилъ ее, сказавъ, что онъ уже убилъ этого Дива. Тогда царевна стала просить царевича-богатыря взять ее замужъ за себя. Но царевичъ сказалъ, что у него есть два старшихъ брата и что имъ слѣдуетъ раньше его жениться. Онъ обѣщалъ скоро приелать къ ней старшаго своего брата, а самъ ушелъ и заперъ царевну только на одинъ замокъ. Царевна немножко вздохнула, успокоилась и ожидала, когда придетъ за ней женихъ.

Царевичъ вернулся къ братьямъ и легъ спать. Когда братья проснулись, то даже и не заметили, что ихъ младшій братъ уходилъ ночью. Весь день проспала царевичъ и только къ вечеру всталъ. На другую ночь, лишь только старшіе братья заснули, царевичъ снова всталъ, взялъ свой мечъ и опять пошелъ, но уже въ противоположную сторону. Видѣть онъ большой курганъ, а на курганѣ раскинуты шатры: въ нихъ, при свѣтѣ луны, сидѣть и пьютъ кумысъ 40 разбойниковъ. Они говариваютъ убить сеѣдняго богатаго царя и ограбить всю его казну. Царевичъ, услышавъ это, пересчиталъ разбойниковъ и, обдумавъ,

что говорить и что дѣлать, переодѣлся въ разбойничью одежду, незамѣтно вошелъ въ шатерь и подошелъ къ разбойникамъ.

,Эй! ты кто такой? Ночной бродяга! Зачѣмъ сюда идешь?“ вскрикнули разомъ разбойники. Царевичъ, не слушая ихъ, вынулъ свой богатырскій мечъ и, опираясь на него, сказалъ имъ, что онъ тоже разбойникъ и давно ихъ искалъ, чтобы быть ихъ 41-мъ товарищемъ. Разбойники, увидя его страшный мечъ и гордую осанку, удивились, что онъ даже знаетъ, сколько ихъ, и охотно выбрали его своимъ атаманомъ. Разбойники подробно рассказали ему свой планъ грабежа и отиравились. Подошли они къ стѣнѣ, переглянувшись и увидѣли въ саду большой домъ. 40 разбойниковъ остались у дома, а царевичъ, держа въ рукахъ мечъ, тихо отворилъ дверь и вошелъ въ большую царскую комнату. Здѣсь онъ увидѣлъ 40 спящихъ министровъ и одиннадцать ударомъ своего 40 аршиннаго мечза зарубилъ всѣхъ. Идти въ другую комнату и видѣть тамъ 40 казначеевъ. Они снять мертвымъ сномъ, а среди нихъ стоять золотой сундукъ съ казной. Царевичъ и ихъ убилъ. Царя онъ не сталъ искать, а взять эту сундукъ и пошелъ къ своимъ товарищамъ. Разбойники обрадовались, увидя такое богатство. Царевичъ приказалъ имъ всѣмъ вѣзти на стѣну, чтобы потомъ передать имъ золотой сундукъ и самому переглянуть черезъ стѣну. Разбойники заѣздили на стѣну и стали ждать, когда имъ царевичъ подастъ сундукъ; но царевичъ выхватилъ свой сорокааршинный мечъ и одиннадцать ударомъ зарубилъ всѣхъ разбойниковъ. Затѣмъ сундукъ онъ закрылъ въ землю и вернулся еще почью къ спавшимъ братьямъ, которые опять ничего не знали о его уходѣ.

На другой день всѣ братья собрались у ключа юсть палау¹⁾ и совѣтовались, куда имъ ити. Тутъ царевичъ сказалъ, что онъ видѣлъ въ эту почю страшный сонъ и рассказалъ всѣ подробности своихъ богатырскихъ похождений, совершенныхъ имъ въ эти двѣ ночи. Старшіе братья удивились такому сну и начали видѣть въ младшемъ братѣ настоящаго богатыря.

Въ это время ихъ разговоръ подслушала Баба-Яга.

На другой день ограбленный царь проснулся и видѣть, что его министры и казначеи перебиты, а казна похищена. Собрался къ царю народъ, послышались вездѣ крики и стоны: плакали родные о своихъ убитыхъ отцахъ и братьяхъ, и никто не зналъ, кто такой былъ почью. Но вотъ къ царю пришла Баба-Яга и сказала, что она подслу-

¹⁾ Палау — любимое блюдо у сартовъ. Палау — разваренный въ бараньемъ салѣ рисъ, приправленный морковью, лукомъ, перцемъ и др. Въ котлѣ вѣбѣтъ съ рисомъ варится и куски бараньяго мяса, которые потомъ и подаются съ рисомъ. Н. О.

шала разговоръ трехъ братьевъ. Тогда царь призвалъ своихъ 40 палачей и приказалъ имъ розыскать этихъ трехъ братьевъ и доставить ихъ ему живыми. Палачи, по указанію Бабы-Яги, нашли то мѣсто, где были братья-царевичи. Младший царевичъ пошелъ покушаться, а два старшіе брата его остались одни. Въ это самое время на нихъ напали палачи и связали ихъ, а къ младшему подкралась Баба-Яга и хотѣла сама это утащить къ царю, но царевичъ быстро выхватилъ свой мечъ и распоролъ имъ животъ Бабѣ-Ягѣ. Отрѣзавъ у нея длинную косу, онъ обвилъ ея косою рукоятку меча и пошелъ къ братьямъ. Только что онъ сталъ подходить къ своему мѣсту, какъ увидѣлъ тамъ 40 палачей, а братьевъ своихъ связанными. Палачи, увида его, закричали: „Иди, иди, голубчикъ! Тебя-то и нужно! Ужъ давненько тебя ждемъ; давненько тамъ у царя для тебя острый ножъ припасенъ“. Царевичъ взмахнулъ своимъ 40-аршиннымъ мечемъ,—и сорока палачей какъ не бывало.

Долго царь ждалъ посланныхъ своихъ палачей. Наконецъ, онъ позвалъ къ себѣ трехъ колдуновъ, чтобы они сказали, какая тому причина. Колдуны развернули свои книги, прочитали ихъ и сказали царю: «О царь! тамъ есть три брата-царевича, и младший изъ нихъ—богатырь. Онъ за это короткое время убилъ Бѣлаго Дива, убилъ 40 министровъ, 40 казначеевъ, 40 человѣкъ разбойниковъ и, наконецъ, онъ же убилъ 40 палачей твоихъ. Этотъ царевичъ владѣеть сильнымъ оружиемъ, а потому и не слѣдуетъ съ нимъ воевать, а лучше побѣдить его обманомъ.» Поэтому колдуны посовѣтовали царю зазвать царевичей въ гости.

Царь послушалъ колдуновъ, послалъ трехъ своихъ министровъ и велѣлъ взять изъ царской конюшни трехъ хорошихъ лошадей въ подарокъ тремъ братьямъ. Три министра пріѣхали къ тремъ братьямъ, подарили имъ отъ имени царя коней и стали просить ихъ на пиръ къ своему царю. Братья согласились и побѣхали вѣтре троє къ царю. Царь принялъ ихъ съ почестями и усадилъ возлѣ себя. Два старшихъ брата сѣли по бокамъ царя, а младший сѣялъ напротивъ него, чтобы удобнѣе было смотрѣть прямо въ глаза царю и слѣдить за движениими глазъ и выраженіями лица его. Царя и его гостей окружило войско и народъ. Тогда царь разсказалъ народу, кто эти три человѣка, и сколько людей убилъ младший изъ нихъ своимъ волшебнымъ мечемъ. Богатырь-царевичъ во всемъ спокойно признался и продолжалъ сидѣть. Царь сталъ сирашиватъ, какой казни достоинъ этотъ преступникъ. Но царевичъ давно все это уже замѣтилъ и только на колѣни къ себѣ свой мечъ положилъ. Какъ увидѣли три колдуна

этот мечь, да еще посю Бабы-Яги на рукояткѣ меча, то разомъ сообразили, что лучше всего дѣло это кончить миромъ. И стали они склонять къ этому народъ. Тогда народъ сказалъ царю: «Такого богатыря надо не казнить, а твою царскою дочерью наградить: такой богатырь будетъ народною красой, а вѣмъ другимъ царямъ грозой». Царь предложилъ царевичу единственную свою дочь, но царевичъ отказался и сказалъ, что онъ долженъ жениться послѣднимъ изъ братьевъ и показать на своего средняго брата, какъ на достойнаго жениха царской дочери.

Свадьбу ныровали 40 дней и 40 ночей. Послѣ пира два младшіе брата побѣхали провожать старшаго брата въ замокъ убитаго Дива, къ болѣликой царевнѣ. Когда царевичъ пріѣхалъ въ замокъ, у пѣнистой царевны полились отъ радости слезы по бѣлому лицу. Долго три брата-царевича говорили и вторую свадьбу справили. Ныровали 40 дней и 40 ночей. И стать жить зѣбѣ старшій царевичъ и царствовать и разбѣжавшійся народъ собирать, а младшіе братья вернулись назадъ.

Недолго младшій царевичъ гостили у средняго брата. Средний братъ не отпускалъ младшаго, говоря, что какъ онъ уйдетъ, то царь у него свою дочь отбереть, а его самого убѣть. Но младшій царевичъ усноконилъ брата и сказалъ, что если царь только подумаетъ хоть что-нибудь сдѣлать своему зятю, то онъ, царевичъ, быстро очутится здѣсь и своимъ мечемъ зарубить и царя, и весь народъ. Царь обѣщался не только не обижать своего зятя, но дать слово любить его. Тогда царевичъ велѣлъ царю приказать сдѣлать ногайку, ручку къ ней выпить изъ серебра и насыпать сахару въ нее. Когда ногайка была подана царю, царь отдалъ ее царевичу, а царевичъ своимъ богатырскимъ мечемъ надѣлѣкъ конецъ черенка и, отдавая при царѣ эту ногайку брату, сказалъ: «На, братъ, тебѣ вотъ эту ногайку; повѣсь ты ее у себя въ спальнѣ на стѣнѣ, подставь подъ нее тарелку и смотри: если изъ нея потечетъ бѣлая вода; то это значить, что я помню тебя; когда же потечетъ красная вода, то ты садись вотъ на этого дикаго коня и екачи ю миѣ. Конь самъ будетъ знать, куда падо будетъ скакать. При этомъ царевичъ надрѣзаль коню лѣвое ухо. Конь, приведенный изъ степи, захрапѣлъ и подпрыгнулъ до самой крыши дворца. Его еле-еле могли слуги въ конюшню отвести, а царевичъ добавилъ: «Иу, теперь прощай и къ брату на свадьбу пріѣзжай». Сѣль царевичъ на даренаго ему царемъ коня и ускакалъ.

Царевичъ направился въ Бухару и видѣть: тамъ весь народъ плачетъ. Онъ спросилъ о причинѣ плача, и ему разсказали, что въ городъ приходитъ необыкновенно большой драконъ (аждага) и каждый день пожираетъ по-очереди по одной дѣвицѣ изъ каждой семьи

и по одному барану, а теперь прямо стали выводить къ нему за городъ по дѣвицѣ и по барану, чтобы онъ въ городъ самъ не ходить и меньше страху наводиль. Царевичъ купилъ себѣ на одинъ копейкъ (20 коп.) мяса и хлѣба и зашелъ въ домъ къ одной старухѣ. Оказалось, что это была Баба-Яга. Она сидѣла и плакала отъ страха, какъ бы и до нея не дошла очередь быть съѣденою дракономъ, такъ какъ въ этотъ день уже отвели въ поле царскую дочь на съѣденіе дракону. Царевичъ сварилъ себѣ налау, поѣхъ и ушелъ въ поле. Принеся въ поле царевичъ видѣть, что на богатомъ коврѣ сидѣть и плачеть царская дочь, а возлѣ нея лежитъ барашекъ.

Подошелъ къ ней царевичъ, и сказала ему царевна, чтобы онъ уходилъ скорѣе, а то его драконъ съѣсть. Но царевичъ не послушался царевны, а взягъ—зарѣзать барашка, изжарить его, поѣхъ и говорить царевичѣ: «Я очень усталъ и лягу возлѣ тебя отдохнуть. Но какъ только ты заслышишь, что идѣтъ драконъ, ты разбуди меня. и если я не буду просыпаться, то ты тогда возьми мой мечъ и концомъ его уколи меня въ бедро: тогда я прощуешь и буду защищать тебя отъ дракона».

Прошло немного времени, какъ царевна уже заслышала приближеніе дракона и начала будить царевича. Но царевичъ крѣпко спалъ и не пробуждался. Тогда она начала колоть его мечемъ,—кровь потекла, а царевичъ все спалъ. Тогда царевна горѣко заплакала, горячія слезы ея капнули на ея кольцо съ именной печатью. Она приложила нагрѣвшуюся печать царевичу къ виску, и царевичъ—богатырь живо проснулся и видѣть не вдалекѣ отъ себя дракона. Увидѣвъ дракона, царевичъ лѣвой рукой крѣпко прижалъ къ своей груди царевну, а въ правую взялъ свой волшебный мечъ.

Только что драконъ приблизился къ царевичу и разинулъ свою пасть, какъ царевичъ воинилъ ему въ ротъ свой 40-аршинный мечъ. Стѣнь задрожала, когда драконъ зарычалъ; а какъ драконъ назадъ отскочилъ,—земля затряслась. Потомъ, когда драконъ снова бросился на богатыря-царевича, снова царевичъ воинилъ ему свой мечъ, расположилъ ему животъ и выпустилъ на волю всѣхъ людей и барановъ, которыхъ онъ въ разное время живьемъ поглоталъ. Дракону хотѣлось овладѣть Бухарскою царевною; онъ и добирался до нея.

Отъ сильнаго испуга царевна потеряла сознаніе, и царевичъ положилъ ее на коверъ. Уложивъ царевну, царевичъ вырѣзалъ у дракона изъ спины большой и длинный ремень и ушелъ съ нимъ въ сосѣднія горы. Въ этихъ горахъ наслѣдѣ бухарскія стада лошадей и барановъ. Царевичъ подружился тамъ съ настухомъ и стала у него жить.

Между тѣмъ царь, отецъ царевны, отправилъ свою дочь на същеніе дракона, собралъ весь народъ и сказалъ: «Кто спасеть отъ смерти мою дочь, за того я ее и замужъ выдамъ». — Быть въ то время одинъ старикъ. У него была уже жена, но ему захотѣлось позѣть женой царскую дочь. Онъ пошелъ въ поле, чтобы украсть царевну до прихода дракона. Приходитъ старикъ въ ноле и видитъ, что тамъ лежитъ безъ чувствъ царевна, а недалеко отъ нея — убитый драконъ. Старикъ изрѣзать на куски дракона, а царевну привезть къ царю и говоритъ: «Долго я сражался за дочь твою съ чудовищнымъ дракономъ, умертвилъ и изрѣзать его... Мнѣ было очень тижело: я самъ чуть было не погибъ въ борбѣ съ дракономъ, но дочь твою я спасъ». — Царь обѣщалъ старику выдать за него свою дочь, когда она придется въ себя и поправится отъ страшного искуга.

Вдругъ разнесся слухъ по Бухарѣ, что царь выдастъ свою дочь замужъ за старика. Пастухъ, который пасъ царскія стада, часто бывалъ въ царскомъ дворцѣ и часто видѣлъ царскую дочь. Однажды, передъ самой свадьбой, царевна стала распрашиватъ пастуха про его житѣ-бытье въ горахъ со стадами лошадей, барановъ и съ любимой ея козочкой. Пастухъ началъ подробно разсказывать царевнѣ, какъ онъ живетъ и при этомъ сказалъ, что у него живетъ необыкновенно красивый и богатырского вида молодой человѣкъ и что у этого человѣка на вискѣ есть клеймо, точь-вѣ-точка какъ печать царевны. Царевна вспомнила, кто ее избавилъ отъ дракона, поспѣшила къ отцу своему и рассказала ему все, что вспомнила. Царь сначала не повѣрилъ было дочери, но потомъ все-таки велѣлъ пастуху призвать его гости. Пастухъ ушелъ къ себѣ въ горы и на другой день привезъ съ собою къ царю своего знакомца — царевича. Царевна разомъ узнала царевича по лицу и по клейму, а царевичъ, для большаго еще убѣженія царя, показалъ ему ремень, который вырѣзать изъ спины дракона.

Царь наконецъ повѣрилъ царевичу и помолвилъ за него дочь свою, а старика того повелѣлъ казнить за обманъ. Передъ самой свадьбой, изъ серебряной ногайки средняго брата царевича закапали красные капли, и онъ въ одинъ мигъ прискакалъ къ младшему брату на свадьбу. Дорогой онъ захватилъ съ собой и старшаго брата. Когда приѣхали братья жениха-царевича, то начали пировать свадьбу и пировали 40 дней и 40 ночей на всю Бухару.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ И. А. Митропольскимъ, со словъ одного сарта-ремесленника).

АДЖДАГА СЛАВАНЬ

V.

Бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся царемъ.

Жилъ старикъ со старухой. Они имѣли одного сына и жили очень бѣдо. Однажды старуха напрѣла 5 фунтовъ нитокъ, дала ихъ сыну и сказала: «Ступай, продай нитки и купи намъ хлѣба». Мальчикъ продалъ нитки на базарѣ за рубль и отправился за хлѣбомъ. На дорогѣ онъ увидѣлъ иѣсколькихъ дурныхъ мальчиковъ, которые хотѣли убить собаку, и сказали имъ: «Не бейте собаку, а лучше отдайте ее мнѣ». Шалуны отвѣчали: «Дай намъ рубль и возьми собаку». Мальчикъ пожалѣлъ собаку, отдалъ шалунамъ рубль и унесъ собаку домой. «Что ты принесъ, сынъ мой?» спросила его мать. — «Я принесъ собаку, сказали сынъ: мальчики хотѣли убить ее, но я сжалѣлся надъ нею и купилъ ее на деньги, полученные за твои нитки». — «Ахъ, ты, глупый!» перебила его мать. «Мы здѣсь едимъ голодные, а ты послѣдній рубль отдалъ за собаку; смотри больше не дѣлай такъ».

Черезъ иѣсколько дней мать опять напрѣла 5 фунтовъ нитокъ и послала сына на базарѣ продавать ихъ, чтобы на вырученный деньги купить хлѣба. Сынъ на базарѣ продалъ нитки за рубль и пошелъ покупать хлѣбъ. На дорогѣ онъ увидѣлъ, какъ иѣсколько дурныхъ мальчиковъ хотѣли убить крылатаго змѣя. «Не убивайте змѣя, а продайте его мнѣ!» просилъ ихъ мальчикъ. «Дай намъ рубль и возьми себѣ змѣя», — отвѣчали шалуны. — Мальчикъ сжалѣлся надъ змѣемъ, отдалъ шалунамъ деньги, а змѣя положилъ за пазуху и отправился съ нимъ домой. — «Что ты принесъ, сынъ мой?» спросила мать. — «Я принесъ змѣя: мальчики хотѣли его убить, но я купилъ у нихъ его на деньги, вырученныя отъ продажи твоихъ нитокъ». — Мать сильно разсердилась, прибила сына и выгнала его изъ дома, крича: «Убирайся, откуда пришелъ! Ты больше не сынъ мнѣ, если такъ поступаешь». — Мальчикъ горько заплакалъ. Наконецъ, онъ взялъ змѣя, положилъ его за пазуху и вышелъ за городъ...

Шелъ онъ пять дней и пришелъ въ пустыню, гдѣ не было ни травы, ни деревьевъ, ни воды. Мальчикъ сильно усталъ и захотѣлъ Ѣесть. Тогда змѣй человѣческимъ голосомъ спросилъ его, не хочетъ ли онъ Ѣесть! — «Да, очень хочу», — отвѣчалъ мальчикъ. — Змѣй сказалъ:

«Посмотри у меня подъ крыломъ: тамъ есть одна ямба»¹⁾). Мальчикъ вынулъ изъ-подъ крыла змѣя ямбу и, обрадовавшись, пошелъ быстрѣ. Скоро онъ дошелъ до города и, остановившись на рынке, купилъ себѣ пищи и наполнилъ своей пустой желудокъ. Отдохнувъ, мальчикъ отправился дальше. Долго шелъ онъ. Наконецъ, змѣй сказалъ ему: «Теперь скоро будешь жилище моего отца: здесь ты живи пять-шесть дней, а потомъ, если захочешь, отправляйся домой. Отецъ мой будетъ спрашивать у тебя, что ты желаетъ получить отъ него на память, и ты не проси ни земли, ни воды, ни города, а проси котель да скатерть, которая открывается и закрывается, по желанию хозяина; проси также осла, который, по желанию хозяина, дастъ изъ своего рта золото, и дубинку, которая будетъ бить всякаго, по приказанію хозяина».

Между тѣмъ отецъ змѣя узналъ, что его пропавшій сынъ возвращается, и приказалъ своимъ людямъ вытти съ трубами и барабанами на два дня пути отъ столицы для встречи сына. Тамъ змѣй-отецъ съ радости 40 дней и 40 ночей веселилъ себя и народъ. Вернувшись въ столицу, отецъ-змѣй еще 7 дней и 7 ночей веселилъ и угощалъ мальчика, который спасъ его сына отъ смерти. Прошло нѣсколько дней послѣ пира. Мальчикъ, по совѣту змѣя-сына, опустилъ внизъ свои глаза и началъ притворяться скучнымъ. Змѣй-отецъ удивился этому и началъ спрашивать мальчика: «Что ты, сынъ мой, такъ печаленъ? Ужъ не хочешь ли ты уходить отъ насъ домой?» — «Да, мнѣ пора уже возвращаться домой», отвѣчать хитрый мальчикъ. — «Если ты уходишь, проси у меня, чего только хочешь» сказали змѣй. — «Ничего мнѣ не нужно дорогое; дай мнѣ только котель, скатерть, осла и дубинку», сказали наученный мальчикъ. «Возьми лучше денегъ, сколько пожелаешь», сказали змѣй. — «Нѣть, денегъ мнѣ не нужно, а дай то, что я прошу». — «Возьми лучшіе земли, воды, или еще чего хочешь, но не бери котель, скатерть, осла и дубинку», стала упрещать змѣй. — «Нѣть, ничего мнѣ не нужно; дай только то, что я прошу у тебя»... Змѣй не могъ отказать спасителю своего сына въ проосьбѣ и отдать ему котель, скатерть, осла и дубинку. Кромѣ того, змѣй дала мальчику 1000 человѣкъ для охраны его въ дорогѣ. Тогда мальчикъ отправился обратно въ свой городъ.

Долго ехалъ мальчикъ и повстрѣчался на дорогѣ съ шайтаномъ, который уговорилъ его остановиться почевать на томъ мѣстѣ, где они

¹⁾ Ямба — серебряные слитки разного вѣса, употребляемые китайцами въ торговль. И. О.

встрѣтились. Мальчикъ согласился, сѣхъ съ осла и положилъ около себя котель и скатерть, а дубинку заткнулъ за поясъ, легъ и заспнулъ. Ночью шайтанъ подмѣнилъ осла, котель и скатерть обыкновенными осломъ, котломъ и скатертью. Проснувшись утромъ и не замѣтивъ подмѣнъ, мальчикъ собралъ свои вещи и отправился дальше. На дорогѣ ему захотѣлось Ѣсть, и онъ приказалъ котлу открыться, но котель былъ обычновенный и приказаний мальчика не исполнилъ. Тогда мальчикъ приказалъ развернуться скатерти, но и она не развертывалась. Потомъ мальчикъ сѣхъ съ осла и приказалъ ему дать золота, но оселъ стоялъ неподвижно. Открылъ ему ротъ мальчикъ и не нашелъ тамъ ни одной тиали (золотая монета). Наконецъ мальчикъ бросилъ дубинку на землю и приказалъ ей подняться. Дубинка тотчасъ поднялась. Тогда мальчикъ догадался, что шайтанъ подмѣнилъ осла, котель и скатерть, а дубинку не тронула изъ боязни разбудить мальчика... Поэтому мальчикъ тотчасъ возвратился на мѣсто своего почлена и, увидѣвъ шайтана, крикнулъ ему: «Ты подмѣнилъ у меня осла, котель и скатерть; отдай-же мнѣ ихъ сейчасъ обратно!» — «Если ты будешь такъ кричать, отвѣчай шайтанъ, то я тебя сѣмъ». — «Ну, посмотримъ, какъ ты меня сѣмъ!»... сказалъ ему мальчикъ. Съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пояса дубинку и, бросивъ ее на землю, крикнулъ: «Бей его, дубинка!» — Дубинка поднялась и тотчасъ начала бить шайтана по разнымъ частямъ тѣла. Шайтанъ упалъ на землю и просилъ мальчика остановить дубинку, обѣщаюсь отдать ему все обратно. «Довольно!» крикнулъ мальчикъ, — и дубинка упала на землю. Мальчикъ поднялъ дубинку и опять заткнулъ ее за поясъ. Тогда шайтанъ отдалъ мальчику его осла, скатерть и котель. — Мальчикъ сѣхъ на осла и отправился въ свой городъ.

Черезъ сутки мальчикъ пріѣхалъ въ свой городъ и крикнулъ собаку, купленную имъ у шалуновъ-мальчиковъ и оставленную въ домѣ матери. Когда собака прибѣжала, мальчикъ накормилъ ее, повязать ей на шею свой платокъ и отпустилъ. Мать, увидя на собакѣ платокъ сына, догадалась, что сынъ близко, и выбѣжала къ нему на встрѣчу. — «Вотъ, матушка, ты прогнала меня за рубль, а я принесъ тебѣ сотни тысячъ рублей», сказалъ мальчикъ. — Мать испѣнило вернулась домой и чисто вымыла дворъ и комнаты. Сынъ вѣхалъ во дворъ, сѣхъ съ осла, ввелъ его въ чистую комнату и приказалъ ему дать золота. Оселъ открылъ ротъ, и оттуда посыпалось столько золотыхъ (тиали), что ими скоро наполнилась вся комната. Затѣмъ мальчикъ внесъ котель въ другую комнату и приказалъ ему открыться. Когда котель открылся, родители мальчика увидѣли въ немъ отливо

приготовленный палау, шурину¹⁾ и другая яства. Сынъ поставилъ все это передъ родителями и сталъ угощать ихъ. Наконецъ онъ положилъ скатерть въ третью комнату и приказалъ ей развернуться. Родители его увидѣли въ ней зерновой хлѣбъ и муку и наполнили ими всю комнату.

У царя того города, въ которомъ жили родители этого мальчика, была единственная дочь, слывшая за первую красавицу. Мальчикъ захотѣлъ жениться на ней и послать свою мать въ загородный дворецъ сватать царевну. Мать пришла во дворецъ, взяла метлу и чисто вымела весь дворъ, такъ какъ было обычай, чтобы всякий, приходившій за чѣмъ-либо къ царю, подметалъ его дворъ. Царь приказалъ привести къ себѣ старуху и спросить ее, покакому дѣлу она прибыла на его дворъ.—Старуха отвѣтала: «Единственный сынъ мой желаетъ жениться на твоей дочери; и если ты не выдашь за него свою дочь, онъ убьетъ тебя».—Царь сильно разсердился и крикнулъ: «Призвать ко мнѣ этого дерзкаго мальчишку, который осмѣлился свататься за мою дочь! Я прикажу повѣсить его!»

Визирь сказалъ царю: «Зачѣмъ вѣшать этого мальчишку? Какая тебѣ будетъ отъ этого польза? Прикажи ему принести тебѣ какъ можно больше денегъ и обѣщай тогда выдать за него дочь: онъ, конечно, денегъ не принесстъ, и тогда ты прогонишь его».—Царь согласился съ совѣтомъ визиря и сказалъ старухѣ: «Я выдамъ за твоего сына дочь свою только въ томъ случаѣ, если онъ пришлетъ мнѣ золота на тысячу верблудовъ, платя на тысячу верблудовъ, тысячу верблудовъ муки и тысячу верблудовъ зерноваго хлѣба». Старуха поклонилась царю и, пришедши домой, передала отвѣтъ царя сыну своему. Сынъ ея тотчасъ отправился на базарь, купилъ четыре тысячи верблудовъ и на тысячу верблудовъ навьючили купленнаго на базарѣ платя, а три тысячи верблудовъ привезъ домой и навьючили тысячу — серебромъ, тысячу — золотомъ, тысячу — зерновымъ хлѣбомъ. Украсивъ верблудовъ цветными лоскутками и бубенчиками, онъ отправилъ ихъ въ загородный дворецъ.

Царь удивился такому богатству и сильно обрадовался. Въ тотъ же день женихъ съ несколькими товарищами въ красиво убранной арбѣ (двухколесная телѣга) отправился во дворецъ, а впереди шло стадо барановъ для угощенія народа. Царь встрѣтилъ жениха, помогъ ему выйти изъ арбы, ввелъ во дворецъ, угостилъ его и проплатилъ за него свою дочь.

¹⁾ Шурин — супъ изъ бараньяго мяса съ крупой иправками. И. О.

Вечеромъ женихъ собрался домой къ своимъ родителямъ. Царь приказалъ привести ему самого лучшаго коня съ сѣдломъ, украшеннымъ драгоценными камнями,— и женихъ поѣхалъ. На дорогѣ четыре разбойника, желая отнять у жениха лошадь и богатое платье, которое было па немъ, грозились убить его, если онъ не отдастъ добровольно имъ лошадь и платье. Тогда женихъ вынужъ изъ-подъ рубашки свою дубинку, съ которой никогда не разставался, и приказалъ ей быть разбойниковъ. Дубинка поднялась и била разбойниковъ до тѣхъ поръ, пока они не свалились. Тогда онъ привязалъ разбойниковъ къ лошади и поволокъ ихъ домой. Когда онъ подъѣхалъ къ дому, родители вышли на встрѣчу къ сыну и, увидя въ рукахъ у него дубинку, спросили: «Что это такое?» Сынь приказалъ дубинкѣ показать себя, и дубинка въ одну минуту перебила разбойниковъ. Потомъ онъ отправился во дворецъ и сѣдался мужемъ царской дочери. Царь уступилъ зятю свое царство, а самъ сѣдался величия визиремъ его.

Такимъ образомъ мальчикъ изъ бѣдняка сѣдался царемъ.

(Эта сказка записана въ Кокандѣ В. Ф. Васильевымъ со словъ ученика Кокандской русско-туземной школы Суджмана, сына Кокандского мангбаши Амракула).

VI.

Вѣдный юноша и скатерть-самобранка.

Жила-была старуха. У нея былъ сынъ. Однажды путь нечего было Ѣсть; тогда сынъ и мать стали совѣтоваться, какъ имъ быть.

Однажды сынъ поставилъ петлю около озера, поймалъ утку и гусей и привезъ ихъ домой. Итицъ зажарили и сѣди. На другой день онъ спаса поставилъ петлю близъ болота и поймалъ цаплю, привезъ ее домой и пошелъ искать ножъ. Когда юноша возвратился съ ножемъ, то цапля стала умолять его, чтобы онъ отпустилъ ее, обѣщаюсь доставить ему все, чѣмъ онъ ни пожелаетъ. Юноша согласился. Цапля вѣлья ему залѣзть на крышу и смотрѣть, куда она полетитъ, а сама полетѣла по направлению къ востоку. Тогда юноша сказалъ матери: «Пойдемъ и мы туда!». Но мать сама не пошла, а сыну итти позволила.

Юноша отправился. Дорогой онъ увидѣлъ стадо козъ и спросилъ пастуха: чьи козы? Пастухъ отвѣтилъ, что козы принадлежать цаплѣ. Юноша спросилъ: «По какой дорогѣ нужно итти къ цаплѣ?

Пастухъ сказаъ, чтобы онъ спросиъ объ этомъ у другого пастуха который пасеть овецъ. Юноша пошелъ къ этому пастуху и спросиъ его о дорогѣ. Пастухъ велѣлъ ему взять изъ стада двухъ барановъ и бѣлаго верблюда Юноша сѣя на верблюда, а барановъ взялъ съ собой. Пастухъ сказаъ ему, что когда онъ подѣдетъ къ воротамъ дома цапли, то пусть броситъ двухъ барановъ двумъ собакамъ, охраняющимъ входъ въ ея домъ. Пастухъ посовѣтоваъ ему просить у цапли скатерть-самобранку. Когда юноша подѣхалъ къ воротамъ дома цапли, то бросилъ собакамъ двухъ барановъ, собаки набросились на барановъ и стали рвать ихъ, а юноша проѣхалъ мимо нихъ. Вѣхахъ юноша во дворъ, слѣзъ съ верблюда и, подошедши къ цаплѣ, сдѣлали поклонъ и сказаъ саламъ¹). Цапля спро-сила: что ему нужно? Юноша тогда попросиъ у цапли скатерть-самобранку. Но цапля отвѣтила, что у нея неѣтъ такой скатерти, и велѣла просить что-нибудь другое. Юноша сказаъ, что ему больше ничего не нужно и отправился назадъ. Тогда цапля вспомнила, что юноша сохранила ей жизнь, и потому вернула его и подарила ему скатерть-самобранку.

Возвращаясь отъ цапли, юноша встрѣтился съ пастухомъ, который пасъ овецъ, и показалъ ему скатерть-самобранку. Пастухъ сказаъ: «Разверни скатерть!» И тотчасъ скатерть развернулась, и на ней появилось много разныхъ кушаньевъ и плодовъ. Послѣ того юноша возвратился домой и сказалъ матери, чтобы она убрала комната, а самъ положилъ скатерть и сказалъ: «Разверни скатерть!». Скатерть тотчасъ развернулась, на ней появились разныя кушанья, и юноша съ матерью до-сыта пакушались.

Объ этомъ узнала жена визиря и донесла царю, и царь отпіяль у старухи скатерть-самобранку. Послѣ того сынъ онъ отправился къ цаплѣ. На дорогѣ онъ встрѣтился съ тѣми же пастухами. Они посовѣтовали юношѣ, чтобы онъ попросиъ у цапли тыкву. Юноша принеѣль къ цаплѣ и попросиъ у нея тыкву. Цапля подарила ему тыкву. Возвращаясь домой, дорогой юноша сказаъ: «Выди изъ тыквы!» И тотчасъ изъ тыквы вышло много мужчинъ съ дубинками, которые начали колотить его самого и чуть было не убили. Тогда юноша опомнился и сказалъ: «Войди въ тыкву!» И все мужчины вошли въ тыкву.

Юноша принеѣль эту тыкву домой и написаъ письмо царю, вызывая его на бой, если онъ не возвратить ему скатерть-самобранку.

¹) Т. е. привѣтствіе жира. И. О.

Царь отвѣтилъ, что не отдать ему скатерть. Тогда юноша стала биться съ царемъ: поставивъ тыкву на высокую гору, юноша выкопалъ яму, спрятался въ нее и сказалъ: «Выйди изъ тыквы!» Тотчасъ изъ тыквы вышли воины и истребили царское войско.— Юноша свергнула царя и самъ началъ царствовать.

(Эта сказка написана ученикомъ IV класса Ташкентской гимназии Аззамомъ Саттаръ-Хановымъ).

VII.

Царевичъ Шахзада-Бахромъ.

Жилъ-былъ царь. У него родился сынъ, которому дали имя Шахзада-Бахромъ. Когда царевичу минуло 10 лѣтъ, онъ попросилъ у отца позволенія съѣздить на охоту. Отецъ позволилъ и далъ ему 40 джигитовъ. Дорогой они встрѣтили оленя, которого царевичъ велѣлъ окружить. Когда олени окружили, царевичъ сказалъ джигитамъ: если кто-нибудь изъ васъ упуститъ олена, тому я велю отрѣзать голову. Но когда все подошли къ оленю ближе, то олень перепрыгнулъ черезъ голову самого царевича. Охотники погнались за оленемъ. Въ иконѣ за быстропогнѣ животными джигиты устали и отстали отъ царевича: самъ царевичъ ускакалъ далеко отъ джигитовъ. Наконецъ и самъ царевичъ усталъ и остался ночевать въ степи.

Когда настало утро, царевичъ побѣхалъ дальше. Чрезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ золотыя ворота, которые блестѣли при лучахъ солнца. Онъ вѣвѣхалъ въ ворота и увидѣлъ того самого олена, за которымъ онъ гнался. Олень лежалъ около одного старика, но, увидѣвъ царевича, уѣжалъ. Царевичъ сошелъ съ лошади, поклонился старику и сказалъ: миръ вамъ! Старикъ отвѣтилъ на привѣтствіе царевича. Когда царевичъ здоровался со старикомъ, то нечаянно заглянулъ въ комнату и увидѣлъ тамъ портретъ одной дѣвицы. Увидѣвъ этотъ портретъ, царевичъ упалъ въ обморокъ, но чрезъ нѣсколько времени оправился и попросилъ старика показать ему этотъ портретъ. Старикъ показалъ портретъ, а царевичъ спросилъ: кто эта дѣвица и кто ея родители? Старикъ рассказалъ царевичу все, что зналъ о дѣвицѣ. Старикъ сказалъ, что эта дѣвица—дочь царя, который живеть очень далеко отсюда. Тогда царевичъ похвасталъ старику, что если онъ не достанетъ эту дѣвицу, то не возвратится домой никогда. После этого царевичъ попрощался со старикомъ и побѣхалъ дальше.

Наконецъ онъ приѣхалъ къ одному величественному дому. Тамъ жили девять великановъ и одна ихъ сестра. Великановъ не было дома, а сестра ихъ, увидѣвъ царевича, сказала, чтобы онъ немедленно убирался прочь. Спустя некоторое время, появились и великаны. Узнавъ, что въ ихъ домѣ находится человѣкъ изъ чужой земли, они величили узнать, кто этотъ человѣкъ. Великаны посыпали къ царевичу самаго младшаго, самого трусливаго товарища, который, не доходя ста шаговъ до царевича, спросилъ, кто онъ такой. Царевичъ притворился глухимъ и сѣдѣлъ знать рукой, чтобы самъ великанъ подошелъ къ нему поближе. Но когда великанъ подошелъ къ царевичу поближе, то царевичъ схватилъ его и привязалъ къ дереву. Потомъ великаны посыпали къ царевичу второго, третьаго товарища и такъ далѣе до послѣдняго. Царевичъ перевязалъ всѣхъ великановъ. Когда сестра увидѣла своихъ братьевъ привязанными къ дереву, то сама пошла бороться съ царевичемъ. Она боролась съ царевичемъ цѣлыхъ три дня. Наконецъ царевичъ поборолъ свою соперницу, но не убилъ ее. Потомъ онъ отвязалъ всѣхъ ся братьевъ-великановъ и сѣдѣлъ ихъ своими рабами. Великаны дали царевичу по приданъ своихъ волосъ и сказали, что когда онъ зажжетъ ихъ волосы, то они (великаны) сейчасъ же явятся къ нему.

Царевичъ попроцдалъ съ великанами и побѣжалъ дальше. Наконецъ онъ приѣхалъ въ городъ того самаго царя, у которого была дочь-красавица. Здѣсь царевичъ увидѣлъ много, много войска, пришедшаго со своимъ царемъ, чтобы напасть на городъ и взять насильно дочь царя этого города. Увидѣвъ войско съ царемъ, царевичъ Шахзада-Бахромъ зажегъ приданъ волосъ великановъ. Великаны тотчасъ появились, начали сражаться съ чужими войсками и уничтожили все это войско. Освободивъ городъ, великаны ушли, а царевичъ достигъ цѣли своихъ желаній. Онъ возвратился домой съ шевѣстой-красавицей, отпраздновать свадьбу и началь хорони царствовать.

(Эта сказка написана ученикомъ VI класса Ташкентской гимназии Абдурахманомъ Фархаты, уроженцемъ Самарканда).

VIII.

Три брата царевичи.

Жилъ-былъ царь. У него было три сына. Однажды царь заболѣлъ и, призвавъ старшаго сына, сказалъ ему: «На дворѣ, подъ чинаромъ, зарыты три корчаги съ золотомъ. Когда я умру, ты возьми

себѣ золото, а младшемъ братьямъ не говори». Послѣ этого старшій сынъ ушелъ, а царь позвалъ къ себѣ втораго сына и сказалъ ему тоже самое. Затѣмъ царь позвалъ младшаго сына и сказалъ: «Такъ какъ я тебя не успѣхъ женить, то по смерти моей возьми себѣ зарытыя подъ чинаромъ три корчаги золота, а старшемъ братьямъ объ этомъ не говори». Послѣ этого царь умеръ, и пока старшіе браты были заняты похоронами отца, младшій выкопалъ изъ-подъ чинара золото и спряталъ. Похоронивъ отца, старшій братъ началъ копать землю подъ чинаромъ, но золота уже не нашелъ. Послѣ старшаго стала рѣть землю средній братъ и тоже не нашелъ золота. Старшій и средній браты послорились, пришли къ младшему и спрашивавутъ: «не взялъ ли ты золото?» Младшій братъ сказалъ, что не бралъ... Всѣ три брата подрались и пошли судиться. Шли они дорогой и молча наблюдали другъ за другомъ. Старшій братъ первый прервалъ молчаніе, говоря: «Смотрите, браты: здѣсь шесть слѣпній на однѣй глазѣ верблюду, потому что онъ по одну сторону дороги обѣѣхалъ ключку, а по другую—неѣхъ». Средній братъ сказалъ, что на верблюду съ одной стороны была привязана посудина съ медомъ, потому что съ этой стороны летаютъ осы, а на другомъ боку у верблюда была привязана посудина съ уксусомъ, потому что съ этой стороны летаютъ мошки. Младшій братъ сказалъ, что на верблюду сидѣла женщина и здѣсь отдыхала на травѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ помята трава.

Послѣ этого братья замолчали, пошли дальше и встрѣтили человека, который сидѣлъ и плакалъ. Браты спросили его, о чёмъ онъ плачетъ. Плакавшій сказалъ, что онъ потерялъ верблюда. Тогда старшій братъ спросилъ: «Твой верблюдъ былъ на однѣй глазѣ кри-вой?» Спрошенный отвѣчалъ: «да». Тогда средній братъ спросилъ: «На верблюду были медъ и уксусъ?» Плакавшій отвѣчалъ: «да». Потомъ младшій братъ спросилъ: «На верблюду сидѣла женщина?» Тотъ отвѣтилъ: «да» и спросилъ: «Развѣ вы видѣли моего верблюда?» Братья отвѣтили, что они не видѣли верблюда. Но хозяинъ верблюда сказалъ: «Какъ не видѣли? Вѣдь, вы рассказали все, что было на верблюду». Братья отвѣчали: «Да; но мы только отгадывавъ». Хозяинъ верблюда не повѣрилъ имъ и повелъ ихъ судиться къ царю.

Пришли они къ царю. Хозяинъ верблюда рассказалъ царю все, что слышалъ о своемъ верблюде отъ приведенныхъ трехъ братьевъ. Братья въ свою очередь сказали, что они только отгадывавъ. «Хорошо», сказавъ царь: «я испытую васъ». Сказавъ такъ, царь пошелъ

въ комнату, взялъ яблоко, завернувъ его въ платокъ, вынесъ къ братьямъ и велѣть отгадать, что онъ держитъ въ руکѣ. «Смотрите, браты, сказаітъ старшій, что бы это ни было, а—кругленькое». Средній братъ сказаітъ, что это—красненькое, а младшій сказаітъ: «да что разгружать: сказали бы прямо, что это—яблочко». Царю понравились отвѣты, и онъ упросилъ трехъ братьевъ оставаться у него, а хозяина верблюда прогналъ.

Потомъ царь велѣть тремъ братьямъ караулить его ночью, по очереди. Первымъ караулилъ старшій братъ, и ночь прошла благополучно. Потомъ караулилъ средній братъ и тоже благополучно. Постала очередь младшаго брата. Стоитъ онъ ночью у изголовья царя, какъ вдругъ, въ полночь, вползаетъ въ комнату змѣй огромныхъ размѣровъ, съ разинутою пастью, и хочетъ проглотить царя. Но смѣлый юноша выпустилъ свой мечъ, разрубилъ змѣя на несколько частей, бросилъ разрубленные куски подъ кровать и стала прятать мечъ въ ножны. Въ это время царь открылъ глаза и, увидѣвъ юношу, еще не успѣвшаго спрятать свой мечъ въ ножны, подумалъ, что юноша покушался на его жизнь. Царь крикнулъ палача. Палачъ вошелъ, а съ нимъ вошли и два брата того юноши. Царь велѣть палачу убить младшаго царевича; но старшій братъ его сказаітъ: «Государь! выслушай меня сначала, а потомъ уже убей брата моего». Царь велѣть палачу подождать. Старшій братъ началь говорить: «Жиль-быть царь; у него была ученая самка попугая, и царь любилъ ее. Однажды царь подходитъ къ клѣткѣ и видѣть, что птица очень скучна. Царь спрашивавъ свою птицу, отъ чего она такая скучная. Птица отвѣтила: «Дочь царя попугаевъ выходить замужъ; она послала по другъ за мной, чтобы и я была на свадѣбѣ, но я быть не могу, потому и скучаю!» Царь сказаітъ: «Я тебя отищу». Самка попугая обѣщалась вернуться къ царю ровно черезъ 40 дней и улетѣла.

Визирь бытъ при этомъ и сказаітъ царю, что попугай не вернется, и предложилъ царю держать пари на сѣдующихъ условіяхъ: если попугай не вернется черезъ 40 дней, то онъ, визирь, сдѣлается царемъ; если же попугай вернется, то визирь пансионитъ царскую казну золотомъ.—Прошло сорокъ дней; царь уже боялся проиграть пари, какъ съ закатомъ солнца прилетѣть попугай. Визирь проигралъ пари и стала искалья случая умертвить попугая. А царь, доволыній попугаемъ, подошелъ къ нему и спросилъ, какой подарокъ онъ принесъ со свадѣбы. «Я—вольная птица, говорить попугай; золота принести тебѣ я не въ состоянії, но принесла я подарокъ, какой могла». При этихъ словахъ, попугай выбросилъ изъ рта какое-то

съмячко и велѣть посадить его въ землю. Царь велѣть садовнику посадить съмячко, и садовникъ посадилъ съмячко въ землю. На другой день съмячко взошло, и выросла яблоня; черезъ день дерево разцвѣло, а еще черезъ день поспѣли яблоки. Садовникъ парвалъ въ иолѣ халата яблокъ и поспѣшилъ къ царю. Дорогой встрѣтилъ его визирь и, увидѣвъ, что садовникъ несетъ яблоки въ иолѣ халата, остановилъ его, взялъ яблоки и велѣлъ сходить за золотымъ блюдомъ. Садовникъ пошелъ за блюдомъ, а визирь между тѣмъ намазалъ яблоки ядомъ. Садовникъ пришелъ золотое блюдо, положилъ на блюдо яблоки и хотѣлъ пести царю: но визирь велѣлъ садовнику явиться къ царю съ яблоками черезъ полчаса, а самъ отправился тотчась къ царю. Прошло полчаса. Входитъ садовникъ и подноситъ царю яблоки. Царь взялъ и хотѣлъ есть ихъ, визирь выхватилъ у него яблоки. Царь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на визира, и визирь сказалъ: «Государь! Приважи привести изъ подземелья двухъ пѣнныхъ: пусть они попробуютъ, и тогда можешь купить самъ». Царь приказалъ привести двухъ пѣнныхъ. Появѣли по яблочку и тотчась умерли. Тогда царь разсердился на попугая за то, что онъ пришелъ ядовитое съмячко и велѣлъ убить итицу. Попугая убили.

Потомъ царь пошелъ самъ посмотреть на дерево. Сталъ онъ звать садовника, и вдругъ къ царю приѣгаютъ мальчикъ и девочка 14-ти лѣтъ. Царь спрашиваетъ ихъ, не видали-ли они садовника. Мальчикъ сказалъ, что онъ—садовникъ. Но царь сказалъ, что у него садовникъ быть старникъ. Мальчикъ отвѣтилъ: «Мы съ женой сѣѣли по яблоку съ попугаева дерева и тотчась помолодѣли». Царь заинтересовался, подошелъ къ дереву, сѣѣль яблоко и самъ превратился въ 14-тилѣтнаго мальчика. Тогда царь понялъ, что напрасно онъ приказалъ убить попугая. Но ничто не помогло: царь умеръ отъ грусти, илача надъ дорогими своимъ попугаемъ.

Выслушавъ такой разсказъ старшаго брата, царь грозно посмотрѣлъ на рассказчика и крикнулъ налача. Тутъ средний братъ сказалъ: «Государь! Выслушай меня и потомъ убей моего брата». Царь велѣлъ говорить среднему брату. Средний братъ началъ: «Жиль-былъ царь. У него былъ хороший соколь. Царь очень любилъ сокола и часто выѣзжалъ съ нимъ на охоту. Однажды царь собрался на охоту, взять сокола, золотую чашу и отправился. Бхалъ царь долго подъ жгучими лучами солнца и, наконецъ, подѣхалъ къ очень высокой скалѣ, съ которой капала виноградная влага. Царю сильно хотѣлось пить, и онъ подставилъ золотую чашу подъ капли. Какъ только набраздилось поганіе, соколь ударилъ крыломъ и пролилъ воду. Царь разсердился

и опять подставить чашу, но снова повторилось тоже самое. Царь въ гнѣвѣ убилъ сокола и больше не сталъ подставлять чашу, а взобрался на гору, чтобы напиться изъ самаго источника. Но тамъ царь увидѣлъ, что лежитъ убитый змѣй огромныхъ размѣровъ и что изъ его пасти капаетъ ядъ. Тогда царь понялъ, что напрасно убилъ своего сокола, который дважды спасалъ его отъ смерти. Потерявъ любимаго сокола, царь возвратился домой и никогда больше не выѣзжалъ на охоту».

Царь сердито посмотрѣлъ и на второго брата и крикнулъ плача. Тогда младшій братъ сказалъ царю: «Государь! За что ты хочешь убивать меня? Взгляни подъ кровать и тогда убей меня». Царь посмотрѣлъ подъ кровать и увидѣлъ тамъ изрубленнаго въ куски огромнаго змѣя. Тогда царь понялъ, что юноша спасъ его отъ смерти, а не покушался на его жизнь. Царь поинтересовался извиненіемъ у юноши. — Послѣ этого братья предложили царю разсудить, кто изъ нихъ укралъ золото. Царь сказалъ, что не можетъ разрѣшить такого труднаго вопроса. Тогда братья простились съ царемъ и отправились дальне искать судью.

Долго странствовали три брата по земли и не находили такого человѣка, который бы могъ разсудить ихъ. Наконецъ, они пришли къ дочери одного царя, которая взиралась разсудить, кто изъ нихъ укралъ золото. Царевна рассказала имъ слѣдующее: «Жилье никогда бѣдный человѣкъ. У него была красавица дочь, которая была помолвлена за такого же бѣдняка. Когда дѣвушка подросла, отецъ ея случайно разбогатѣлъ и не хотѣлъ выдавать дочь свою за бѣдняка; но дочь поклялась не выходить ни за кого, кроме этого бѣдняка. Не смотря на то, отецъ выдалъ ее насильно за богатаго. Чтобы не нарушить своей клятвы, дочь взяла ножъ и хотѣла убить себя, если мужъ покажется ей на глаза. Узнавъ это ея мужъ, рѣшилъ отдать ей приданое и отпустилъ ее. Но дѣвушка не взяла ничего отъ своего мужа и пошла искать своего возлюбленшаго. Дорогой она была захвачена городничачьимъ, который тоже хотѣлъ на неї жениться, но и ему не удалось привести въ исполненіе свое желаніе, и онъ отпустилъ ее. Пошла дѣвушка дальше и наконецъ въ руки разбойниковъ, атаманъ которыхъ захотѣлъ на неї жениться. Но дѣвушка сказала, что она уже принадлежитъ одному человѣку и что старания другихъ будуть бесплодны. Тогда разбойники дали ей много денегъ, чтобы она могла жить богато, и отпустили ее».

Окончивъ свой разсказъ, дочь царя спросила трехъ братьевъ, кто справедливѣе всѣхъ поступить. Старшій братъ сказалъ, что

первый женщина; средний указать на городничего, а младший на разбойниковъ. Дочь царя обратилась тогда къ младшему и сказала: «Ты, отгадай, кто справедливѣе вѣхъ поступилъ; ты и украдъ золото». Тогда младший братъ сознался, и вѣс три брата, раздѣливъ между собою отцовское наслѣдство, стали жить мирно.

(Эта сказка написана тѣмъ-же ученикомъ Ташкентской гимназии Абдурахманомъ Фархаты).

IX.

Царевна Хазарь-Гейсу (Тысяча косичекъ).

Жилъ-былъ царь. У него было три сына и одна дочь, которую звали Хазарь-Гейсу, потому что волосы ея были заплетены въ тысячу косичекъ. Она была необыкновенно красива; блескъ ея глазъ ослѣщалъ даже темную комнату. Царь очень любилъ свою дочь, а на сыновей не обращалъ никакого вниманія. Сыновьямъ это очень не нравилось, и они рѣшили умертвить свою сестру. Тайкомъ отъ отца, братья увезли сестру и продали ее одному муллѣ за пять тицелей (15—20 р.). Когда Хазарь-Гейсу подросла въ домѣ муллы, то стала поражать своею красотой вѣхъ, кто ни взглянетъ на нее; рѣдкий могъ устоять на шагахъ при взглядѣ на нее.

Слава о красотѣ этой девицы дошла наконецъ до султана. Султанъ жилъ въ городѣ на морскомъ берегу. Тамъ у него и дворецъ былъ.—Не доставало, при вѣхъ его драгоцѣнностяхъ, этой красавицы, и онъ отправилъ своего визиря къ тому муллѣ съ приказаниемъ непремѣнно купить у него красавицу. Иагрузилъ визирь золотомъ большої каюкъ (судно) и посаѣ долгаго путешествія по морю и по землѣ, прибыть въ тотъ городъ, где жила Хазарь-Гейсу. Прогуливаясь однажды по городу, визирь замѣтилъ у дома муллы большое стеченіе народа. Визирь подошелъ поближе и узналъ, что тутъ жила Хазарь-Гейсу. Всѣ боялись войти въ домъ муллы, потому что при виде красавицы многіе падали въ обморокъ. Но храбрый визирь, вы浮现ивъ волю своего царя, вошелъ въ домъ. Мулла принялъ его почтительно и угощалъ, какъ только могъ. Во время угощенія пили и вино. Разгоряченный виномъ, мулла стала хвалить визирю свою воспитаницу, а визирь предложилъ продать ее. Мулла согласился, не соображая самъ, что делаетъ. 40 верблюдовъ, нагруженныя золотомъ, были приведены къ муллѣ на дворъ въ уплату за красавицу.

Когда наконецъ мулла заснулъ отъ опьяненія, визирь взялъ Хазарь-Гейсу и отправился съ нею на свое мѣсто къ сultану.

Проснулся мулла и увидѣлъ, что у его изголовья лѣтъ красавицы. Онъ началъ плакать и звать ее; но прибѣжали слуги и стали смеяться надъ муллой. Мулла спросилъ, чѣмъ они смеются. Ему сказали, что онъ вчера, разгоряченный виномъ, продалъ свою красавицу визирю, и ее уже увезли. Мулла тотчасъ побѣжалъ догонять визиря. Когда мулла догналъ визиря и сталъ требовать обратно красавицу, то ловкій визирь ласково пригласилъ его на свой каюкъ, говоря, что мулла павѣрное проголодался и усталъ и что поэтому ему необходимо закусить и отдохнуть. Мулла согласился, но едва онъ вошелъ на корабль, какъ четверо гребцовъ, по знаку визиря, схватили муллу за руки и за ноги и бросили въ море. Хазарь-Гейсу съ досадой крикнула при этомъ: «Предатель! Ты найдешь себѣ на днѣ морскомъ другую красавицу—смерть».

Визирь прибылъ наконецъ въ свой городъ. Когда онъ приближался къ дворцу сultана, сultанъ пѣникомъ вышелъ къ нему на встрѣчу и посадилъ его на семь дней на свой тронъ. Затѣмъ сultанъ, въ продолженіе семи дней, только любовался красотой привезенной красавицы.—Но у сultана былъ 17-лѣтній сынъ, который жилъ отдельно отъ отца и управлялъ ближайшимъ бекетвомъ. Онъ только разъ въ мѣсяцъ приѣзжалъ на поклонъ къ отцу, а затѣмъ уѣзжалъ обратно. Его звали Ширъ-Али.

Однажды вечеромъ Хазарь-Гейсу сидѣла на балконѣ сultанскаго дворца и, облокотившись на перила, любовалась зеркальной поверхностью моря. Вдругъ къ берегу присталъ каюкъ, на которомъ сидѣлъ красавецъ-юноша. Это былъ сынъ сultана. По своему обычая, онъ отправился во дворецъ. Проходи мимо балкона, онъ увидѣлъ Хазарь-Гейсу и былъ пораженъ ея красотою. Взоры юноши и красавицы встрѣтились: юноша едва удержался на ногахъ отъ волненія и прошелъ на поклонъ къ своему отцу. Повидавшиесь съ отцомъ, онъ направился домой. Тогда Хазарь-гейсу спросила у невольницы, кто этотъ юноша. Невольница отвѣтчила, что это любимый сынъ сultана и что онъ разъ въ мѣсяцъ приѣзжаетъ на поклонъ къ своему отцу. Хазарь-Гейсу влюбилась въ Ширъ-Али и съ нетерпѣніемъ ждала, чтобы снова увидѣть его. Но прошелъ мѣсяцъ, а юноша не явился. Тогда сultанъ послалъ спросить, что сдѣлалось съ его сыномъ? Сultану отвѣтили, что его сынъ очень боленъ. Узнавъ объ этомъ, сultанъ сталъ удирять себя въ грудь и плакать. Въ это время пришла Хазарь-Гейсу. Сultанъ рассказалъ ей, что единственній его сынъ боленъ. Она про-

сила позволенія поѣхать, чтобы помочь больному. Султанъ согласилъся, и Хазарь-Гейсу поѣхала къ Ширь-Али. Ширь-Али встрѣтилъ ее, и они порѣшили бѣжать. Было условлено, что Ширь-Али ночью приведеть двухъ самыхъ лучшихъ коней изъ своей конюшни и запасется оружіемъ, а она переодѣнется мужчиной и спустится по веревочной лѣстницѣ изъ дворца на улицу. Такъ и сдѣлали.

Утромъ проснулся султанъ, и ему доложили, что красавица гарема исчезла. Успиша въ такую вѣсть, султанъ послалъ за сыномъ, чтобы выѣхать съ нимъ искать бѣглицу; но султану доложили, что и сына его нетъ... Тогда султанъ понялъ, что сынъ его и красавица бѣжали вмѣстѣ. Три дня и три ночи возносили султанъ, разыскивая городскихъ людей и разсыпалъ во всѣ концы своихъ людей.

Между тѣмъ Ширь-Али и Хазарь-Гейсу продолжали свой путь только ночью, а днемъ укрывались въ горахъ. Изнуренные дорогой бѣглецы достигли, наконецъ, одного колодца. Ведро при этомъ колодца было до того большое, что имъ въ одинъ разъ наполнялся цѣлый водоемъ, вырытый близъ колодца. Это ведро могли вытащить только 40 человѣкъ, но Хазарь-Гейсу одна вытащила это ведро и наполнила водоемъ. Слѣдившіе за бѣглецами 40 разбойниковъ удивились, какъ можетъ одинъ юноша вытащить такое ведро, которое только всѣ они, 40 человѣкъ, вытащидаютъ. Но когда Хазарь-Гейсу стала купаться въ водоемѣ, и ей тысяча черныхъ косичекъ разсыпалась по ея плечамъ, тогда разбойники поняли, что это—дѣвушка. И вотъ, когда она одѣлась, атаманъ разбойниковъ послалъ 10 разбойниковъ, требуя ее къ себѣ. Чтобы исполнить требование атамана, разбойники хотѣли привести ихъ силой къ атаману. Ширь-Али испугался и хотѣть было покинуться, но Хазарь-Гейсу велѣла ему стать въ сторонѣ, а сама бросилась на разбойниковъ: какъ тигрица, она начала трепать ихъ и перебила. Видя гибель десяти товарищей, оставшіеся 30 разбойниковъ бросились на коней и поскакали. Но Хазарь-Гейсу догонила ихъ и убивала. Атаманъ разбойниковъ, видя и свою неизбѣжную гибель, упалъ съ лошади, обмазавъ себя кровью убитыхъ разбойниковъ и притворился мертвымъ. Хазарь-Гейсу сочитала убитыхъ разбойниковъ, успокоилась и отправилась съ Ширь-Али дальше въ путь, а атаманъ, желая отомстить за своихъ товарищѣй, послѣдователь издали за необыкновенными путешественниками.

Наконецъ бѣглецы достигли одного пустого жилища, обитателей которого перебили недавно эти разбойники. Бѣглецы остановились близъ этого дома, чтобы дать отдыхъ себѣ и лошадямъ. Тогда ата-

машь, скрываемый темнотою ночи, подкрадался къ дверямъ жилища и хотѣлъ напасть на бѣглецовъ; но вѣрный конь Ширь-Али заржалъ и разбудилъ спавшаго царевича. Разбойникъ, боясь быть открытымъ, вѣзъ на дерево, находившееся недалеко отъ того дома. Ширь-Али вышелъ на дворъ и, не видя никого, возвратился снова въ домъ и легъ спать. Тогда разбойникъ слѣзъ съ дерева и спова подошелъ къ двери дома: но конь снова заржалъ и опять разбудилъ Ширь-Али. Ширь-Али вышелъ и, не найдя никого близъ дома, рассердился на своего коня и хотѣлъ было убить его; но Хазарь-Гейсу сказала ему, чтобы онъ со свѣчей подошелъ къ лошади и посмотрѣть, въ какую сторону она смотритъ. Ширь-Али подошелъ къ лошади со свѣчей и замѣтилъ, что лошадь смотрѣла на ближайшее дерево и фыркала. Тогда и Ширь-Али увидѣлъ, что на деревѣ кто-то сидѣтъ: онъ пріѣхалъ и выстрѣлилъ. Тотчасъ съ дерева упалъ человѣкъ. Ширь-Али и Хазарь-Гейсу пошли посмотретьъ убитаго и узнали въ немъ атамана разбойниковъ. Поблагодаривъ Бога за спасеніе, путешевственники пошли снова спать. Но и на этотъ разъ сонъ ихъ продолжался недолго: въ полночь прилетѣлъ чародѣй и унесъ Хазарь-Гейсу. Услышавъ крикъ ея, Ширь-Али проснулся, но было уже поздно. Онъ долго плакалъ и потомъ отправился отыскивать свою красавицу.

Дорогой Ширь-Али встрѣтился ишана (святото), который рассказалъ, где живеть чародѣй и какъ къ нему попасть. Путь лежалъ черезъ море. Поэтому ишанъ спѣль корзинку изъ прутьевъ, научилъ Ширь-Али одной молитвѣ и сказалъ, чтобы онъ читать ее всю дорогу: иначе-де утонешь въ морѣ. Ширь-Али сѣлъ въ корзину, прочиталъ чудодѣйственную молитву, — и корзина понеслась съ быстротою вѣтра. Плыть онъ долго по морю и, наконецъ, достигъ острова, на которомъ находилось жилище чародѣя. Оно было окружено очень высокою желѣзною стѣною безъ воротъ, потому что самъ чародѣй летать и въ воротахъ не нуждался. Послѣ долгихъ усилий, Ширь-Али взобрался на стѣну и спустился въ садъ. Тамъ онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ: всюду были фонтаны и цветники; звонкія трели соловьевъ и другихъ птицъ раздавались въ тишинѣ. Легкій туманъ, спущившійся надъ садомъ, придавалъ всему этому фантастическій видъ: было и жутко и хорошо! Ширь-Али отправился искать Хазарь-Гейсу и нашелъ ее спящую въ одной бесѣдкѣ, въ саду. Онъ сталъ будить ее, но не могъ разбудить. Ширь-Али стоялъ удивленный, какъ вдругъ раздался громъ и прилетѣлъ чародѣй. Ширь-Али спрятался за кустомъ и ждалъ, что будетъ...

Чародѣй сѣхъ съ коня, подошелъ къ спавшей красавицѣ, вытащилъ изъ-подъ ся подушки талисманъ и положилъ его на ся грудь: Хазарь-Гейсу тотчасъ проснулась, но не позволила ему дотронуть я до себя, говоря, что убьетъ себя книжаломъ, если онъ коснется ея. Послеъ тщетныхъ попытокъ, чародѣй положилъ снова талисманъ подъ подушку, и Хазарь-Гейсу снова заснула. Послеъ того чародѣй улетѣлъ, а Ширь-Али, узнавъ средство, какъ разбудить красавицу, тотчасъ подошелъ къ ней достать изъ-подъ подушки ся талисманъ и положилъ его на грудь Хазарь-Гейсу. Она проснулась и чуть не вскрикнула отъ радости и удивленія. Но Ширь-Али сказалъ ей: «Намъ нужно торопиться уходить». Хазарь-Гейсу уговорила Ширь-Али взять съ собою и другую девушку, находившуюся въ неволѣ у чародѣя, дочь одного царя. Хазарь-Гейсу побѣжала въ другую бесѣдку и разбудила описанымъ способомъ свою подругу, царскую дочь. Но веревочной лѣстницѣ вѣзли они вѣ трое на заборъ и, спустившись на берегъ, отправились далѣе. Вдругъ раздался громъ, прилетѣлъ чародѣй, и началъ пускать въ Ширь-Али огненные стрѣлы; но Ширь-Али читала про себя молитву, которой научилъ его ишанъ, и огненные стрѣлы падь головой Ширь-Али разламывались на двое и пролетали по обѣ стороны его тѣла, не причиняя ему вреда. Наконецъ чародѣй приблизился къ Ширь-Али, а Ширь-Али замахнулся мечемъ и ударила чародѣя: сѣдалось темно, раздался страшный громъ, и вѣ трое упали въ обморокъ. Когда они очнулись, было снова свѣтло, и они увидѣли огромное тѣло чародѣя. Помолившись Богу за свое спасеніе, они стали думать о томъ, какъ имъ слѣдоватъ далѣе. Хазарь-Гейсу замѣтила на берегу лодку, запесенную пескомъ. Лодку вытащили изъ-подъ песка, сѣли въ нее и пошли по рѣкѣ. Ильи они долго и, накопеци, пристали къ тому мѣсту, где ждали ихъ вынесупомянутый ишанъ, который держалъ для нихъ на готовѣ трехъ коней. Поблагодаривъ старца, путешественники сѣли на коней и приѣхали въ то государство, въ которомъ царствовалъ отецъ спасенной девушки.

Въ то время столицу этого государства осаждали непріятели. Хазарь-Гейсу и Ширь-Али бросились на враговъ и прогнали ихъ. Жители города, видя бѣгство враговъ, пошли на встрѣчу къ своимъ спасителямъ; самъ царь вышелъ къ нимъ съ поклономъ. Трогательно было свиданіе спасенной дочери съ ся матерью, которая осѣнила, оплакивая свою дочь. Но дочь коснулась своимъ рукавомъ глазъ матери, и глаза си прозрѣли. Сорокъ дней гостили Ширь-Али у царя и потомъ стала прощаться; но дочь царя, удержанная его за подолъ

платья, сказала ему, что онъ избавилъ ее отъ смерти, и что поэтому она не хочетъ жить безъ него. Царь предложилъ Ширь-Али подпартства съ тѣмъ, чтобы онъ остался; но Ширь-Али отказался, такъ какъ онъ самъ былъ наследникомъ большого государства. Ширь-Али обѣщалася съ дочерью царя и съ Хазарь-Гейсу, которая была рада, что подруга ея по прежней непролѣтѣ будеть жить вмѣстѣ съ нею. Поэтому Ширь-Али съ обѣими своими женами возвратился въ государство своего отца, но уже не засталъ его въ живыхъ. Султанъ умеръ, спустя семь дней послѣ бѣгства любимаго сына и Хазарь-Гейсу. Жители, не зная, гдѣ наследникъ султана, хотѣли было выбрать изъ своей среды султана, но наследникъ умершаго султана прибыль и обрадовалъ жителей. Ширь-Али онлакалъ своего покойнаго отца, а затѣмъ устроилъ для народа большой пиръ (туй), по случаю своего брака и вступленія на престолъ.—И началъ Ширь-Али счастливо царствовать.

(Эта сказка написана тѣмъ же ученикомъ Ташкентской гимназии. Абдуррахманомъ Фархаты).

X.

Умный царевичъ.

Жилъ-былъ царь. У этого царя была дочь. Разъ она заснула и увидѣла во снѣ, будто бы гулять въ большомъ, пребольшомъ саду, въ которомъ ходить два оленя—самка и самецъ. Въ этомъ саду были разставлены капканы, и въ одинъ изъ этихъ капкановъ попался самецъ. Самка, увидѣвъ его въ такомъ несчастіи, сейчасъ же начала бить ногами по капкану, была—была и, наконецъ, капканъ разбила и выручила тѣхъ своего оленя. Пошла царевна дальше, и черезъ нѣсколько шаговъ видѣть, что попалась лань въ капканъ, а самецъ-олень не только не стасть выручать ее изъ бѣды, а даже не посмотрѣть на нее и пошелъ себѣ одинъ дальше, какъ будто онъ самъ въ такой бѣдѣ и не бытъ... Дочь царя отъ сильной жадности къ несчастной лани проснулась, рассказала свой сонъ отцу и вѣмъ своимъ роднымъ и проиня отца никогда не выдавать ее замужъ.

О всемъ этомъ услышалъ красавецъ-царевичъ другого далекаго царства. Ему очень захотѣлось жениться на этой царевнѣ... Взять

онъ съ собой много золота, серебра и другихъ разныхъ подарковъ, а также и разныхъ богатыхъ нарядовъ, и отправился въ путь. Долго ъхалъ царевичъ по разнымъ землямъ и морямъ и наконецъ приѣхалъ въ государство царевны и остановился у одной бѣдной старухи. Старуха эта бывала во дворцѣ и прислуживала царевичу. Царевичъ подарили ей золота, серебра, денегъ и всякаго другаго богатства и началъ потомъ уговаривать ее показать ему царскую дочь. Долго онъ уговаривалъ и упрашивалъ старуху. Наконецъ старуха согласилась показать ему царевну: старуха велѣла ему притвориться больнымъ и такимъ отнесла его въ садъ. Въ саду въ это время должна была гулять царевна. Старуха спряталась, а больной царевичъ началъ тамъ стонать и охать: Царевна, гуляя по саду, услышала, что кто-то стонеть, и тотчасъ поспела свою подругу узнать объ этомъ больномъ человѣкѣ. Подруга пришла и съ удивленiemъ рассказала царевичу все, что видѣла, что этотъ больной человѣкѣ былъ очень молодой юношой (ему было лѣтъ 17 отъ рода) и что собой онъ красавецъ изъ красавцевъ,—развѣ только на небѣ могутъ быть такие красавцы. Не выдержала царевна и поспела сама посмотреть такого дивнаго красавца. Царевна была очень поражена его несказанной красотой; глядя на юношу, она долго имъ любовалась. Долго-бы и еще любовалась царевна, глядя на него, еслибы не спохватилась, что ее могутъ тутъ застать, и скорѣй уѣждала домой. Царевичъ тоже успѣлъ въ это время вдоволь насмотрѣться на красавицу-царевну.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ царевицу снова захотѣлось повидать красавицу царевну. Опять онъ сталъ просить и умолять свою старуху показать ему еще разъ царевну. Дѣлать было нечего: старуха и на этотъ разъ согласилась помочь его желанию. Она взяла нарядила его въ женскую одежду и вмѣстѣ съ другими женщиными и дѣвицами провела его къ царевичу поплясать и поразвеселить пѣнениями пригорюнившуюся красавицу. Изъ всѣхъ, кто только тутъ былъ и паясалъ, всего больше полюбился царевичъ пляской и своей красотой переряженный царевичъ. И за это царевна подала ему изъ своихъ рукъ чашку чая.

Царевичъ остался одинъ. Но опять пище прежняго стала его грызть тоска по красавицѣ-царевиѣ, и снова онъ сталъ придумывать случай, какъ бы ему увидѣть желанную красавицу. Вотъ онъ спрашивается у старухи, куда чаще всего ходить царевна. Сжалилась старуха и на этотъ разъ наѣ бѣднымъ царевичемъ и сказала ему, что царевна чаще всего ходить въ баню. Царевичъ, не долго думая, выстроилъ недалеко отъ дворца новую баню и стѣны ея раз-

рисовать разными картинами. Особенно на одной стѣнѣ бани была нарисована картина, вѣсь картина—картина, именно: молодая лань попадалась въ канкань, а самець олень разламываеть этотъ канкань и спасаеть свою самку отъ погибели.

Услышала царевна о новой банѣ и послала слугъ приготовить все нужное для купанья. Баню убрали и доложили царевичу. Царевна входить въ банию, любуется ея убранствомъ и вдругъ видитъ передъ собой картину, какъ самець-олень освобождаеть самку изъ канкана, и задумалась... Тутъ царевна разомъ вспомнила свой сонъ и говорить старухѣ, что картина-то почти та, но только во снѣ ей синилось, что самка освобождается самца, а не самець самку. Старуха взялась объяснять ей сонъ и сказала, что сны женщинамъ всегда снятся наоборотъ. Тогда царевна велѣла призвать къ ней того человѣка, чья была бания. Царевичъ же, вырядившись во всѣ свои царскія одежды, давно стоялъ у дверей и ждетъ-недождется, когда его позвоютъ царевна. Представили царевича царевну, и еще краснѣѣ стало его лицо, а царевна такъ и глазъ своихъ съ него не сводить и спрашиваетъ его, откуда онъ и чей сынъ. Тогда царевичъ открылъ ей, что онъ тоже царскій сынъ. И стала онъ просить и умолять царевну выйти за него замужъ. Игнатья царевичъ царевну своей красотой, царскимъ паридомъ и своимъ умнымъ разговоромъ. Она пошла къ отцу своему и уговорила его выдать ее замужъ за этого царевича. Царь согласился, и скоро ихъ погъячили. Царь былъ на диво всему свѣту. Потомъ они уѣхали съ большими почестями въ царство царевича.

(Эта сказка написана бывшимъ ученикомъ русско-туземной школы въ Ташкентѣ Рахматулло Умаровымъ.

Въ киргизской редакціи эта сказка известна подъ заглавиемъ «*Мудрый вельможа*» и разсказывается такъ:

«Въ древнее время въ городѣ Шинѣ¹⁾) царствовалъ некто Фагфуръ. У него былъ одинъ вельможа, пользовавшийся его довѣріемъ.

1) На основаніи того, что вельможа, герой сказки, живѣлъ въ городѣ Шинѣ, а такъ называется у киргизъ китай (Чинъ), а равно и на основаніи того, что царь въ сказкѣ названъ „Фагфуромъ”, то есть „Фарфоромъ”, нужно думать, что легенда, лежащая на основаніи этой сказки, имѣть происхожденіе китайское. Къ этому заключенію даетъ основаніе и упоминаемое въ сказкѣ искусство живописи, съ которыми карты никогда не были знакомы. Н. О.

и расположеиеть; вельможъ во всякое время входъ во дворецъ быль открыть. Однажды вельможа, по привычкѣ, зашелъ въ спальню царя, когда царь еще спалъ. Отъ стука шаговъ при входѣ вельможи въ спальню, царь проснулся и велѣть отсѣчь вошедшему голову; но всѣдѣствіе просьбы тѣлохранителей и придворныхъ чиновъ, вельможа быль помилованъ. Когда царь пришелъ въ себя, вельможа вошелъ къ царю и сказалъ: «Великій царь! До сего дня я входилъ во дворецъ и уходилъ изъ дворца, не испрашивая ничьего разрешенія: почему ты сегодня велѣть отсѣчь мигъ голову?» Царь отвѣтилъ: «Ты зашелъ въ спальню мою въ то время, когда мигъ сплюсь, будто я гулять по саду съ прекрасной дѣвицей, которую желаю бы видѣть и на яву».

Вельможа, распросивъ у царя обѣ устройствъ сада и о лицѣ приснившейся ему во снѣ дѣвицы, выстроилъ за городомъ особый домъ для стражниковъ и помѣстилъ въ гостиной дома портретъ дѣвицы, приснившейся царю, и картину сада. (Этотъ вельможа быль чрезвычайно мудрый, зналъ вѣс мастерства, ремесла и искусства). Немного спустя, въ странно пріимномъ домѣ остановились три стражника. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что виситъ портретъ царевны римской, а также и картина сада. Тогда вельможа спросилъ у стражника: «Годится ли римская царевна въ жены нашему царю?» Стражникъ отвѣтилъ ему: «Годится-то годится, да только она замужъ не выйдетъ». — Почему? «А вотъ почему: однажды царевна гуляла по саду и увидѣла, что въ одномъ углу сада были охвачены пожаромъ 10 куриныхъ цыплятъ; спасая цыплятъ, курица сама горѣла, между тѣмъ какъ пѣтухъ стоялъ за загородкою сада и прескокайно клевалъ зерна. Поэтому-то царевна подумала, что и мужчины такъ-же хладнокровно относятся къ участіи женщинъ, какъ этотъ пѣтухъ, и дала себѣ слово не выходить замужъ».

Вельможа рассказалъ обѣ этомъ царю и, обѣщавши достать ему въ жены означенную царевну, собрался къ путь и чрезъ нѣкоторое время достигъ города Рима. Прибывъ въ Римъ, вельможа стать выказывать жителямъ свои знанія и умѣніе сдѣлать всякую вещь, такъ что чрезъ нѣкоторое время молва о немъ дошла и до царя. — Царь призвалъ къ себѣ вельможу и приказалъ выстроить для царевны теремъ. Вельможа принялъ за работу и, приложивъ все свое стараніе, умѣніе и искусство, въ короткое время выстроилъ теремъ для царевны и помѣстилъ въ одной комнатѣ портретъ царя Фагфура и картину его сада. На картинѣ онъ изобразилъ пожаръ, во время которого горѣли шесть ягнятъ оленыхъ: самецъ спасая ягнятъ, а

самка лань стояла за загородкою сада и прескогойно испытала траву. Окончивъ работу, вельможа пришелъ доложить объ этомъ царю....

Царь со многими своими приближенными осмотрѣлъ теремъ, похвалилъ вельможу за искусство и, воротившись во дворецъ, послалъ для осмотра терема царевну. Царевна пришла со своими служанками въ теремъ и, увидавъ нарисованные портретъ и картину, спросила вельможу, что это значитъ. Тотъ отвѣтилъ, что это—портретъ царя Фагфура и картина его сада. Тогда царевна спросила: «А женатъ ли этотъ царь?» Вельможа отвѣтилъ, что царь не женатъ по слѣдующей причинѣ, а именно: царь разъ гулялъ по саду и увидѣлъ въ углу сада пожаръ. Въ огнѣ горѣли шесть ягнятъ; ихъ отецъ—олень спасать ягнятъ своихъ, между тѣмъ какъ самка стояла у загородки сада, не тревожилась за дѣтей своихъ и щипала траву. Поэтому царь пришелъ къ заключенію, что, можетъ быть, и женщины, какъ эта самка олена, хладнокровно относятся къ участіи дѣтей,—и не женятся». Услыхавъ это, царевна подумала, что царь Фагфуръ одного съ нею мнѣнія, а потому пожелала, если Богъ велить, быть его женою. Съ такою цѣлью царевна написала къ отцу письмо о выдачѣ ея замужъ за царя Фагфура, въ городъ Шинъ. Царь, обрадовавшись, что дочь его выходитъ замужъ, послалъ къ Фагфуру привѣтственное письмо, въ которомъ извѣщать, что хочетъ выдать за него свою дочь. Царь Фагфуръ самъ давно ожидалъ этого и не заставилъ долго ждать себя. Онъ явился въ Римъ, высоваталъ царевну и возвратился на родину. Послѣ того царь Фагфуръ очень щедро наградилъ упомянутаго вельможу и сталъ еще болѣе довѣрчиво относиться къ нему». (Прибавленіе къ Абхазскому областному вѣдомостямъ. 1892 г. №№ 24 и 25).

XI.

Три царевича: два умныхъ и одинъ дуракъ.

Жилъ-былъ царь. У него было три сына: два старшихъ сына были умные, а третій—дуракъ. Царь имѣлъ шесть дворцовъ: пять дворцовъ были свѣтлые, а шестой бытъ темный. Въ этотъ-то темный дворецъ царь ходилъ отдыхать по окончаніи своихъ занятій и носилъ обѣда. Ключи отъ пяти дворцовъ были свѣзаны на тесемкѣ вмѣсть и висѣли на стѣнѣ, а ключъ отъ темного дворца царь держать особо и всегда носилъ его съ собой, въ карманѣ.

Однажды, послѣ обѣда, царь отправился отдохнуть въ свой темный дворецъ и спать тамъ долго и крѣко. Во снѣ онъ увидѣлъ необыкновенно красивую молодую женщину и такъ измѣнился ея красотой, что захотѣлъ имѣть ее своей женой, хотя у него было уже двѣ жены. Проснулся царь уже въ сумерки и возвратился въ свой дворецъ очень задумчивымъ: онъ думалъ о томъ, какъ бы ему снова увидѣть во снѣ ту красавицу. Съ этой цѣлью, на другой день, не сказавши никому, царь ушелъ въ свой темный дворецъ и легъ тамъ спать, твердо рѣшившись не вставать до тѣхъ поръ, пока снова не увидѣть во снѣ ту же красавицу. Царь заснулъ и не просыпался цѣлую недѣлю....

Но уже на другой день царедворцы хватились царя и обезпокоились его отсутствиемъ. И весь народъ былъ озабоченъ его отсутствиемъ. Поэтому все принялись искать царя, но не находили. Царедворцы обратились къ помощи солдатъ; солдаты долго и усердно искали царя и тоже не находили его. Тогда смятеніе въ народѣ еще болѣе усилилось: никто не зналъ, что дѣлать и къ кому обратиться за совѣтомъ.

На седьмой день царева сна, въ городѣ пришелъ одинъ старикъ, которого народъ почиталъ за самаго умнаго человѣка въ государствѣ. Онъ вызвался указать мѣсто пребыванія царя и потребовать ключи отъ всѣхъ царскихъ дворцовъ.

Получивъ ключи отъ дворцовъ, старикъ отворилъ дверь перваго дворца, вошелъ туда и обошелъ всѣ комнаты, но везде было пусто. Зашеревъ первый дворецъ, старикъ пошелъ во второй дворецъ, но и тамъ всѣ комнаты оказались пустыми. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ всѣ комнаты третьяго, четвертаго и пятаго дворцовъ, но нигдѣ царя не нашелъ. Старикъ наконецъ подошелъ къ шестому, темному дворцу. Дверь этого дворца оказалась отщертой. Старикъ вошелъ въ первую комнату, но остановился изъ боязни паднуться на что-либо; въ комнатѣ было совершенно темно, такъ что ничего нельзя было разсматривать. Долго онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ съ открытыми глазами, стараясь свыкнуться съ темнотой, но ничего не могъ разсмотрѣть въ комнатѣ. Поэтому старикъ уже опицью добрался до выходной двери и потребовалъ себѣ свѣтильникъ (чиракъ). Когда подали свѣтильникъ, старикъ снова вошелъ въ темную комнату дворца, долго ходилъ тамъ изъ комнаты въ комнату, пока не нашелъ царя спавшимъ въ самой дальней комнатѣ, въ которой было такъ темно, какъ въ могилѣ.

Старикъ окликнулъ царя, но царь не просыпался; потянувшись за одежду царя и подергавъ слегка, но царь не почувство-

вать: старикъ пробовать крикнуть, какъ только могъ громко, но царь не слышалъ и лежалъ, какъ мертвый. Старикъ исчугался и подумалъ, что царь уже мертвый, но приложилъ свою руку къ боку царя и явственнно услышалъ биеніе его сердца. «Значить, царь былъ живъ — подумалъ старикъ,—но только спитъ онъ очень крѣпкимъ сномъ». Долго старикъ стоялъ въ раздумѣ надъ спавшимъ царемъ. Наконецъ, онъ что-то рѣшилъ въ своемъ умѣ, вышелъ воинъ и занесъ дворецъ. Народъ, увидѣвъ вышедшаго изъ дворца старика, обступили его со всѣхъ сторонъ и стала разспрашивать, видѣть ли онъ царя. Старикъ рассказалъ народу все, что видѣлъ и что дѣлалъ, чтобы разбудить спящаго царя, и въ концѣ своего рассказа добавилъ, что разбудить царя можетъ только одинъ человѣкъ, и никто иной, какъ третій сынъ царя—дуракъ. Къ царевичу-дураку старикъ и отправился со всѣмъ народомъ...

Старикъ засталъ царскаго сына, дурака, за чтенiemъ книги. Надо замѣтить, что этотъ царскій сынъ только у своихъ домашніхъ и въ народѣ считался за дурака, а на самомъ дѣлѣ бытъ умный юноша, умѣвшій говорить, читать и писать на разныхъ иностраннѣхъ языкахъ. Выучился онъ языкамъ тайкомъ отъ своего отца у разныхъ ученыхъ людей, посѣдавшихъ его въ разное время. Научившись отъ нихъ многому, царевичъ не любилъ однако выставлять свои знанія на видъ и хвастать ими, а больше молчалъ и потому считался дуракомъ.

Поздоровавшись съ дуракомъ-царевичемъ, старикъ рассказалъ ему, какъ онъ нашелъ царя и какъ хотѣлъ разбудить его, но не могъ и, наконецъ, добавилъ: «Ты только можешь разбудить своего отца.—Слушай, что я буду говорить тебѣ: царь видѣлъ во снѣ одну очень красивую женщину, и ему захотѣлось еще разъ снова увидѣть ее, чтобы узнать какъ-нибудь, кто она и гдѣ живетъ. Я знаю, что царю захотела въ голову мысль овладѣть ею... Такъ вотъ, пойди къ царю и скажи ему громко на ухо, что ты можешь найти привнесшуюся ему красавицу и беренъся привести ее къ нему. Тогда только царь и проснется».—Сказавъ это, старикъ попрощался съ дуракомъ-царевичемъ и ушелъ.

Тотчасъ, по уходѣ старика, царевичъ-дуракъ одѣлъ свое обычное платье, не отличавшееся такимъ блескомъ, какъ у старшихъ его братьевъ, и пошелъ въ темный дворецъ. Отворивъ тяжелую дверь дворца, онъ прошелъ въ ту комнату, где спалъ его отецъ, и исполнить все то, чему научить его умный старикъ... Царевичъ разбудилъ спавшаго царя. Царь проснулся и очень

удивился, что именно сынъ-дуракъ вызывается найти красавицу, а не кто-нибудь другой и не старшие его сыновья, которыхъ онъ считалъ умными. Посадивъ сына-дурака возлѣ себя, царь спросилъ, какъ онъ думаетъ найти красавицу. Дуракъ отвѣчалъ: «Я не знаю, отецъ, найду ли я красавицу, приснившуюся тебѣ во снѣ, или нѣть. Можетъ быть, на это потребуется три—четыре года, или больше; но не смотря на всѣ препятствія, могущія мнѣ встрѣтиться на пути, которыя, быть можетъ, будутъ стоить мнѣ даже жизни, я во что бы то ни стало буду стараться достигнуть цѣли твоего желанія. Только прошу тебя дать мнѣ все, что будетъ необходимо въ моихъ поискахъ».

Понравилась царю умная рѣчь дурака-сына, и царь обѣщалъ дать сыну все, чего только онъ ни попросить: и денегъ царь обѣщалъ, сколько угодно, и коней хорошихъ, и слугъ вѣрныхъ... Но сынъ-дуракъ отъ всего этого отказался, а попросилъ отца, чтобы онъ приказалъ приготовить нѣсколько паръ сапогъ съ желѣзными подошвами, такъ какъ путь предстоялъ очень длинный, да нѣсколько посоховъ съ желѣзными наконечниками. Царь обѣщалъ сыну, что все это онъ прикажетъ сдѣлать и, похваливъ сына, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ дворца, наказывая ему никому не говорить до поры, до времени о своей поѣздкѣ.

Не надѣялся ли царь на своего сына, котораго онъ считалъ дуракомъ, или по другой какой-либо причинѣ, но только царь хотѣлъ узнать, не выищется ли еще кто-нибудь для этого дѣла. Поэтому призвалъ царь сначала двухъ старшихъ сыновей своихъ и, разсказавъ имъ свой сонъ, спросилъ ихъ: не могутъ ли они отыскать приснившуюся ему красавицу? Сыновья, подумавъ немного, сказали, что они не могутъ этого сдѣлать. Послѣ того царь велѣлъ созвать ко дворцу все войско свое и весь народъ. Когда войско и народъ собрались, царь вышелъ изъ дворца и сказалъ: «Я видѣлъ во снѣ очень красивую женщину и хочу имѣть ее своей женой. Не можетъ ли кто найти эту женщину и привести ко мнѣ?» Царь добавилъ при этомъ, что если вызвавшійся на это дѣло человѣкъ будетъ холостой, то онъ, царь, наградить его золотомъ, драгоценными камнями и дорогими халатами, а если такой молодецъ будетъ женатый, то, кромѣ всего обѣщанного, семья его будетъ получать изъ царской казны одежду, обувь, пищу, скотъ и прочее. Всѣ собравшіеся предъ дворцомъ, подумавъ немного, отвѣчали, что не знаютъ, гдѣ жить эта красавица, и достать ее не могутъ. Но царь приказалъ еще хорошенько подумать всѣмъ и назначилъ для этого три дня сроку.

На четвертый день все собрались перед дворцом и на вопрос царя: не нашелся ли охотник? отвечали, что нет ни одного человека, который бы мог исполнить такое поручение царя. Тогда царь велел позвать младшего своего сына-дурaka. Когда пришел этот царевич, царь, обратившись к народу и указывая на него, сказал: «Вот, вишь больше 50-ти тысяч человек стоить пред моими глазами, и нет ни одного из вас, который бы согласился исполнить желание своего царя; один только третий сын мой, которого все привыкли считать дураком, решается на столь отважное дело». Затем царь обратился к своим старшим сыновьям и сказал им: «Неужели вам не стыдно, что вы, которых я и весь народ мой считаю умными царевичами, не знаете, как исполнить желание своего отца? Устыдитесь и подумайте хорошенко!».

Царь сказав это и ушел. Народ и войско также разошлись пристыженными, а два старших сына царя, уходя в свои покой, со злобою и завистью посмотрели на своего младшего брата-дурака.

Остаток дня все провели обычным порядком, а ночью все люди спали беззаботно. Не спалось только двум старшим сыновьям царя. Они долго разсуждали о том, как отец пристыдил их пред лицем всего народа, и долго думали, как бы им возстановить во мнении народа свою прежнюю честь. Наконец, уже на развятье дня, легли они спать, порешивши сказать отцу о своем согласии бхать разыскивать для него красавицу. На другой день царь, выслушав их, обрадовался их решимости и приказал приготовить для них такую же обувь и такие же посохи, какие были сделаны для младшего царевича-дурака. Отправляя сыновей на поиски красавицы, царь сказал младшему сыну, что он может провести в поисках сколько угодно времени, а старшим двум сыновьям объявил, что если они в течении двух лят не найдут красавицы, то должны вернуться назад, к отцу — помогать ему в делах правления, так как они потому и считаются умными, что помогали царю в управлении государством.

После того все три царевича отправились в путь отыскивать красавицу. Шли-шли они и дошли до селения (кишлака). Здесь они отдохнули в одной чайной лавочке (чай-хана), пашлись чаю с лепешками, пошли погулять и затем все вместе пошли дальше. Скоро дошли они до того места, где дорога разделялась на три ветви: одна дорога шла прямо, другая — направо, а третья — налево. При начале каждой дороги были поставлены столбы, а на них были прибиты дощечки с надписями на каком-то непозвестномъ

языкъ. Два старшіе брата не знали иностранныхъ языковъ и не могли прочесть этихъ надписей; дуракъ же, знаяшій разные иноzemные языки, прочелъ эти надписи. На дощечкахъ было написано: «Кто пойдетъ направо, тотъ не возвратится; кто пойдетъ нальво, тотъ можетъ возвратиться, можетъ и не возвратиться, а кто пойдетъ прямо, тотъ непремѣнно возвратится».—Дуракъ, прочитавши надписи, сказалъ своимъ братьямъ, что онъ узналъ содержаніе надписей, и братья пристали къ дураку съ просьбой объяснить имъ смыслъ надписей. Дуракъ долго не соглашался исполнить просьбу братьевъ, но наконецъ рѣшился обмануть ихъ. Онъ сказалъ братьямъ: «Кто пойдетъ по дорогѣ нальво, тотъ вернется, кто пойдетъ направо, тотъ можетъ вернуться, но можетъ и не вернуться; кто же пойдетъ прямо, тотъ вовсе не вернется».—И братья повѣрили словамъ дурака.

Дуракъ обратился къ старшимъ братьямъ съ вопросомъ о томъ, какую дорогу избереть каждый изъ нихъ, а самъ сказалъ, что для него лично все равно: ходить ли 2 года, или 10 лѣтъ; поэтому какая дорога ему достанется, по той онъ и пойдетъ.—Старшіе братья, выслушавъ дурака, отошли немного въ сторону и стали тихонько, шепотомъ, совѣтоваться межъ собой; затѣмъ они подошли къ младшему брату-дураку и сказали: «Самый старшій изъ насъ пойдетъ по дорогѣ нальво, а второй пойдетъ по дорогѣ направо». Дураку оставалась средняя дорога.—Братья простились другъ съ другомъ и разошлись въ разныя стороны...

Дуракъ направился прямо, по средней дорогѣ. Онъ обманомъ выгадалъ себѣ самый лучшій путь.—Когда онъ отошелъ на такое разстояніе, что ему уже не было видно того мѣста, гдѣ сходились три дороги, старшіе братья вернулись назадъ и рѣшили, что имъ лучше идти въ ту чай-хану, въ которой они всеѣ вмѣстѣ пили чай, наняться тамъ къ кому-нибудь простыми работниками, проработать два года, назначенные отцомъ на розыски красавицы, а затѣмъ вернуться домой и сказать отцу, что они ничего не нашли, не смотря на усердные розыски. О братѣ-дуракѣ они подумали, что онъ пошелъ по такой дорогѣ, изъ которой не вернется, и потому не будетъ человѣка, который могъ бы обличить ихъ во лжи предъ отцомъ.—Такъ вернулись они въ то селеніе, въ которомъ остановились на отдыхъ и пили чай. Здѣсь, подъ видомъ простыхъ чернорабочихъ, старшій братъ нанился въ харчевню, а второй—въ хѣбопекарю.

Но оставим пока старшихъ братьевъ работать въ кишлакѣ и послушаемъ, что будетъ дѣлать дуракъ.—Долго ли, коротко ли шелъ дуракъ по своей дорогѣ, но увидѣлъ, наконецъ, киргизскую юрту, которая одного стояла посреди необозримой пустыни. Воалъ юрты былъ вдѣланъ въ земляную печь большой котелъ съ 40 ушами (ручками). Въ этой юртѣ жила старая старуха (Баба-Яга), которая каждый день варила въ своемъ котѣ 40 барановъ и съѣдала ихъ одна.—Дуракъ подошелъ къ юртѣ, отворилъ съ трепетомъ очень скрипучую дверь и увидѣлъ внутри юрты страшную старуху. Со страхомъ вошелъ онъ въ юрту и поздоровался со старухой, сказавъ ей привѣтствіе мира (саламъ). Старуха пристально посмотрѣла на вошедшаго царевича-дурака и сказала: «Ну, благодари Аллаха за то, что Онъ вразумилъ тебя поздороваться со мной. Не сдѣлай ты этого,—я бы завтра-же сварила тебя, вмѣсто 40-го барана, и съѣла бы. Теперь же я тебя не трону». Дуракъ-царевичъ поблагодарилъ старуху за такую милость.—«Зачѣмъ пришелъ ты, царевичъ, въ такое мѣсто, куда никто не ходить?» спросила его старуха. Царевичъ рассказалъ ей о цѣли своего путешествія и попросилъ старуху сказать ему, какъ онъ долженъ поступить, чтобы достичь желаемаго. «Да! сказала старуха: дѣйствительно, на свѣтѣ есть такая красавица, которую отецъ твой видѣлъ во снѣ, но достать тебѣ ее безъ помощи болѣе сильныхъ людей нельзя; и если ты рѣшишься на это одинъ, то непремѣнно погибнешь».

Выслушавъ это, заплакалъ царевичъ. «Не печалься, сказала старуха: я научу тебя, какъ поступить, чтобы остатся тебѣ живымъ и невредимымъ за то, что ты умѣлъ во-время со мной поздороваться. Ты сдѣлай такъ: когда выйдешь отъ меня, то отправляйся въ ту сторону, гдѣ солнце закатывается. Долго тебѣ придется идти, но, наконецъ, ты увидишь такую же юрту, какъ и у меня. Въ ней живеть моя сестра, которая вдвое старше меня. Ты войди къ ней въ юрту и непремѣнно поздоровайся съ ней; иначе худо будетъ тебѣ. И вотъ, сестра моя научить тебя, какъ найти красавицу. Ты не забудь, скажи ей, что тебя послала я, младшая ея сестра. А чтобы она скорѣе повѣрила словамъ твоимъ, на вотъ тебѣ письмо, которое ты и передай моей сестрѣ».—Выслушавъ совѣтъ старухи, царевичъ поблагодарилъ ее, попрощался и вышелъ.

Отъ юрты первой старухи дуракъ-царевичъ направился къ западу и шелъ очень долго,—такъ долго, что въ пройденныхъ дняхъ со счету сбился—не зналъ, сколько времени онъ провелъ въ дорогѣ.—Но вотъ, однажды на разсвѣтѣ, замѣтилъ дуракъ, что посреди

степи, которой и конца не видно, стояла юрта. Обрадовался усталый и утомленный такой дальней дорогой дуракъ-царевичъ. Когда подошелъ онъ къ этой юртѣ, то увидѣлъ, что возлѣ юрты вдѣланъ въ земляную печь большой котель съ 60-ю ушами. Котель былъ столь великъ, что въ немъ свободно можно было сварить 60 лошадей. Вотъ какой громадный обѣдъ дѣлала себѣ каждый день старуха, жившая одна въ этой юртѣ!—Царевичъ боязливо вошелъ въ юрту, вѣжливо поздоровался со старухой и на вопросъ ея: за чѣмъ пришелъ? объяснилъ ей цѣль своего посѣщенія. Онъ сказалъ, что былъ у ея сестры, и подалъ при этомъ письмо.—Царевичъ былъ молодъ, красивъ, добръ и вѣжливъ. Онъ сразу понравился этой старухѣ, и она обѣщалась научить его, какъ поступить ему, чтобы достигнуть цѣли своего желанія. «Слушай внимательно! сказала старуха царевицу: когда ты выйдешь изъ моей юрты, то ступай въ ту сторону, где заходить солнце. Черезъ вѣсколько дней пути ты увидишь гору, но это не та гора. Обойди ты гору эту иди далѣе. Черезъ два дня пути ты увидишь другую гору; вотъ на-этой то горѣ и скрывается красавица, которую ты ищешь. Она живеть въ желѣзномъ рѣшетчатомъ домѣ, какъ перепелка въ клѣткѣ, а домъ ея стоитъ среди большого двора, обнесенного желѣзнымъ же заборомъ. Домъ этотъ построенъ на вершинѣ холма, а потому днемъ трудно подойти къ нему незамѣченнымъ. Тѣмъ болѣе трудно приблизиться къ дому, что хозяинъ его — самъ Дивъ, а стражею служать страшные звѣри—тигръ, волкъ, шакаль и медвѣдь. Тебѣ трудно будетъ обмануть такую бдительную и опасную стражу, но всетаки можно. Сдѣлать надо вотъ что: къ оградѣ ты подойди въ сумерки съ задней стороны, выкопай яму, сядь въ нее и укройся съ головой, чтобы запаха человѣческаго совсѣмъ не было слышно. Въ ямѣ ты сиди до самаго разсвѣта. Знай, что предъ самыми разсвѣтомъ звѣри-стражи засыпаютъ на очень короткое время; ты и долженъ будешь воспользоваться этимъ временемъ. Тогда ты осторожно пройди на дворъ. У самаго же дома будетъ тогда спать и самъ Дивъ; ты потихоньку вынь у него изъ-за пояса ключъ, отопри дверь дома,—и красавица сама выйдетъ къ тебѣ на встрѣчу. Тогда ты снова запри дверь, ключъ положи на прежнее мѣсто, за поясъ Диву, а самъ съ красавицей уходи какъ можно скорѣе. Да смотри, царевичъ: если тамъ все у тебя сойдетъ хорошо и благополучно, то на обратномъ пути не забудь зайти ко мнѣ. Крѣпко помни мои совѣты, царевичъ! Да сохранить тебя Аллахъ въ столь трудномъ дѣлѣ за твой привѣтъ!»

Поблагодариль царевичъ ласковую старуху и даль обѣщаніе съ точностью слѣдоватъ ея совѣтамъ и зайти къ ней на обратномъ пути.

Но пусть идетъ дуракъ своею дорогою, а мы разскажемъ пока, кто такая была та красавица, приснившаяся царю, отцу дурака.

Это была младшая дочь одного очень богатаго казія. Ей было всего только 4 года, когда Дивъ увидѣлъ ее, плѣнился ея красотою и, не думая долго, укралъ ее, привезъ въ свой желѣзный домъ и заперъ тамъ на ключъ. Такъ просидѣла красавица въ желѣзномъ домѣ, какъ куропатка въ клѣтиѣ, болѣе 12-ти лѣтъ, не видя людей и не зная своего происхожденія. Дивъ ни въ чемъ не отказывалъ своей пѣнницѣ-красавицѣ: одѣвалъ ее въ лучшія платья, доставляя ей самыя вкусныя и самыя дорогія кушанья и т. п. Однажды даже онъ придалъ ей крылья и такимъ образомъ далъ ей возможность летать внутри ея высокаго желѣзного дома.

Долго-ли, коротко-ли шелъ дуракъ-царевичъ, какъ, наконецъ, пришелъ къ первой горѣ, обошелъ ее и черезъ два дня пути былъ уже у другой горы. Тутъ царевичъ, дѣйствительно, замѣтилъ желѣзную ограду и звѣрей, охранявшихъ входъ. Однимъ словомъ: онъ увидѣлъ теперь все то, что говорила ему вторая старуха. Царевичъ поступилъ такъ, какъ говорила ему старуха: съ большою осторожностью онъ дошелъ до жилища Дива, вынулъ у него изъ-за пояса ключъ и освободилъ красавицу. Но когда царевичъ запиралъ дверь желѣзного дома, волкъ услышалъ стукъ замка, проснулся и хотѣлъ-было разбудить остальныхъ своихъ товарищъ, да сообразилъ, что пока онъ подыметъ тревогу, то красавица можетъ улетѣть; а если она улетитъ, то грозный Дивъ выместишь всю злобу свою на спинахъ и ребрахъ своей вѣрной стражи. Разсужденъ такимъ образомъ, волкъ рѣшился притвориться ничего не видѣвшимъ и ничего не слышавшимъ, снова улегся и заснулъ, а царевичъ съ красавицей незамѣченные болѣе никѣмъ, вышли изъ ограды.

Исполнивъ свое обѣщаніе, царевичъ съ красавицей отправился къ старухѣ, научившей его достать красавицу. Старуха полюбовалась красотою бывшей затворницы Дива, похвалила царевича за неустрашимость и ловкость и велѣла ему сейчасъ же отправляться въ дальнѣйшій путь, зная, что прогнушійся Дивъ скоро замѣтить исчезновеніе своей красавицы и снарядитъ за ней погоню. Старуха сильно боялась, что если Дивъ узнаетъ, что она пропустила царевича, чего не должна была дѣлать, то ее самое сварить въ котлы.

а участіе въ похищениі царевичемъ красавицы его. Поэтому, чтобы ускорить бѣгство царевича съ красавицей, старуха дала имъ быстрыхъ и крѣпкихъ лошадей и просила какъ можно скорѣе уѣзжать. Царевичъ поблагодарилъ старуху и уѣхалъ.

Чрезъ иѣсколько дней ъѣзы, царевичъ былъ уже у младшей старухи. Она похвалила царевича за молодецкую удаль, подивилась красотѣ добытой имъ красавицы и посовѣтовала ему уѣзжать поскорѣе, а то не ровенъ часъ: наѣдетъ стражи Дива,—и ей самой не сдѣбовать, не избѣгнуть котла.—Пересѣль царевичъ съ красавицей на другихъ лошадей, предложенныхъ этой старухой, простился со старухой и уѣхалъ.

Недолго ъѣхалъ царевичъ на быстрыхъ коняхъ и прїѣхалъ, на конецъ, на перекрестокъ трехъ дорогъ. Посмотрѣль онъ направо, посмотрѣль налево, но братьевъ не было видно. Не останавливаясь, поѣхалъ царевичъ далѣе и скоро достигъ того селенія, въ которомъ жили его братья, подъ видомъ чернорабочихъ, и остановился въ той самой чай-ханѣ, въ которой онъ въ передней путь отѣхалъ съ братьями. Для красавицы онъ нанялъ отдѣльную комнату, подальше чаю съ горячими лепешками и посовѣтовалъ ей никакуа не уходить, а самъ отправился на базаръ за покупками. Проходя мимо харчевни, дуракъ-царевичъ увидѣль въ харчевнѣ资料 ofего старшаго брата подкладывающимъ дрова въ печь. Сначала онъ не узналъ въ немъ своего брата. Да и трудно было бы узнать царевича. Видъ у него былъ ужасный: лицо и руки были черны, какъ сажа; только зубы и бѣлки глазъ бѣлѣли; руки мѣстами были обожжены; одежда рваная, а ноги босыя. Царевичъ-дуракъ купилъ въ этой харчевнѣ хорошаго мяса, и, заплативъ хозяину деньги, попросилъ его прислать купленное мясо въ чай-хану съ работникомъ, который подкладывалъ дрова въ печь, а самъ пошелъ дальше. Тогда хозяинъ харчевни приказалъ указанному царевичемъ работнику умыться хорошечко, положить мясо на глиняное блюдо и снести въ чай-хану къ прїѣзжему баю (богачу). «Да смотри, сказалъ хозяинъ своему слугѣ: когда поставишь мясо, самъ отойди подальше и стой, такъ какъ неличично слугѣ стоять около большихъ господъ; такъ дожидайся, пока опорожнится блюдо». Слуга отвѣтилъ, что исполнить приказаніе хозяина.

Междуди тѣмъ дуракъ-царевичъ идетъ по базару и видитъ, что стоять и топить печь (тануръ) грязный работникъ. Дуракъ-царевичъ съ трудомъ могъ узнать въ этомъ работнике资料 ofего второго брата... Подошелъ царевичъ къ пекарнѣ, заказалъ испечь

хорошую лепешку и просилъ хозяина прислать лепешку въ чай-хану съ работникомъ, топившимъ печь. Расплатившись съ хозяиномъ пекарни, дуракъ направился въ чай-хану къ красавицѣ. А хозяинъ хлѣбопекарни позвалъ къ себѣ работника, указанного дуракомъ-царевичемъ, и сдѣлалъ ему такое-же наставленіе, какое далъ хозяинъ харчевни своему слугѣ, т. е. старшему царевичу.

Сидить царевичъ-дуракъ въ чай-ханѣ и видитъ, что къ нему идетъ старшій братъ. Осторожно поставилъ онъ блюдо съ мясомъ и саломъ около царевича-дурака и почтительно отошелъ, остановился вдали и ждетъ, пока пріѣзжій бай опорожнитъ блюдо. А дураку въ это время подали чай. Онъ сталъ приглашать брата сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ отказывался, очевидно, не узнавая въ пріѣзжемъ брата своего. Дуракъ-царевичъ еще разъ позвалъ брата и, когда тотъ не согласился, дуракъ всталъ, взялъ брата за рукавъ и притянулъ къ тому мѣstu, гдѣ стоялъ подносъ съ чайникомъ и чашкою. Затѣмъ дуракъ спросилъ брата, узнаетъ ли онъ его. Братья сказали, что не знаетъ господина, такъ какъ никогда его не видѣлъ. Тогда дуракъ сказалъ ему: «Неужели ты не узнаешь меня? Вѣдь мы съ тобой рождены отъ одной матери». Тогда только старшій братъ узналъ брата своего, дурака. Отъ такой неожиданной встрѣчи, братья заплакали и обнимали другъ друга. Царевичъ-дуракъ велѣлъ брату надѣть вмѣсто рваной одежды другую, хорошую, которую самъ сейчасъ и подалъ ему. Когда пришедшій братъ переодѣлся, царевичъ-дуракъ повелъ его въ ту комнату, гдѣ помѣщалась красавица, добытая имъ для отца и, оставивъ брата съ нею, самъ вышелъ изъ комнаты ожидать втораго своего брата.

Съ этимъ братомъ случилось то же, что и со старшимъ. Такимъ образомъ всѣ три брата были опять вмѣстѣ. Пока для нихъ готовили пилавъ, старшіе братья завели разговоръ что хорошо было бы купить 4-хъ лошадей и всѣмъ вмѣстѣ отправиться домой. Дуракъ былъ радъ этой мысли. На другой день купилъ онъ 4-хъ лошадей, и всѣ четверо тронулись въ путь, къ отцу своему.

Долго ониѣхали, и когда устали у нихъ лошади, ониѣшили отдохнуть въ юртѣ, стоявшей на дорогѣ. Здѣсь братья отдохнули и закусили лепешками, взятыми съ собою изъ кишлака, а затѣмъ легли соснуть. Старшіе два брата помѣстились снаружи, у самаго входа въ юрту, а младшій съ красавицей легли внутри юрты. Царевичъ-дуракъ, опасаясь нападенія разбойниковъ, изъ предосторожности привязалъ къ косыкамъ узкаго двернаго отверстія юрты свою кривую саблю, остріемъ внутрь юрты.

Бағъ только дуракъ - царевичъ заснуялъ, старшіе братья его встали и совѣтовались, какъ бы имъ нюгубить брата, а самимъ уѣхать съ красавицей и сказать отцу, что они достали ему красавицу. Порѣшивъ такъ, старшіе братья осѣдлали лошадей, а потомъ крикнули дураку-брату, что красавицу украли. Царевичъ вскочилъ и опрометью, въ просонкахъ, бросился къ двери, наткнулся на привязанную саблю и порѣзаль себѣ ноги. Отъ испуга и сильного кровотечения онъ упалъ замертво на полъ юрты. Тогда братья схватили красавицу и повели ее изъ юрты къ осѣдланнымъ лошадямъ; но ей жаль стало своего избавителя, и она упросила братьевъ несчастнаго царевича перевязать ему порѣзанныя ноги. Братья послѣ нѣкотораго раздумья согласились. Когда красавица начала перевязывать порѣзанныя ноги своему избавителю, онъ очулся и просилъ братьевъ взять его съ собой. Онъ обѣщалъ обо всемъ молчать дома и сказать, что самъ нечаянно порѣзаль себѣ ноги. Но братья отказались взять его. Тогда дуракъ сталъ просить у братьевъ ружье, чтобы имѣть возможность стрѣлять для себя птицъ. На это братья согласились и оставили дураку его ружье, будучи увѣрены, что онъ жить долго не можетъ, а сами уѣхали.

Несчастный царевичъ-калька слѣдующій день провелъ въ голодѣ. Къ вечеру шло время; раны его подсохли, и онъ подползъ къ двери юрты. Лежить онъ у входа въ юрту и видеть, какъ слѣпой гонится по слуху за птицей и никакъ не можетъ поймать ее. Царевичъ-калька говорить слѣпому: «Подожди, я выстрѣлю и убью эту птицу!» Слѣпой согласился. Дуракъ взялъ ружье, прицѣлился и убилъ птицу. Тогда слѣпой ощупью, по указанию дурака, нашелъ убитую птицу и принесъ ее къ юргѣ. «Кто ты такой?» спрашиваетъ слѣпой дурака. «Я—безногий», отвѣчаетъ дуракъ и самъ спросилъ: «А ты хочешь жить вмѣстѣ?» Слѣпой согласился. Они тотчасъ же зажарили убитую птицу, поѣли и легли спать. Утромъ они сидѣли близъ юрты и видѣть, что гонится за какой-то большой птицей человѣкъ безрукій и старается убить ее ногами. Дуракъ предложилъ убить ее изъ ружья. Безрукій согласился.—Птицу убили, зажарили и сѣли есть вѣтъ трое жаркое, приготовленное изъ только что убитой птицы. За ъдой они рѣшили жить вмѣстѣ и доставать себѣ пропитаніе охотою.

Черезъ 4 дня они нашли, что плохо жить безъ прислуки, которая бы готовила имъ кушанье, мыла одежду и т. п. И вотъ говоритъ безрукій слѣпому: «Вонъ тамъ, за первымъ лѣскомъ, стоить небольшая курганча (хуторокъ), а около загороди прудъ. Ты подойди

къ пруду и дождайся: изъ домика выйдетъ дѣвочка за водой, и когда ты услышишь, что она станетъ черпать кувшиномъ воду, то ты иди на плескъ воды, бери дѣвочку себѣ на плечи и поспѣшно уходи къ намъ. Я буду ждать тебя у лѣса, и мы вдвоемъ тогда принесемъ дѣвочку сюда».

На другой день къ вечеру дѣвочка была уже въ юртѣ калѣкъ. Они назвали ее своею сестрой и рассказали ей, что она должна дѣлать для нихъ въ юртѣ. Дѣвочка согласилась.

Однажды всѣ трое калѣкъ ушли изъ юрты на охоту, а дѣвочки велѣли приготовить имъ кушанье изъ птицы, убитой вчера вечеромъ. Дѣвочка очинила птицу, выпотрошила ее, разрѣзала. вымыла въ чистой водѣ, но потомъ вспомнила, что у нея нѣть огня. Она вышла изъ юрты, осмотрѣлась кругомъ и увидѣла, что на западѣ отъ юрты подымается дымокъ, хотя самаго строенія не видно. Дѣвочка побѣжала на дымъ и черезъ нѣсколько времени очутилась очень недалеко отъ другой юрты, у которой, нальво отъ входа, былъ врытъ въ землю большой котель. Около котла сидѣла страшная старуха и большимъ гребнемъ чесала свою косматую голову. Головныхъ насѣкомыхъ (битъ) она прямо бросала въ котель, въ которомъ кипѣло сало. Такъ эта старуха готовила себѣ супъ (шуршу). Дѣвочка подошла къ старухѣ и поздоровалась съ ней. Старуха привѣтила дѣвочку покушать кушанья, но дѣвочка отъ такой ъды отказалась, а попросила у старухи огня. «Гдѣ ты живешь?» спросила старуха. «Далеко на востокѣ» отвѣтчила дѣвочка. «На, вотъ тебѣ пригоршню насѣкомыхъ, сказала старуха; стуй ты домой и разсыпай ихъ по дорогѣ, чтобы я могла найти твой домъ. А обѣ огни не заботься: я сейчасъ принесу тебѣ его сама.» Дѣвочка взяла насѣкомыхъ и, уходя по направлению къ своей юртѣ, разсыпала ихъ по дорогѣ. Только пришла дѣвочка домой, какъ слѣдомъ за ней явилась и старуха. «Ты одна здѣсь живешь?» спросила старуха. «Нѣть!» отвѣтила дѣвочка: со мною живутъ тутъ три брата, но они ушли на охоту въ лѣсъ.» — «Знаешь что, дѣвочка: нѣть ли у тебя толстой иголки? У меня прорвался мѣшокъ; такъ надо бы зашить его. Дай пожалуйста иглу!» Дѣвочка принесла иглу и передала старухѣ, а старуха схватила дѣвочку, повалила на полъ, и проколола ей иглой пятку и стала съ жадностью сосать кровь, приговаривая: «Давно уже у меня не было такого вкуснаго напитка!»

Напившись крови, старуха скрылась; а дѣвочка блѣдная, какъ полотно, осталась лежать въ юртѣ на кошиѣ, пока не пришли съ охоты калѣки.

Приходятъ вечеромъ съ охоты калѣки и видятъ свою названную сестру блѣдной и спрашиваютъ, что съ ней случилось. Она сказала, что у нея страшно голова болитъ. Калѣки не узнали въ чёмъ дѣло, а старуха приходила еще два раза въ отсутствіи калѣкъ. Наконецъ дѣвочкѣ стало не въ силу переносить эту пытку, и она разсказала безногому калѣкѣ всю правду. Тогда дуракъ-царевичъ рѣшился остаться караулить старуху, а дѣвочкѣ далъ такое наставленіе: «Смотри: я повѣши свою верхнюю одежду въ юртѣ, а самъ вырою яму недалеко отъ входа и буду тамъ поджидать старуху. Когда она придетъ и спроситъ: развѣ твои братья дома, что я слышу запахъ человѣка? — Ты скажи, что все братья на охотѣ, а что пахнетъ человѣкомъ отъ этой одежды». Дѣвочка согласилась. — Спустя нѣкоторое время, пришла старуха, и спрашивается: «Развѣ твои братья дома, что я слышу запахъ другого человѣка?» Нѣтъ, отвѣчаетъ ей дѣвочка: братья все на охотѣ, а пахнетъ человѣкомъ вотъ отъ этой одежды, которую мой безногій братъ снялъ, уходя на охоту и повѣсили просушить». Старуха повѣрила и принялася было за свое дѣло, какъ газди тихо подползъ безногій братъ и, схвативъ за волосы старуху, оттащилъ ее отъ дѣвочки, связалъ ей руки ея же косой на спинѣ и, бросивъ въ яму, оставилъ ее лежать тамъ до возвращенія другихъ калѣкъ.

Вечеромъ дуракъ рассказалъ имъ о случившемся, и стали всѣ трое разсуждать, что сдѣлать со старухой. Слѣпой сказалъ: «Слушайте, братья! можетъ быть она — чародѣйка: пусть она вынетъ у меня сердце, — и тогда у меня опять будетъ хорошее зрѣніе: я сдѣлаюсь такимъ же, какимъ былъ и прежде». Попробовали: старуха вынула у него сердце — и слѣпой прозрѣлъ. Такимъ же способомъ возвратила старуха руки безрукому. Вынула, наконецъ, старуха сердце у хромоногаго-царевича. Но когда ей велѣли выбросить вынутое сердце, она взяла и сѣѣла его. Тогда царевичъ сказалъ: «Рубите и рѣжьте старуху, какъ можно мельче; смотрите въ каждомъ кусочкѣ ея тѣла, въ каждой кости, куда она спрятала мое сердце!» Братья изрубили старуху на мелкие куски, какъ клеверъ для лошадей рубятъ, но сердца хромоногаго царевича не нашли. Въ этотъ моментъ прілетѣла какая-то маленькая птичка и запѣла пѣсню, въ которой говорилось, что «надо смотрѣть въ суставахъ мизинца лѣвой руки старухи.» Посмотрѣли и дѣйствительно нашли сердце царевича-дурака. Послѣ того царевичъ всталъ на свои ноги, какъ настоящій человѣкъ, и сказалъ, что онъ первый разъ спалъ такъ долго. Когда остатки изрубленной старухи сложили въ мѣшокъ и бросили въ дѣсъ, то и

дѣвочка проснулась. И она не была уже блѣдна, какъ предъ этимъ, во цвѣла здоровьемъ. Выздоровѣвшіе братья рѣшили тогда приготовить кушанье, пойсть и отправиться дальше. Царевичъ-дуракъ предложилъ итти вѣмъ вмѣстѣ къ его отцу.

Между тѣмъ два старшихъ брата привезли красавицу домой и сказали отцу, что они нашли ее и привезли. Царь повѣрилъ умнымъ сыновьямъ, такъ какъ на нихъ возлагалъ больше надежды, чѣмъ на дурака, щедро наградилъ ихъ, а красавицу помѣстилъ въ отдельномъ дворцѣ.

Но вотъ возвращается домой дуракъ. Царь встрѣтилъ его какъ дурака, и даже не поинтересовался узнать, гдѣ его сынъ былъ. Но въ ту самую ночь, когда долженъ былъ притти дуракъ-царевичъ, красавица видѣла сонъ. Позвала она къ себѣ царя и сказала ему: «Я видѣла въ эту ночь во снѣ, что въ городѣ пришелъ тотъ самый человѣкъ, который освободилъ меня отъ страшнаго Дива и увезъ изъ его неприступнаго желѣзного дома». Царя сильно смущили слова красавицы. «Такъ развѣ не тѣ царевичи освободили тебя отъ Дива, которые привезли тебя ко мнѣ?» «Нѣть!» отвѣчала красавица.—«Такъ кто же?»—«Пойди въ городѣ и узнаешь самъ!»

Царь сталъ спрашивать, кто прибылъ въ городѣ прошлую ночью. Ему сказали, что, кроме дурака-царевича съ товарищами, въ городѣ никто не прѣѣжалъ. Тогда царь призвалъ къ себѣ старшихъ сыновей и дурака и заставилъ старшихъ сыновей сознаться въ обманѣ. Но они не сознавались. Тогда царь пошелъ къ красавицѣ своей и попросилъ ее разсказать всю правду. Она рассказала царю все, что знала. Царь сильно разгневался на старшихъ сыновей своихъ, и тотчасъ же приказалъ привести двухъ лошадей. Виновныхъ сыновей привязали къ хвостамъ лошадей и выпустили лошадей въ поле. Пспуганные кони съ привязанными къ ихъ хвостамъ царевичами, съ быстротою вихря, исчезли изъ глазъ зрителей...

Послѣ того мнимый дуракъ, за свое простодушіе, остался единственнымъ помощникомъ своего отца-царя въ дѣлахъ управления государствомъ.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ ученикомъ VIII класса Ташкентской гимназии Н. Романовымъ, со словъ сарта Хасана-ходжи Тамъ-ходжинова).

XII.

Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ^{*)}.

Жиль-былъ несмѣтный богачъ Атаметой. Онъ былъ очень добръ и милостивъ: никогда ни одинъ нищій не уходилъ отъ него безъ большого подаянія. Богачъ этотъ имѣлъ огромный домъ. Въ домѣ было 40 дверей. Часто бывало, что въ теченіе дня у каждой двери перебываетъ по пяти, по шести человѣкъ нищихъ и болѣе, и щедрый хозяинъ приказывалъ выносить каждому нищему на золотомъ подносе насыпанныя верхомъ золотыя монеты и отдавать деньги вмѣстѣ съ подносомъ просящему милостыни.

Молва о щедрости этого богача разнеслась повсюду. И вотъ, однажды изъ дальней страны приходить къ дому богача одинъ старикъ,—подходить къ первой двери его дома и изъ руки самого хозяина получаетъ полный золотыхъ монетъ круглый золотой подносъ. Поблагодаривъ за такое щедрое подаяніе хозяина и призывавъ милость

^{*)} Въ имени Атаметой слышится несомнѣнно имя древняго (до-исламскаго) араба Хатамъ-Тайя, т. е. происходившаго изъ колѣна Тай. Онъ былъ богатъ и славился на Востокѣ щедростью и великодушиемъ, какъ Саади разсказываетъ о немъ въ „Гюлистанѣ“: „Спросили Хатамъ-Тайя, не видѣлъ ли онъ, или не слыхалъ ли о комъ-нибудь, кто былъ бы во всемъ мірѣ великодушнѣе его. „Да“ сказали онъ: „однажды закололъ я 40 жертвенныхъ верблюдовъ и пригласилъ на обѣдь знатныхъ арабовъ (которые въ подобныхъ случаяхъ берутъ съ собой многочисленныхъ прислужниковъ своихъ). Я вышелъ въ поле и увидѣлъ тамъ продавца терновника, который, собравъ его, вязаль въ вязаніи. Я сказалъ ему: почему ты не идешь на пиръ Хатама, гдѣ собралось столько народа?— Кто,—ответилъ онъ,— питается трудами руки своихъ, тѣтъ не обязывается Хатаму.— Я, продолжалъ Хатамъ, считаю его выше себя (глава II, разсказъ 15). Тѣмъ не менѣе Хатамъ-Тай былъ извѣстенъ за самого щедраго и великодушнаго араба, такъ что когда арабы хотѣли кого-нибудь похвалить за это качество, то говорили: Это—Хатамъ-Тай. Однажды греческій императоръ, царствовавшій въ то время, наслышавшись о необыкновенной щедрости Хатама и узнавъ, что у него была лошадь рѣдкихъ достоинствъ, въ которой Хатамъ-Тай былъ очень привязанъ, отправилъ къ нему посла, чтобы выпросить ее у него. Неожиданный приходъ императорскаго посла со свитой поставилъ Хатамъ-Тая въ затруднительное положеніе: онъ не имѣлъ подъ рукой припасовъ, чтобы приличнымъ образомъ угостить ихъ, ибо дожди и дурная погода удержали стада его вдали отъ шатра его. Но въ конюшнѣ стояла любимая его лошадь, столько же знаменитая быстротою своего бѣга, сколько Хатамъ славился своею щедростью. Не имѣя подъ руками другого животнаго для угощенія прибывшихъ гостей, Хатамъ-Тай зарѣзалъ ее и мясоимъ ее угостили ихъ. Послѣ обѣда посланецъ императора объяснилъ своему хозяину причину своего прибытія и къ удивленію своему узналъ, что великодушный Хатамъ-Тай не помажалъ для знатныхъ гостей и любимой своей лошади. (Гюлистанъ, перев. Ламброка, стр. 149. Примѣчаніе).

Аллаха на голову богача и на его семейство, старикъ отошелъ въ сторону на такое разстояніе, чтобы его не было видно, высыпалъ золотыя монеты въ мѣшокъ, опустилъ туда и поднось и спряталъ мѣшокъ въ ямѣ, заранѣе вырытой. На другой день старикъ снова пришелъ къ богачу просить милостыни, но подошелъ не къ той двери, къ которой подходилъ вчера, а къ другой. Слуга щедраго хозяина, стоявший у этой двери, подалъ старику такое же точно по-даяніе, какое онъ получилъ изъ рукъ самого хозяина наканунѣ. Старикъ и это спряталъ. На слѣдующій день старикъ явился снова и снова получалъ поднось золотыхъ монетъ. Такъ обошелъ онъ всѣ двери въ 40 дней, и у каждой двери получалъ упомянутую щедрую милостыню.

Подумалъ старикъ и на 41 день опять явился возлѣ первой двери дома богача, соображая про себя, что, вѣроятно, чрезъ 40 дней, хозяинъ уже забылъ его, такъ какъ у него каждый день просящихъ милостыни бываетъ очень много. Но богатый Атаметой помнилъ всѣхъ, кому подавалъ милостыню; онъ пристально посмотрѣлъ на старика, узналъ его и сказалъ: «Посмотри, ты уже старикъ, а еще рѣшаешься обманывать. Неужели не стыдно тебѣ приходить ко мнѣ вторично, тогда какъ ты и въ первый разъ получишь столько, что можно прожить безбѣдно цѣлую жіизнь, а твоей жизни остается совсѣмъ уже не много». Старикъ отвѣтилъ на это: «Да, дѣйствительно, мнѣ стыдно за то, что я дерзнуль просить милостыни у тебя, какъ у не очень богатаго человѣка».

— «Слушай, старикъ, — продолжалъ хозяинъ: мое богатство и моя щедрость известны всему свѣту».

— «Можетъ быть, отвѣчалъ старикъ; но я вижу, — тебѣ неизвѣстно, что есть люди богаче и щедрѣе тебя».

— «Кто же они?» спрашивала богачъ.

— «Если ты хочешь знать, такъ слушай!», сказаль старикъ: Далеко отъ твоего города, въ той сторонѣ, гдѣ солнце бываетъ въ полдень, есть одинъ большой городъ. Въ городѣ этомъ жилъ царь, который славился своею добротою, и за это Аллахъ наградилъ его очень, очень большимъ богатствомъ. Но добрый царь пожилъ недолго и скоро умеръ, оставивъ наслѣдницей своего престола только 17-ти-лѣтнюю дочь, которая, по добротѣ своего сердца, превосходила даже своего покойнаго отца. Въ этомъ городѣ молодая добрая царевна приказала построить большой домъ съ 160 дверями. Каждый день, съ самаго ранняго утра, отворяются всѣ двери этого дома, и всякий могъ подойти къ любой двери и просить, что ему нужно: денегъ ли,

одежды, обуви, пищи, скота или еще чего-нибудь... Все выдавалось немедленно. Вотъ, продолжалъ старикъ, истинное богатство и истинная щедрость! А если тебѣ жалко было вторично сдѣлать мнѣ подаяніе, то я лучше возвращу тебѣ и первое твое подаяніе, а самъ отправлюсь къ доброй царевнѣ, которая, по своей добротѣ и красотѣ, превосходитъ всѣхъ людей».

Слова старика произвели глубокое впечатлѣніе на богатаго Атаметоя: онъ подалъ старику еще такой же подносъ съ золотыми монетами, и старику ушелъ.

По уходѣ старика, богатый Атаметой впалъ въ такую задумчивость, что съ этого дня никто изъ просящихъ милостыни не видѣлъ его у двери дома раздающимъ милостыню, а раздавалась она уже слугою. Въ голову богача засѣла мысль жениться на той царевнѣ, управлять ея царствомъ и распоряжаться богатствомъ ея. Мысль эта не давала покоя Атаметою, и потому онъ, одѣвшись нищимъ, пошелъ къ щедрой царевнѣ. Долго онъ шелъ и, наконецъ, пришелъ въ тотъ самый городъ и на другой же день стоялъ у главной двери дворца царевны. Выходить сама царевна и спрашиваетъ нищаго, кто онъ такой и какъ его имя. «Я богатый купецъ, отвѣчалъ онъ, а зовутъ меня Атаметой!»

— «Затѣмъ-же ты пришелъ сюда?» спрашиваетъ царевна.

— «Я хочу имѣть тебя, царевна, свою женой».

— «Этого ты не достигнешь сразу», отвѣтила царевна и добавила: «я согласна быть твою женой, если только ты сослужишь мнѣ одну службу, не очень трудную, именно вотъ какую. Есть одинъ городъ; чтобы дойти до него, потребуется не менѣе 40 дней. Въ этомъ городѣ весь народъ плачетъ, и мнѣ всегда бываетъ очень жаль жителей, когда я слышу ихъ плачъ. Такъ бываетъ силенъ плачъ ихъ, что даже доходитъ до моего слуха. Такъ вотъ голубчикъ, сходи ты въ этотъ городъ и узнай, о чёмъ они плачутъ. Самъ видишь, что служба не трудная!».

Царевна такъ понравилась Атаметою, что онъ не могъ отказатьсь отъ предложения, лишь бы имѣть свою жену такую чудную красавицу. Въ образѣ нищаго онъ отправился въ путь и черезъ 40 дней, дѣйствительно, достигъ того города. Плачъ людской въ городѣ былъ такъ силенъ, что спросить кого-либо о причинѣ плача въ это время не было возможности. Долго цицѣй бродилъ по городу, но не нашелъ человѣка, отъ которого бы можно было узнать о причинѣ плача жителей. Наконецъ, уже на самомъ концѣ города увидѣлъ вицѣй одного молодого сарта, подошелъ къ нему и спросилъ: о чёмъ

это все жители такъ плачутъ? Молодой сартъ отвелъ Атаметоя въ сторону и показалъ ему, что хочетъ сказать ему отвѣтъ на ухо. Атаметой наклонился и подставилъ ему свое ухо, а сартъ схватилъ его за ухо и такъ натеребилъ, что Атаметой три дня не могъ прійти въ себя. Однако, оправившись отъ боли, Атаметой всетаки рѣшилъ, что, не узнавъ причины плача жителей этого города, ему не слѣдуетъ уходить оттуда. И, такимъ образомъ, онъ снова сталъ бродить по улицамъ города и бродилъ очень долго. Наконецъ, дней черезъ 9, увидѣлъ онъ въ сторонѣ отъ другихъ одного старика. Подходитъ Атаметой къ старику и спрашивается: «Скажи пожалуйста, что за причина такого плача въ этомъ городѣ?». — «Это, другъ мой, такая важная вещь, отвѣчалъ старикъ, что я даже вдали отъ другихъ не рѣшаюсь сказать тебѣ о томъ въ слухъ; подставь поближе твоё ухо, и тогда только я могу потихоньку сказать тебѣ причину плача жителей этого города». Атаметой подставилъ свое ухо, но вмѣсто желанной тайны почувствовалъ сильную боль въ ухѣ: старикъ схватилъ Атаметоя за ухо, сильно потянулъ его къ землѣ и, сваливъ съ ногъ, до полусмерти избилъ его. Пришедши немного въ себя отъ такихъ жестокихъ побоевъ, Атаметой чуть добрался до первого дерева и здѣсь, подъ тѣнью дерева, горячо и усердно помолился Аллаху за то, что еще остался живъ отъ такихъ сильныхъ побоевъ.

Но вотъ наступила пятница, и все плачущіе горожане направились чрезъ городскія ворота въ горы. На одной изъ горъ былъ погребенъ ихъ царь. Согласно его предсмертной воли, тамъ была построена большая школа для дѣтей мусульманскихъ и большая мечеть. Царя народъ почиталъ за святого человѣка и поэтому каждую пятницу уходилъ на гору молиться въ той мечети. И въ эту пятницу народъ направился на богомолье въ упомяннутую мечеть. Одинъ, еще не особенно старый человѣкъ, щекъ верхомъ на быкѣ. Атаметой былъ тутъ-же и пошелъ рядомъ со старикомъ. Всадникъ замѣтилъ Атаметоя и замахнулся на него шашкой, но Атаметой отскочилъ въ сторону. Всадникъ вторично замахнулся на него, но Атаметой опять ловко увернулся отъ удара. Тогда всадникъ, обратившись къ Атаметою, рѣзко сказалъ ему: «Отойдешь ли ты отъ меня? Что тебѣ нужно отъ меня? Ступай пожалуйста, дальше: дорога широка!»

— «Не сердись, господинъ! я имѣю до тебя большую просьбу», отвѣчалъ Атаметой. «Скажи, будь добру, что это все горожане плачутъ постоянно? Какая этому причина?»

— «Ужъ если хочешь ты знать причину нашего плача, такъ

пойдемъ сначала помолимся въ ханской мечети, а потомъ отправимся въ мой домъ. Тамъ я тебѣ кое-что и расскажу».

Атаметой съ радостью согласился на предложение старика. По окончаніи молитвы въ мечети, пошелъ Атаметой къ дому своего новаго знакомца. Приблизившись къ дому, новый знакомый Атаметоя отдалъ своего быка слугѣ, провелъ гостя въ садъ, гдѣ на особомъ земляномъ возвышеніи (супа), подъ тѣнью деревъ, были постланы богатые ковры. Хозяинъ усадилъ Атаметоя возлѣ себя и долго съ нимъ разговаривалъ, угостили его палау и уже послѣ того освѣдомился, что ему было надо. Атаметой опять сказалъ, что онъ хочетъ знать причину такого ужаснаго плача жителей этого города.

— «Я знаю причину плача, сказалъ хозяинъ дома, но сообщить тебѣ ее не могу. Сослужи ты мнѣ небольшую службу: тогда и я въ свою очередь открою тебѣ эту важную тайну».

Атаметой согласился.

— «Вотъ въ чемъ заключается моя просьба, продолжалъ хозяинъ: прежде всего я скажу тебѣ, что ни отъ кого ты не узнаешь ничего; есть только одинъ старикъ, несчастный калѣка—безъ рукъ и безъ ногъ; онъ только и можетъ сказать тебѣ кое-что. Поэтому пойди ты къ нему и проси его, зачѣмъ воеть онъ: ибо онъ-то и кричитъ больше всѣхъ».

Атаметой, не медля ни минуты, пошелъ отыскивать указаннаго старика-калѣку. Долго разыскивалъ онъ его и, наконецъ-то, нашелъ. Калѣка лежалъ на пескѣ подъ открытымъ небомъ и, сильно изнуренный палящими лучами солнца, громко стоналъ и плакалъ. Атаметой подходитъ къ нему и спрашивается: «Почему ты такъ сильно плачешь».

— «Почему я плачу, отвѣчалъ калѣка, объ этомъ сказать тебѣ я могу лишь только тогда, когда ты для меня узнаешь одну вещь. А узнать это тебѣ не составить большого труда. Около ближайшей горы, продолжалъ калѣка, есть яма (зинданъ), а въ этой ямѣ сидить одинъ красивый молодой сартъ. Сидить онъ въ этой ямѣ уже нѣсколько лѣтъ и не можетъ изъ нея выйти. Такъ вотъ ты долженъ сходить къ нему и спросить у него, за что онъ посаженъ въ яму. Когда ты сообщишь мнѣ отвѣтъ этого красавца, то и я скажу тебѣ, почему я плачу больше всѣхъ».

Согласился Атаметой и побрелъ къ горамъ. Черезъ три дня пути, Атаметой достигъ первыхъ горъ, и у одной изъ нихъ дѣйствительно замѣтилъ яму и нашелъ въ ней красавца-сарта. На вопросъ Атаметоя: за что онъ посаженъ въ эту яму? молодой сартъ отвѣтилъ,

что сказать ему причину онъ можетъ лишь толькъ въ томъ случаѣ, если Атаметой сходить въсосѣднее царство и узнать, какія были отношенія у царя Санавара къ своей супругѣ, имя которой было Гуль.

Атаметой согласился и на это, но такъ какъ путь въ царство Санавара былъ длиненъ, то онъ прежде вернулся въсосѣдній городъ, купилъ себѣ на дорогу провизіи и тогда уже отправился въдалекій путь. Долго, долго шелъ онъ по пустынной дорогѣ, лежащей среди горъ. Наконецъ, увидѣлъ онъ большою столѣтній чинаръ, роеній недалеко отъ дороги. Атаметой былъ сильно утомленъ дальней дорогой и гористою местностью и радъ былъ отдохнуть вътѣни этого чинара и подкрепить свои силы єдой и сномъ въ прохладѣ. Закусивши, Атаметой легъ отдохнуть и заснулъ. Долго спалъ онъ, но, наконецъ, былъ разбуженъ крикомъ какихъ-то птенцовъ. Оказалось, что на вершинѣ этого дерева находилось гнѣздо птицы *Самракъ*¹⁾, а въгнѣзда было нѣсколько птенцовъ уже большихъ. Эти-то птенцы птицы Самракъ и поднимали крикъ на всю окрестность. Крикъ ихъ означалъ приближеніе опасности. Дѣйствительно, проснувшись отъ крика птенцовъ, Атаметой замѣтилъ приближающагося къ дереву волка. Атаметой быстро вооружился кривой шашкой, которую всегда имѣлъ при себѣ, и спрятался за чинарь²⁾, въ ожиданіи волка. Лишь только волкъ поднялся на ноги, чтобы достать гнѣздо, Атаметой выскочилъ и однимъ ударомъ своей шашки, разрубилъ волка на двѣ части. Одну половину убитаго волка онъ отбросилъ въсторону, а другую положилъ птенцамъ въгнѣздо. Птенцы, видя, что они спасены отъ угрожавшей имъ смерти, сказали Атаметою: «Полѣзай кънасъ: мы тебя научимъ кое-чemu». Атаметой влѣзъ на дерево и сѣлъ въгнѣздѣ Самрака.—И вотъ онъ слышитъ такую рѣчь птенцовъ. «Ты знаешь, что мы—дѣти птицы *Самракъ*, которая очень кровожадна и никогда не пропустить случая полакомиться человѣкомъ. Такъ, она можетъ сѣсть и тебя. Но мы хотимъ защитить тебя за то, что ты самъ спасъ насъ отъ смерти. Каждый годъ этотъ волкъ приходилъ сюда и сѣдалъ птенцовъ Самрака; мы—первые, которые уцѣльли, потому что ты заступился за насъ. Сейчасъ прилетѣть съгорь сама Самракъ; полѣзай ты къ кому-нибудь изъ насъ подъ крыло». Атаметой такъ и сѣдалъ.

¹⁾ Птица „Самракъ“ (кнїж. Симургъ)—баснословная птица, въ родѣ древняго феникса, живетъ на Кафъ-горѣ, т. е. на Кавказѣ, имѣеть большое тѣло съ челов. головою и обладаетъ разумомъ и даромъ слова. Н. О.

²⁾ Чинары достигаютъ иногда огромныхъразмѣровъ: въихъ дуплахъ могутъ помѣщаться нѣсколько человѣкъ. Н. О.

Вскорѣ прилетѣла птица Самракъ, но не прямо спустилась въ свое гнѣзда, какъ дѣлала это прежде, а стала описывать большиѣ круги надъ гнѣздомъ. Долго она еще парила въ воздухѣ; наконецъ, птенцы спрашиваютъ ее, почему она не спускается въ гнѣздо.

— «Я слышу, отвѣчала Самракъ, запахъ свѣжаго человѣка и высматриваю его».

— «Не найдешь его; спускайся, и мы покажемъ тебѣ его сами».

Самракъ спустилась, и птенцы завели съ ней такую рѣчь. «До сихъ порь ты еще не вскормила ни одного птенца своего, потому что ихъ сѣдалъ волкъ во время твоего отсутствія; въ этомъ же году тебѣ суждено выкормить всѣхъ нась, такъ какъ волка, пожиравшаго дѣтей твоихъ, больше не существуетъ: его убилъ одинъ человѣкъ, котораго мы спрятали. Онъ разрубилъ волка на двѣ части, изъ коихъ одна лежитъ возлѣ тебя».

Птица Самракъ, выслушавъ это, обрадовалась. Тогда птенецъ, прикрывшій своего спасителя крыломъ, поднялъ крыло и предъ глазами грозной птицы явился Атаметой.

— «За услугу, оказанную тобою моимъ дѣтямъ, я согласна сама оказать тебѣ услугу. Проси у меня, чего тебѣ надо», сказала Самракъ Атаметою.

— «Ты знаешь царя Санавара? спрашивала Атаметой.

— «Знаю! говорить Самракъ.

— «Отведи меня въ его царство».

— «Ты оттуда не возвратишься живымъ!»

— «Все равно: я имѣю большое дѣло до него».

— «Въ такомъ случаѣ ты поступи вотъ такъ, сказала Атаметою Самракъ: царь этотъ всѣхъ казнить, а ты, когда стража его придется за тобой, попросись у царя умыться и помолиться Богу предъ казнью. Въ это самое время прилечу я за тобой.—А теперь садись на мою спину!»

Атаметой уѣхала на спину Самрака. Долго они летѣли и, наконецъ, прибыли въ столичный городъ царя Санавара. Здѣсь Атаметой сѣѣзъ съ Самрака и пошелъ къ царю. Вошелъ онъ въ главную дверь дворца царя Санавара и увидѣлъ, что царь Санаваръ сидѣть на золоченой койкѣ и мостѣ руки въ водѣ изъ золоченаго кувшина. Только вытеръ царь руки, ему принесли палау на золотой тарелкѣ. Царь покушалъ немногого, а остатки приказалъ отдать собакѣ. Собака не могла сѣѣсть всего, и оставшееся отъ собаки палау отдали курамъ. Атаметой замѣтилъ это, подошелъ къ царю и говорить ему: «Царь! зачѣмъ ты даешь палау—самое хорошее кушанье—собакѣ и курамъ?

Вѣдь, собака можетъ опоганить твою золотую тарелку. Затѣмъ я замѣтилъ, что уже послѣ собаки дали Ѳесть палау курамъ. Неужели куры хуже собаки?

— «Не твое дѣло знать это!» отвѣчаетъ царь. «Я пожалуй, разскажу тебѣ, но только съ условіемъ, что послѣ разската своего я прикажу повѣсить тебя».

— «Я на все согласенъ,» отвѣчалъ Атаметой и просилъ царя разскать ему. — Царь началъ: «Прежде я имѣлъ жену. Звали ее Гуль (роза). И дѣйствительно, если бы положить на одну чашку вѣсовъ невинность моей супруги, а на другую бѣлую розу (гуль), то ни та, ни другая чашка не перевесила бы. Но вотъ я однажды замѣтилъ, что чашка съ невинностью моей супруги, не перетянула; я подумалъ, что невинность ея пострадала отъ какихъ-либо дурныхъ ея поступковъ и потому я счелъ за необходимое слѣдить за женой. Надо тебѣ также сказать, что я очень люблю лошадей. У меня было два любимыхъ коня, которыхъ я отдалъ конюхамъ на 40 дней и рѣшилъ не Ѳздить на этихъ коняхъ, чтобы они хорошенько откормились. Но вотъ проходитъ недѣля, другая, третья, наконецъ,—а кони никакъ не поправляются. Тогда я призываю конюха и спрашиваю, что за причина тому, что кони плохо поправляются. Конюхъ долгое время мялся, не желая объяснить мнѣ причину, но, наконецъ, во всемъ сознался. Оказалось, что моя жена каждую ночь приходитъ въ конюшню, приказываетъ осѣдлать ту или другую лошадь и куда-то выѣзжаетъ со двора на всю ночь, тогда какъ я въ это время спокойно сплю въ своемъ дворцѣ. У меня явилось желаніе прослѣдить, куда Ѳздитъ моя жена. Съ этою цѣлью, я на другой же день, подъ вечеръ, приказалъ осѣдлать двухъ самыхъ быстрыхъ коней и оставить ихъ въ конюшнѣ, а самъ легъ недалеко отъ входа въ конюшню на простой койкѣ и притворился спящимъ. Вдругъ прибѣжала кошка, посмотрѣла кругомъ, заглянула въ конюшню и скоро уѣжала. Чрезъ полчаса явилась туда жена моя, въ сопровожденіи той-же кошки, отвязала одну лошадь, сѣла на нее и уѣхала, а впереди лошади побѣжала кошка, указывая путь моей женѣ. Лошадь, на которой Ѳхала моя жена, бѣжала очень быстро—въ часъ версты по 500. Только что выѣхала жена за ворота, я прицѣпилъ къ боку острую-преострую шашку, сѣлъ на другого коня и погнался за женой. Лошадь моя была не хуже жениной лошади; однако я догнать жену не успѣлъ. Послѣ двухчасовой Ѳзы жена остановила лошадь у небольшой калитки, а сама вошла во внутрь. Я также слѣзъ съ лошади и пошелъ за женой. Я увидалъ тогда, какъ жену мою встрѣтилъ дивъ (духъ),

повелъ ее черезъ 39 комнатъ въ 40-ю комнату. Тамъ сидѣли 40 дивовъ и одинъ изъ нихъ, который почитался за начальника, былъ семиглавый. Я тоже пошелъ внутрь дома и остановился въ 39-й комнатѣ. Отсюда я слышалъ ясно, съ какими ласковыми словами обращался семиглавый дивъ къ моей женѣ. Долго они любезничали; наконецъ, дивъ предлагаетъ ей что-нибудь покушать и посыаетъ одного дива за хорошей дыней и хорошимъ арбузомъ. Дивъ поднялся съ мѣста, а я сейчасъ же выбѣжалъ черезъ 39 комнату на дворъ, притянулся за входною дверью и держу шашку свою на-готовѣ. Только показался изъ двери дивъ и я убилъ его шашкой. Семиглавый дивъ долго дождался посланнаго, разсердился и послалъ другаго дива, но и съ этимъ дивомъ я покончилъ мигомъ, какъ и съ первымъ. Такимъ образомъ я перебилъ всѣхъ 40 дивовъ. Остался въ 40-й комнатѣ одинъ только семиглавый дивъ съ моей женой. Я рѣшился тогда ити къ нему открыто. Вотъ я вхожу въ комнату. Дивъ тотчасъ поднялся съ мѣста и со страшной силой бросился на меня. Завязалась у насъ борьба не на животъ, а на смерть. Долго мы отчаянно боролись. Наконецъ, я первый почувствовалъ слабость, потому что дивъ былъ сильный, а я еще до борьбы съ нимъ утомился отъ продолжительной и быстройѣзды и отъ волненія, когда убивалъ 40 дивовъ. И я говорю своей женѣ: «Помогай мнѣ, Гуль!» Но та сидѣтъ на своемъ мѣстѣ и какъ бы не слышитъ моихъ словъ. Я повторилъ свою просьбу еще два раза, но жена не обращала никакого вниманія на мои слова, какъ будто бы ее проинъ чужой ей человѣкъ.—Долго мы еще продолжали бороться съ дивомъ. Въ тотъ самый моментъ, когда я почувствовалъ, что силы мои совсѣмъ оставляютъ меня, и я готовъ былъ уже упасть, въ комнату, гдѣ происходила наша борьба, вѣжала моя собака, схватила дива за ногу и прогнила икру у ноги моего противника до самой кости. Въ борьбѣ со мною дивъ тоже усталъ, а боль въ икрѣ еще болѣе ослабила моего врага. Я собралъ тогда послѣднія свои силы, повалилъ дива, отрубилъ ему своей шашкой все сѣмь головъ и выбросилъ ихъ изъ дома чрезъ окно. Послѣ того я посадилъ на лошадь свою жену, сѣль на другую самъ, и побѣхали мы домой. Я рѣшилъ наказать жену за ея дерзкіе поступки:ѣхали мы рядомъ; въ дорогѣ я вынуль изъ куржума (перемет. сумы) чародѣйственную книгу, прочелъ три мѣста изъ этой книги, и жена обратилась въ курицу. Вотъ почему, прибавилъ царь Санаваръ, я даю собакѣ есть изъ золоченой посуды и почему обѣдки послѣ собаки даются уже курамъ: въ моей семейной судьбѣ куры оказались хуже собаки.—Теперь ты знаешь все, закончилъ царь Санаваръ, что хотѣлъ

знатъ... Но чтобы ты не рассказалъ въ народѣ объ оскорблениіи, нанесенномъ мнѣ мою жену и о моемъ съ нею поступкѣ, я прикажу казнить тебя. Пока иди спать, а на утро приготовься къ смерти».

Атаметой выслушавъ приговоръ спокойно и согласился. Онъ очень спокойно проспалъ всю ночь. На утро явилась къ нему стража и отвели его къ царю Санавару, который и приказалъ казнить Атаметоя въ своемъ присутствіи. Но Атаметой хорошо помнилъ совѣтъ, данный ему птицей Самракъ, и попросилъ у царя разрѣшеніе сходить умываться и помолиться Богу. Царь позволилъ.—Атаметой, получивъ царское разрѣшеніе, направился къ источнику и только что началъ умываться, какъ вдругъ прилетѣла птица Самракъ и велѣла ему скорѣе садиться на ея спину. Атаметой не заставилъ себя долго ждать. Но только что Самракъ поднялась, какъ увидѣлъ ее царь Санаваръ. Онъ схватилъ свой лукъ и пущенной стрѣлой ранилъ Самрака въ лѣвое крыло. Но птица была настолько сильна, что не смотря на свою рану, все таки доставила Атаметоя къ своему дереву довольно скоро.

Поблагодаривъ птицу Самрака за такую важную услугу, Атаметой пошелъ къ красивому молодому сарту, сидѣвшему въ ямѣ, и рассказалъ ему объ отношеніяхъ царя Санавара къ своей женѣ—Гуль.

Затѣмъ Атаметой спросилъ сарта: «Кто же и за что посадилъ тебя въ эту яму?»

Тотъ отвѣчалъ: «Меня посадила въ яму моя жена, которая сама живеть еще ниже, подъ землей. Тамъ у нея есть хороший домъ, куда она пускаеть меня лишь разъ въ недѣлю. Въ яму эту посадила она меня за то, что я красивъ».

Простившись съ этимъ красавцемъ, Атаметой пошелъ къ калѣкѣ и рассказалъ ему, за что посаженъ въ яму красивый молодой сартъ, а затѣмъ спросилъ калѣку, почему онъ плачетъ и стонетъ больше всѣхъ.

Калѣка отвѣчалъ: «Я также наказанъ своею жену за одинъ очень *нехорошій* поступокъ. Во 1-хъ я долженъ плакать такъ же, какъ плачутъ и остальные жители города; но мученія мои превышаютъ мое терпѣніе и мои силы и заставляютъ меня плакать и кричать болѣе другихъ. Ты видиши: я—безъ рукъ и безъ ногъ и лежу на самомъ жаркомъ мѣстѣ».

Атаметой, выслушавъ старика, отправился къ тому человѣку, который ёздилъ на быкѣ верхомъ. Встрѣтивъ Атаметоя, старикъ спросилъ его: узналъ ли онъ о причинѣ плача калѣки?... Когда старикъ выслушавъ со вниманіемъ разсказъ Атаметоя, то въ свою оче-

редь рассказалъ Атаметою слѣдующее: «Я—царскій сынъ. Отецъ мой, умершій 20 лѣтъ тому назадъ, былъ царемъ въ этомъ городѣ. Онъ имѣлъ у себя 40 женъ; но, къ несчастію, ни отъ одной изъ нихъ царь не имѣлъ дѣтей, а ему страшно хотѣлось имѣть хоть одного сына. Поэтому царь взялъ себѣ еще жену; отъ нея-то я и родился. Отецъ былъ радъ и до семилѣтняго возраста держалъ меня при себѣ и ни въ чёмъ мнѣ не отказывалъ. Когда же мнѣ исполнилось 7 лѣтъ, онъ вознамѣрился нанять для меня учителя. Но передъ этимъ царь приказалъ сдѣлать въ землѣ двѣ большихъ комнаты, въ которыхъ бы могъ помѣститься я со своимъ будущимъ учителемъ. Комнаты скоро были готовы и туда помѣстили меня и учителя моего, чтобы мы не имѣли сношеній съ вѣнчаниемъ міромъ и могли поэтому, какъ думалъ отецъ, успѣніи заниматься. Къ намъ имѣли доступъ только моя мать, да одинъ вѣрный слуга.—Въ этомъ подземномъ жилищѣ пробылъ я нѣсколько лѣтъ. Когда окончилось ученіе, я отворилъ дверь и вышелъ наружу, то очутился въ прекрасномъ, хорошо разсаженномъ саду. Тутъ я увидѣлъ много прелестныхъ цвѣтовъ, которые своею красотою прельщали меня. Одинъ цвѣтокъ былъ красивѣе всѣхъ остальныхъ, и я сорвалъ его. Посмотрѣвъ затѣмъ направо, я замѣтилъ цвѣтокъ еще лучше того. Я сорвалъ его, но смотрю—недалеко отъ меня растетъ цвѣтокъ еще лучше, чѣмъ прежніе два. Я сорвалъ и этотъ, но оглянулся вѣво и увидѣлъ множество такихъ чудныхъ и рѣдкихъ цвѣтовъ, о какихъ я еще не имѣлъ и понятія. Я направился было туда, чтобы нарвать этихъ цвѣтовъ, но вдругъ услышалъ надъ собою звонкій женскій смѣхъ. Я поднялъ голову и увидѣлъ прекрасную пяри¹⁾... Пяри была такъ хороша собою и такъ сильно понравилась мнѣ, что я совершенно потерялъ сознаніе и упалъ, какъ подкошенный колось, среди цвѣтовъ.

Долго искалъ меня учитель; наконецъ, нашелъ, но не могъ привести меня въ чувство. Тогда онъ сказалъ моему отцу, что нашелъ меня среди цвѣтовъ, но не могъ привести меня въ чувство. Царь созвалъ лучшихъ врачей, но и тѣ ничего не могли сдѣлать со мною. Пришелъ сюда-же въ садъ одинъ старикъ и сказалъ моему отцу, что далеко, на югѣ есть одинъ индіецъ, который можетъ вылечить царевича, такъ какъ не было до сихъ поръ случая, чтобы онъ не вылечилъ больного, какою бы болѣзни тотъ ни былъ боленъ. Царь согласился отправить меня къ этому индійцу.

¹⁾ Пяри—миѳологическое существо женского пола, отличающееся необыкновенною нѣжностью сложенія и красотою лица. Н. О.

«Прибыть къ индійцю, мои провожатые увидѣли у него массу больныхъ. Всѣхъ ихъ тутъ же индіецъ и вылечилъ. Но меня онъ не могъ вылечить, потому что не было такихъ лекарствъ на готовѣ. Поэтому онъ просилъ моихъ провожатыхъ оставить меня у него, а самимъ не ждать иѣхать домой. Только что уѣхали сопровождавшіе меня люди, какъ докторъ взялъ небольшую стеклянку съ какою-то сильно пахучею жидкостью, поднесъ ее къ моему носу, и я сразу проснулся. Первыми моими словами было: «Гдѣ я?» Докторъ отвѣтилъ, что я—далеко отъ родины, у индійца. Потомъ онъ взялъ меня за руку и повелъ къ себѣ въ комнату. На всѣхъ стѣнахъ комнаты, сверху до низу, были вѣдѣланы полки, на которыхъ лежали книги. Докторъ спросилъ меня, не хочу ли я научиться медицинской мудрости. Я согласился. И мы стали вмѣстѣ читать книги, а въ промежутки между чтеніемъ лечили больныхъ, при чемъ я, какъ ученикъ, только наблюдалъ за дѣйствіями моего учителя-доктора.

Въ такихъ занятіяхъ проходилъ уже срокъ, назначенный моимъ отцомъ на мое лечение, и проходилъ незамѣтно для меня. За это время я успѣлъ прочесть всѣ книги своего учителя, за исключеніемъ только двухъ, которые были прикреплены цѣпями къ двумъ желѣзнымъ столбамъ, врытымъ подъ поломъ въ землю. Книги эти имѣли очень большой форматъ, были обѣданы въ хороший переплетъ, и на крышки одной изъ нихъ большими буквами было написано: «Дивъ», а на другой такими-же буквами было написано: «Пяри».— Хотя у меня было еще свободное время, такъ какъ послы отъ отца не прїѣзжали за мной, однако докторъ почему-то не позволилъ мнѣ читать эти двѣ книги. Какъ разъ въ это время привезли къ индійцу сына одного очень богатаго купца. Это былъ юноша лѣтъ 18-ти. Болѣзнь его заключалась въ томъ, что черви разъѣли ему ухо, постепенно подвигались внутрь ушной раковины и добирались уже до головнаго мозга. Несчастный юноша страдалъ ужасно. Индіецъ осмотрѣлъ вмѣстѣ со мною больного и пошелъ въ свою комнату приготовлять лекарство, а я не сталъ ждать доктора и задумалъ самъ излечить больного. Для этого я взялъ съ дерева сырью вѣтку, распарилъ ее на огнѣ и посредствомъ ея моментально уничтожилъ червей, а потомъ однимъ очень простымъ составомъ, который всегда былъ на готовѣ, смазалъ больному ухо, и больной сталъ здоровъ. Черезъ полчаса вышелъ индіецъ съ лекарствами, но увидѣлъ, что болѣзнь уже излечена. Докторъ злобно посмотрѣлъ на меня, бросилъ на землю только что приготовленныя имъ лекарства, и съ досады подошелъ

къ большому дереву и повѣсился: (Ему стало очень стыдно, что ученикъ его догадался употребить болѣе простое лекарство).

«Послѣ того я остался одинъ, но не надолго. На другой день рано утромъ пріѣхали сто человѣкъ, посланные моимъ отцомъ. Они привели для меня прекрасную лошадь. Я задумалъ взять съ собою тѣ двѣ книги: «Дивъ» и «Пяри», которыхъ не успѣли прочесть. Оказалось, что книги были очень тяжелы для того, чтобы ихъ можно было везти, сидя верхомъ на лошади. Пришлось купить арбу. Мои слуги живо приготовили арбу, положили на нее книги и уѣхали. На прекрасныхъ лошадяхъ мы скоро добрались до своего города. По пріѣздѣ домой, первымъ моимъ дѣломъ было чтеніе привезенныхъ книгъ. Прочитавъ сначала книгу «Дивъ», я ничего въ ней не нашелъ доброго и, только дочитавъ до конца книгу «Пяри», я догадался, что тамъ поставлено имя той пяри, отъ которой я лишился сознанія.— Я узналъ ее по точному описанію, сдѣланному въ книгѣ. Она была дочь Персидскаго государя и красотой своей блестала на весь міръ; красота ея настолько была лучезарна, что во тьмѣ отъ ея образа дѣлялось свѣтло. Теперь я зналъ, что, имѣя въ рукахъ своихъ такія двѣ книги, я могу распорижаться всѣми злыми и добрыми духами. Поэтому я вызывалъ эту прекрасную пяри, и насть на слѣдующій же день повѣнчали. Жена моя велѣла мнѣ спрятать книги подъ подушку: «иначе, сказала она, прилетѣть дивъ и утащить ихъ, и я поневолѣ должна буду сгѣдовывать за дивомъ».

«Недолго я наслаждался счастіемъ брачной жизни. Однажды ночью увидѣль я во снѣ свою жену, будто она просила меня дать ей книги почитать. Я далъ ей книги, но въ этотъ самый моментъ мнимая жена моя превратилась въ ужаснаго дива, который надемѣхаясь надо мною, сталъ исчезать изъ вида. Ужасъ подобнаго похищенія заставилъ меня проснуться... Каковы же были мои ужасъ и злость, когда я замѣтилъ, что книги дѣйствительно были у меня похищены!... Я разбудилъ свою жену, и та сразу поняла, въ чемъ опасность: она взяла въ руку земли изъ горшка, въ которомъ росъ цвѣтокъ, и бросила въ дива, но не могла ему повредить, потому что онъ уже былъ далеко. Видя, что пяри застуپается за меня, дивъ издали пригрозилъ ей страшнымъ наказаніемъ. И наказаніе послѣдовало въ скромъ времени. Жена моя заболѣла ужасною болѣзнью — проказою (махав). Она стала гнить и издавала такое зловоніе, что близко къ ней положительно нельзя было подойти. Какъ только узналъ мой народъ о болѣзни пяри, то началъ горько плакать, желая этимъ помочь дѣлу, но помочь мнѣ не могъ. На глазахъ моихъ

и народа, жена моя разлагалась постепенно по частямъ и, наконецъ, умерла, оплакиваемая всѣмъ народомъ. И до сихъ поръ плачетъ народъ о томъ, что такая прекрасная пяри могла погибнуть такою ужасною смертью».

-- «Я кончилъ свой рассказъ! сказалъ царскій сынъ. «Доволенъ ли ты тѣмъ, что слышалъ отъ меня?»

— «Спасибо тебѣ! отвѣтилъ Атаметой, простился съ царскимъ сыномъ и вышелъ изъ города.

Пришелъ Атаметой, наконецъ, къ молодой красавицѣ-царевнѣ и рассказалъ ей причину плача горожанъ и вообще о всѣхъ своихъ странствованіяхъ. Выслушавъ его, царевна сказала: «Послушай, Атаметой! ты видишь, что вездѣ, гдѣ ты ни былъ и кого ты ни видѣлъ, вездѣ причиною несчастія служить жена. Неужели и послѣ этого ты хочешь жениться на мнѣ?! Отъ жены ты можешь ожидать несчастія въ жизни, подобно тому, какъ и тѣ мужья, которыхъ тебѣ пришлось видѣть. Подумай хорошенько и лучше не женись, если ты цѣнишь свою жизнь!»

Но Атаметой не внялъ увѣщаніямъ царевны. Онъ такъ сильно полюбилъ ее, что не думалъ ни о какихъ опасностяхъ и несчастіяхъ, если будетъ обладать ею. Поэтому Атаметой снова стала убѣдительно просить царевну выйти за него замужъ. Царевна подумала-подумала и послѣ такой убѣдительной просьбы согласилась выйти за Атаметоя замужъ.

Черезъ три дня былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія, и Атаметой счастливо зажилъ съ своею красавицей женой.— Но о дальнѣйшей судьбѣ жизни Атаметоя ничего пока неизвѣстно.

(Эта сказка записана тѣмъ-же ученикомъ гимназіи Н. Романовыимъ, со словъ того-же сарта Ташъ-ходжинова).

Примѣчаніе. Легенда о щедрости Атаметоя широко распространилась изъ Аравіи по Средней Азіи и въ разныхъ мѣстахъ получила свою окраску. Киргизъ Нуриджанъ (Джумайской волостиуѣзда рассказывалъ, что въ царствование царя Ямаша жилъ одинъ щедрый человѣкъ, по имени Атылтай-Джомартъ (щедрый). Когда прѣѣзжали къ нему гости, то всегда встречали у него широкое гостепріимство, а если кто обращался къ нему съ просьбой, то онъ отдавалъ послѣднее, лишь бы помочь просителю. () такой щедрости и благотворительности Атылтая дошли слухи до царя Ямаша, и царь съ завистью сказывалъ: „хотя я царь и тоже щедръ, но о моей щедрости никто ничего не говорить“... Послѣ того царь послалъ къ Атылтая особыхъ пословъ просить у него для царя лучшаго иноходца, быстраго, какъ вѣтеръ. Послы прїѣхали къ Атылтая зимой въ сильный буранъ, и Атылтай ничего не могъ достать для угоженія царскихъ пословъ. Тогда онъ вышелъ во дворъ и зарѣзълъ для ихъ угоженія лучшаго своего иноходца, накормилъ пословъ, а на утро, когда послы отдох-

нули, Атыттай спросилъ, зачѣмъ они прѣѣхали. Послы отвѣтили, что они прїѣхали отъ царя Яиаша съ просьбой уступить царю вноходца. Тутъ Атыттай опечалился и опустилъ глаза въ землю. Послы сказали: зачѣмъ печалишься? Атыттай отвѣтилъ: — „мы не жалъ отдать царю иноходца; но я не зналъ вчера просьбы цара и, не находя другого мяса, зарѣзаль иноходца вечеромъ, чтобы угостить васъ“.—Послы возвратились домой и рассказали царю о случившемся. Царь еще больше огорчился, убѣдившись въ щедрости Атыттая. Зависть царя усиливалась и, наконецъ, онъ приказалъ найти такого человѣка, который могъ бы убить Атыттая и принести его голову царю.

Въ царствѣ Яиашевомъ нашелся одинъ человѣкъ, который, получивъ хорошее вознагражденіе отъ царя, поѣхалъ разыскивать Атыттая съ тѣмъ, чтобы убить его. Посланный долго искалъ истинительство Атыттая и не могъ его найти. Однажды посланный сильно усталъ и зашелъ въ одному киргизу отдохнуть. Хозяинъ-киргизъ принялъ путешественника очень радушно, наводилъ и пекорилъ его и уложилъ спать. На утро путешественникъ рассказалъ хозяину, что царь Яиашъ послалъ его убить Атыттая и принести его голову и потому просить хозяина научить его, какъ убить Атыттая. Тогда хозяинъ вышелъ, принесъ свою острую саблю и, передавая ее гостю, сказалъ, что онъ самъ—Атыттай и если гость хочетъ получить его голову, то можетъ это сдѣлать. Сказавъ это, Атыттай наклонилъ голову и ждалъ своей смерти. Гость былъ изумленъ и отказался убить своего хозяина, убѣдившись въ его щедрости, не имѣющей границъ. Затѣмъ посланный вернулся къ царю и рассказалъ ему о случившемся. Услыхавъ этотъ рассказъ, царь Яиашъ раскаялся въ своей зависти и сказалъ: „Я—царь и таѣ же щады: но свою голову я никогда бы не отдалъ другому. Поэтому признаю, что Атыттай щедреѣ всѣхъ въ мірѣ.“

(Сообщено киргизомъ Джумайской волости Нурджаномъ 1-го марта 1905 года).

XIII.

Слѣпой царь и цѣлебная земля.

Въ одномъ большомъ царствѣ жилъ-былъ царь-слѣпецъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей. Какъ-то разъ онъ узналъ, что гдѣ-то есть такая земля, которую если приложить къ глазамъ слѣпого человѣка, то зрѣніе вовратится. Узнавъ объ этомъ, царь призываетъ своихъ сыновей и говорить имъ: «Милыя дѣти мои! у меня много денегъ, много земли, и есть одна прекрасная лошадь. Выбирайте себѣ каждый, кому что понравится, и ищѣжайте отыскивать землю, которая могла бы возвратить мнѣ зрѣніе.» Старшій сынъ взялъ денегъ, средній

пашни, но оба отказались бхать за цѣлебной землей. А младшій сынъ сказалъ отцу: «Дай мнѣ, батюшка, твою лошадь, я достану тебѣ земли, которая возвращаетъ зрѣніе». Отецъ обнялъ сына, подарилъ ему свою лошадь, далъ денегъ на дорогу и отпустилъ сына. Царевичъ простился съ отцемъ и съ братьями и уѣхалъ.

ѣздила онъ, єздила, но никакъ не могъ найти цѣлебной земли. Наконецъ, черезъ два года послѣ отѣзда изъ отцовскаго дома, онъ подѣхалъ къ одной курганчѣ (хуторѣ), гдѣ его встрѣтили старикъ и старуха. Царевичъ остановился у нихъ, поужиналъ и легъ спать. На другой день старуха спрашиваетъ царевича, кто онъ, куда и зачѣмъ єздилъ. Царевичъ рассказалъ ей про свое горе. «Я, говорить, сынъ одного царя. Мой отецъ ослѣпъ и послалъ меня искать такой земли, которая можетъ возвратить ему зрѣніе». — Царевичъ просилъ старуху научить его, какъ достать такой земли. Старуха отвѣтила ему, что нужной ему земли достать можно, но только это сдѣлать не легко. «Купи, говоритъ она, другую лошадь, зарѣжь ее, мясо разбросай по полю, а въ шкуру лошади залѣзъ самъ и сиди смиро въ ея шкурѣ. Слетятся птицы на падаль, прилетитъ и орель. Орель будетъ теребить шкуру и, наконецъ, утащить ее вмѣстѣ съ тобой на одну высокую гору. Тамъ ты проживешь два года. Затѣмъ орель снесетъ тебя съ горы и положитъ на берегу широкой и глубокой рѣки. Здѣсь ты дождись, пока не прибѣгутъ красивыя длиннохвостыя лошади. Тогда ты схвати одну изъ нихъ за хвостъ, и она примчитъ тебя туда, гдѣ ты найдешь нужной тебѣ земли.

Царевичъ купилъ лошадь, зарѣзalъ ее и выпотрошилъ, потомъ залѣзъ въ лошадиную шкуру и оставался въ полѣ. Все случилось, какъ сказала старуха. Скоро на падаль слетѣлись цицицы и между ними орель. Онъ потеребилъ шкуру, а потомъ отнесъ ее на высокую гору, въ свое гнѣздо вмѣстѣ съ царевичемъ. Царевичъ прожилъ два года у орла, кормилъ маленькихъ птенцовъ его и ухаживалъ за ними. Черезъ два года орель перенесъ царевича на берегъ большой рѣки и оставилъ тамъ. Вскорѣ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ царевичъ, примчались красивыя бѣлыя лошади. Царевичъ схватилъ одну изъ нихъ за хвостъ, и та быстро поплыла черезъ рѣку. На срединѣ рѣки проглотила царевича огромная рыба. Въ животѣ этой рыбы царевичъ нашелъ прекрасную дѣвицу и спросилъ, какъ она попала въ животъ рыбы. Дѣвица рассказала ему свою исторію. Она была дочь одного царя. Ее похитилъ страшный великанъ (дивъ) и бросилъ въ эту рѣку, гдѣ ее проглотила рыба. Въ отвѣтъ на это царевичъ повѣдалъ дѣвицѣ свое горе и просилъ ее

поговѣтовать, какъ ему достать цѣлебной земли. Царевна отвѣтила ему, что если онъ полюбитъ ее, то она дастъ ему нужной земли. Царевичу понравилась дѣвица, и онъ полюбилъ ее. У царевны была припрятана въ карманѣ цѣлебная земля, которую она тайно взяла въ жилище дива. Теперь она передала землю царевичу и вмѣстѣ съ царевичемъ освободилась изъ живота проглотившей ихъ рыбы.

Все это происходило быстро. Лошадь ихъ дожидалась. Царевичъ бережно держалъ одной рукой царевну, а другой ухватился за хвостъ лошади и вышелъ такъ на берегъ. Отиравившись далѣе, царевичъ по дорогѣ зашелъ опять къ знакомой старухѣ, поблагодарилъ ее за совѣтъ и подарилъ ей 500 тиллей (2000 рублей). Потомъ онъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ красавицей-царевной благополучно достигъ своего дома.

Пріѣхавъ домой, царевичъ подалъ отцу цѣлебную землю. Отецъ взялъ землю въ полу халата, потеръ ею глаза и прозрѣлъ. Тогда онъ обнялъ своего сына, поцѣловалъ его и сказалъ, что у него есть одинъ только сынъ, а отъ остальныхъ двухъ онъ отказывается, такъ какъ они не захотѣли достать ему нужной земли. Царевичъ рассказалъ своему отцу все произшедшее съ нимъ и то, какъ выручила его красавица-дѣвица, и просилъ разрѣшенія жениться на ней. Отецъ согласился и сталъ приготовляться къ свадебному пиру. Къ свадебному пиру царь приказалъ зарѣзать барановъ, заготовить кумысу, сварить палау, шурпы, купить винограда, яблокъ, дынь, арбузовъ, урюку, персиковъ, орѣховъ; накупилъ царь также халатовъ, рубашекъ и платковъ для подарковъ гостямъ.

Послѣ свадьбы царевичъ началъ царствовать, а отецъ его удалился на покой. Молодой царь сталъ разыскивать старшихъ своихъ братьевъ и узналъ, что они живутъ въ страшной бѣдности, такъ какъ все деньги и пашни, данные имъ отцемъ, они прожили въ два года. Когда нашли братьевъ царя, царь велѣлъ слугамъ вымыть братьевъ въ банѣ, одѣть ихъ въ лучшіе халаты и поселить во дворцѣ.

Но братья смотрѣли съ завистью на высокое положеніе младшаго брата и рѣшились погубить его. Они подговорили его сдѣлать пиръ и затѣмъ, во время пира, позвали его купаться. На берегу рѣки они убили его, бросили трупъ его въ воду и возвратились къ отцу своему. Отецъ спросилъ ихъ, где молодой царь. Тѣ отвѣчали, что не знаютъ, но отецъ догадался о злодѣйствѣ и приказалъ отрубить имъ головы.

Вотъ идеть старый царь къ женѣ младшаго своего сына и разсказываетъ ей, какъ злые братья убили ея мужа. Царица горько

заплакала, такъ что слезы ручьями потекли во всѣ стороны по землѣ. Потомъ она ударилась объ земль, обратилась въ голубя и полетѣла искать трупъ своего милаго мужа. Пролетая надъ рѣкой, она увидѣла, что трупъ ея мужа несется по волнамъ. Царица опускается на трупъ, обращается опять въ женщину и выносить трупъ на берегъ. Затѣмъ она обратилась къ Богу съ горячей молитвой и молилась такъ три дня. На четвертый день она спрыснула трупъ живой водой, дунула на него, и передъ нею всталъ ея мужъ живымъ и невредимымъ. Потомъ царица оживила и братьевъ мужа. Молодой царь простила ихъ, выпросилъ для нихъ прощеніе и у отца, и всѣ они зажили счастливо и мирно въ одномъ дворцѣ.

(Сказка записана въ Ташкентѣ, со словъ сарта-мастера Махмуда-ходжи Насыръ-ходжина, ученикомъ VIII класса Ташкентской гимназіи А. Воробьевымъ).

XVI.

Царевичъ Шаадотъ.

Въ старину жилъ царь Санаваръ, управлявшій многочисленнымъ и богатымъ народомъ. Царь Санаваръ быль чоловѣкъ добродѣтельный и мудро управлялъ своимъ царствомъ, за что пользовался уваженіемъ народа. Но у него было свое большое горе: онъ не имѣлъ сына и наслѣдника. Это его сильно огорчало, и онъ постоянно молился Богу, прося Его даровать ему сына. Аллахъ услышалъ, наконецъ, молитвы благочестиваго царя, и у него, уже на старости, родился сынъ. Назвали его Шаадотомъ. По обычаяу того времени, царь въ день обрѣзанія сына созвалъ астрологовъ (мунаджимъ), чтобы узнать судьбу своего маленькаго сына, и всѣ они единодушно заявили, что новорожденный будеть счастливѣйшимъ изъ людей.

Мальчикъ подросъ, занимался усердно въ школѣ и быль единственнымъ утѣшениемъ своего отца-старика. Когда царевичу исполнилось 20 лѣтъ, онъ выбралъ удобное время и обратился къ отцу съ слѣдующей просьбой: «Батюшка! теперь я уже достаточно имѣю силы

и опытности, чтобы быть самостоятельнымъ человѣкомъ и достать себѣ царство. Дайте мнѣ войско и отпустите меня».

Не по-сердцу была такая рѣчь старику-отцу, и онъ отвѣтилъ сыну: «Не хотѣлось бы мнѣ разставаться съ тобой, сыпъ; но я не желаю насилино удерживать тебя. Я полагаюсь на тебя; только помни одно завѣщаніе: во всякомъ дѣлѣ обращайся къ Богу прежде всего. Не забудешь это,—будешь счастливъ». — Глубоко запали въ душу царевича слова отца-старика. Санаваръ далъ сыну въ распоряженіе нѣсколько тысячъ солдатъ, даъ много денегъ и отпустилъ его.

Царевичъ отправился въ путь. На дорогѣ имъ встрѣтился левъ. Царевичъ приказалъ поймать его живымъ. Но сколько солдаты ни старались, не могли исполнить приказаніе царевича. Тогда царевичъ приказалъ всѣмъ возвратиться на свои мѣста, а самъ одинъ погнался за львомъ и одной рукой схватилъ его за спину и остановилъ.—Поймавъ льва, царевичъ приказалъ отправить его къ отцу. Царь, увидѣвъ живого льва, пойманнаго сыномъ, подумалъ, что сынъ помнить его заповѣдь и что онъ будетъ счастливымъ человѣкомъ. И народъ также съ интересомъ ожидалъ, что выйдетъ изъ царевича.

Въ другой разъ, проходя по долинѣ, царевичъ съ войскомъ увидѣлъ оленя. И на этотъ разъ войско не могло изловить оленя: олень, когда его окружали, перепрыгивалъ черезъ людей и убѣгалъ. Опять царевичъ погнался самъ за оленемъ, а войску приказалъ дожидаться его возвращенія на мѣстѣ. Много долинъ, горъ и рѣкъ пробѣжалъ царевичъ въ погонѣ за оленемъ и достигъ паконецъ до дремучаго лѣса. Въ лѣсу былъ огороженный садъ. Олень вѣрхомъ въ ворота сада и скрылся за воротами, а ворота тотчасъ затворились. Царевичъ началъ стучать въ ворота. Выходитъ стариkъ, хозяинъ сада, и спрашиваетъ: «Кто ты и зачѣмъ такъ сильно бѣжалъ, что не можешь отдохнуться?»

— «Я царевичъ Шаадотъ, сынъ царя Санавара. Я гнался за оленемъ, который вѣрхомъ сюда. Если онъ вашъ, то извините меня: я этого не зналъ».

Было уже поздно, и стариkъ пригласилъ царевича отдохнуть и переночевать. Царевичъ согласился. Послѣ ужина стариkъ оставилъ его почевать въ одной изъ своихъ комнатъ. На утро, едва только солнце освѣтило комнату, царевичъ проснулся и началъ вставать; но, осмотрѣвши комнату, онъ отъ изумленія остолбенѣлъ: предъ его глазами была картина, изображавшая такую красавицу, о какой царевичъ никогда не могъ даже и мечтать. Въ это время входить въ комнату

старикъ-хозяинъ. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и просилъ царевича не распрашивать его о красавицѣ, портретъ которой онъ видѣть, говоря: «Много лѣтъ тому назадъ, какъ я въ первый разъ увидалъ эту красавицу. Съ тѣхъ поръ я почти не ъѣль, не пилъ, не спалъ, но думалъ только о ней. Дорогіе подарки я ей дѣлалъ. И за все это я получиль отъ нея только ея портретъ. Тогда я въ мученіи поселился здѣсь, отдельно отъ людей, и теперь мучаюсь и вѣроятно буду мучиться до самой смерти. Не спрашивай меня о ней. Не желаю я тебѣ зла». — Такъ сказалъ старикъ. Но царевичъ упалъ на колѣни и со слезами просилъ сказать имя красавицы и мѣсто жительства. Старикъ, наконецъ, рѣшился исполнить желаніе царевича и говорить: «Имя этой красавицы — Гуляндомъ. Она дочь царя Пахпуры-Чина. Это не человѣкъ, а ангель». Царевичъ выпросилъ у старика лошадь и сейчасъ же отправился въ путь, къ городу Чины-Мачину, столицѣ царя Пахпуры-Чина и его дочери, красавицы Гуляндомъ.

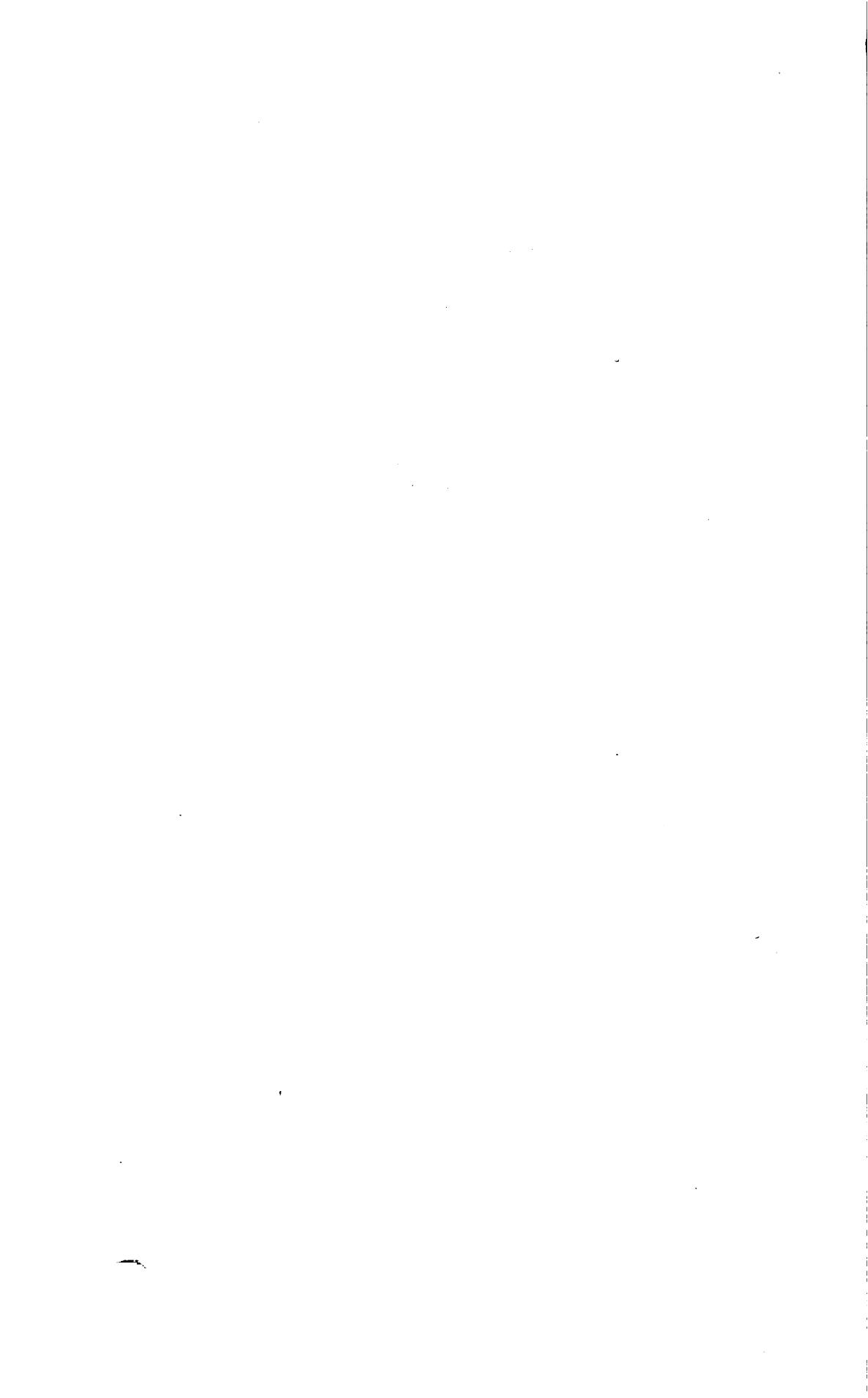
Долго ли ъѣхалъ царевичъ — неизвѣстно, но доѣхалъ онъ до одного сада и рѣшился вѣѣхать въ него. Весь этотъ садъ былъ правильно разбитъ на клумбы и засажены деревьями и цветами. Посреди сада была купальня съ чистой и свѣжей водой. Возлѣ купальни стояли серебряныя скамейки. Въ сорока шагахъ отъ купальни виднѣлся огромный домъ чудной постройки. Сначала вся эта необыкновенная обстановка смущила царевича, но потомъ онъ оправился и стала ожидать, что будетъ дальше. Онъ улегся на траву и лошадь пустилъ къ корму. Вдругъ двери дома растворяются, и выходятъ нѣсколько пяри, въ видѣ красивѣйшихъ женщинъ, и каждая изъ нихъ выпоситъ подносъ съ яствами. Не дошедши шаговъ двадцати до царевича, онъ поставили подносы на скамейки, а сами тотчасъ же скрылись. Царевичъ былъ голоденъ и сталъ съ большимъ аппетитомъ єсть принесенный кушанья. Когда онъ кончилъ єсть, то вышли опять тѣ же пяри, взяли подносы и при этомъ сказали царевичу: «Вотъ вы сюда пришли; мы васъ накормили; а теперь вамъ пора уходить отсюда: здѣсь живутъ три брата-дивы, у которыхъ теперь сильное несчастіе и потому они сердиты. Они скоро пріѣдутъ домой и, какъ увидятъ васъ, пожалуй, убьютъ васъ, а намъ жаль васъ. Послушайте же нашего совета — уѣзжайте отсюда!» — Царевичъ отвѣчалъ имъ: «Благодарю васъ за обѣдъ и за совѣтъ. Но я никого не боюсь, кромѣ Бога: съ Его помощью я не буду бояться и вашихъ хозяевъ, а когда лошадь моя отдохнетъ и набѣстя, такъ я и самъ уѣду». Получивши такой отвѣтъ, пяри удалились.

Dubs,

Захаренчинъ бранилъ Александровъ.

Изъ неср. сор. «Маджалису-ль-Чакъ»

Немного еще спустя, все пяри выбѣжали изъ дома встрѣтить своихъ хозяевъ. И дѣйствительно, царевичъ увидѣлъ трехъ духовъ, въ видѣ великановъ. Одинъ изъ нихъ на видъ былъ старше и больше другихъ. Звали его Хоср'омъ. Всѣ они приѣхали съ понуренными, печальными лицами. Но, осмотрѣвшись кругомъ, старшій великантъ замѣтилъ лежавшаго на травѣ царевича и приказалъ своему младшему брату Сайпурѣ узнать, что царевичу здѣсь нужно, и прогнать его. Младшій братъ повиновался. Онъ подошелъ къ царевичу и просилъ удалиться изъ ихъ жилища. Царевичъ же не только не хотѣлъ повиноваться диву, но даже и не всталъ. Тогда Сайпуръ приготовился силой выгнать его. Но царевичъ произнесъ имя Бога и, надѣясь на Его помощь, схватилъ великана одной рукой за ногу, стащилъ его съ лошади, связалъ и положилъ около себя. Увидя это, Хосръ послать средняго брата, Камоса. Царевичъ и его связалъ и положилъ около себя. Тогда вышелъ самъ Хосръ и спрашивается: «Какъ будемъ мы драться—верхомъ или на ногахъ? Если верхомъ, то—со стременами, или безъ нихъ?» Царевичъ отвѣчалъ: «Миѣ все равно: я надѣюсь на Бога».

Послѣ того начали они драться на лошадяхъ. Великанъ пустилъ въ царевича гирей въ сорокъ пудовъ, но царевичъ избѣгъ удара и схватилъ Хосра. Потомъ они начали бороться и боролись три дня и три ночи. Наконецъ Хосръ говорить: «Да, я вижу, что тебѣ помогаетъ Богъ. Въ борьбу со мной никто не осмѣливался вступать и никто изъ людей не входилъ къ памъ; поэтому лучше бросимъ борьться и будемъ друзьями и, какъ друзья, будемъ помогать другъ другу въ нашихъ нуждахъ». Царевичъ принялъ предложеніе великана и отпустилъ связанныхъ великановъ, а потомъ вмѣстѣ съ великанами пошелъ къ нимъ во дворецъ.

Во дворцѣ братья-великаны угождали царевича семь дней и за это время сдѣлались лучшими друзьями царевича. На седьмой день великанъ Хосръ, обращаясь къ царевичу, говорить ему: «У насъ есть подъ начальствомъ иѣсколько тысячъ духовъ, которые, по нашему приказанію, все могутъ сдѣлать; и такъ, въ память нашей дружбы, прими отъ насъ вотъ это снаidобье. Когда ты захочешь, чтобы мы съ нашими помощниками явились къ тебѣ на помощь, то сожги часть этого снаidобья и, какъ только появится дымъ, мы сейчасъ же услышимъ запахъ и явимся къ тебѣ на помощь». Царевичъ съ радостью принялъ дорогое для него снаidобье и поблагодарилиъ своихъ друзей. Послѣ этого они ширивали еще 7 дней. Подъ конецъ 7-го дня Хосръ опять говоритъ царевичу: «Ты можешь помочь намъ въ одномъ дѣлѣ.

Въ этомъ дѣлѣ наше могущество бессильно; но человѣку, котораго любить Богъ, можно это сдѣлать». Царевичъ отвѣчалъ: «Я очень радъ, друзья, что могу усугубить вамъ, какое бы то дѣло ни было; если мнѣ не придется поступать противъ совѣсти и Бога, то я помогу вамъ съ радостью. Говорите, въ чёмъ дѣло».

— «Была у насъ сестра,—рассказывалъ царевичу старшій великанъ. Она была красавица и, кромѣ того, обладала прекраснѣйшимъ голосомъ. Голосъ ея былъ таковъ, что еслибы даже мертвый соловей услышалъ ее, то и онъ ожилъ бы. Она всегда насытывала своимъ пѣнiemъ и разгоняла нашу тоску. Но у насъ укралъ ее ночью одинъ сильный дивъ. Долго мы старались отбить ее у него, но ничего не могли сдѣлать». — Царевичъ обѣщалъ еще помочь великакамъ, и они дали клятву помогать ему всѣми силами.

Вскорѣ послѣ этого царевичъ сказалъ: «Прежде я вамъ долженъ помочь, и потому мы должны отправиться къ жилищу того дива». Братья-великаны согласились и всѣ вмѣстѣ отправились. Бѣхали они три дня и, наконецъ, прѣѣхали. Дивъ жилъ подъ землей. Входъ въ его жилище сверху былъ всегда заваленъ огромными камнами и засыпанъ землей. Царевичъ, призвавъ Бога на помощь, принялъся за дѣло. Онъ съ помощью своихъ друзей скоро разрылъ землю и отвалилъ камень, а затѣмъ одинъ спустился внизъ. Долго онъ шелъ по подземнымъ ходамъ и не зналъ, куда итти. Наконецъ сталъ доноситься до него сначала неясный и тихій, а потомъ все синѣе и сильнѣе какойто шумъ. Царевичъ пошелъ на этотъ шумъ и такимъ образомъ дошелъ до помѣщенія дива. Это былъ сгромогѣйший великанъ. Онъ только что наѣлся человѣчьяго мяса, легъ спать и захрапѣлъ. Отъ его храна и разносился по подземелью шумъ, въ родѣ сильной бури. Возлѣ великана сидѣла красавица женщина и плакала. Когда она увидала царевича, то сказала ему: «Зачѣмъ вы сюда пришли? Дивъ сейчасъ можетъ проснуться и тогда сѣѣсть васъ». Царевичъ догадался, что эта красавица и есть сестра его друзей, трехъ братьевъ. Царевичъ объяснилъ красавицѣ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, и сказалъ: «Я его сейчасъ убью. Только вы скажите мнѣ, гдѣ находится его сердце». — Красавица испугалась, но всетаки указала мнѣсто, гдѣ находилось сердце дива: оно было зарыто въ углу той же комнаты, въ 9-ти ящикахъ. Въ самомъ послѣднемъ, 9-мъ ящикѣ находилась голубка, а въ голубкѣ было сердце дива. Царевичъ перебралъ ящики и вынулъ изъ 9-го ящика голубку, а затѣмъ ударомъ шашки разрубилъ дива. Когда дивъ проснулся и хотѣлъ схватить царевича, царевичъ разрубилъ голубку и сердце дива, и дивъ съ страшнымъ крикомъ грохнулся

замертво на землю. Царевичъ взялъ тогда красавицу и привелъ ее къ ея братьямъ. Послѣ этого братья-великаны еще разъ поклялись помочь царевицу въ его дѣлѣ и разстались съ нимъ.

Царевичъ поѣхалъ къ городу Чинемочину, въ которомъ жила его возлюбленная красавица. Чинемочинъ въ это время былъ уже двѣ недѣли осажденъ Язидами (?). Война вышла изъ-за того, что Гуляндомъ не хотѣла выйти замужъ за предводителя Язидовъ. Царевичъ захотѣлъ чѣмъ-нибудь отличиться, прежде чѣмъ увидѣться съ Гуляндомъ. Съ этой цѣлью онъ зажегъ пучекъ снаряда, даннаго ему братьями-дивами и, какъ только появился дымъ, дивы явились со своими подданными и, оставаясь сами невидимыми, начали вмѣстѣ съ царевичемъ избивать враговъ-Язидовъ. Въ одинъ день были истреблены всѣ эти непріятели. Между тѣмъ жители Чинемочина видѣли одного только красиваго молодого человѣка, который саблей рубилъ враговъ. Ему одному они и приписали всю побѣду. Но царевичъ не пошелъ въ городъ днемъ, а надѣлъ изорванное платье и вошелъ туда ночью, подъ видомъ нищаго. Передъ тѣмъ, какъ войти въ городъ, царевичъ просилъ Хосра написать на черепѣ одного изъ убитыхъ Язидовъ его имя и происхожденіе и выставить этотъ черепъ на городскихъ воротахъ. Хосръ исполнилъ желаніе своего друга. Утромъ жители прочитали имя своего избавителя, но не видѣли его. Это ихъ сильно печалило. Царевичъ же тѣмъ временемъ пробрался во дворецъ царевны Гуляндомъ и искалъ случая увидать ее, прежде чѣмъ открыться ей. Но случай не представлялся, и царевичъ все жилъ съ прислугой царевны, подъ видомъ простого нищаго.

Во все это время войско царевича продолжало дожидаться его на томъ мѣстѣ, откуда онъ погнался за оленемъ, и наконецъ рѣшило, что начальникъ ихъ погибъ, и возвратилось въ столицу. Отецъ царевича, узнавъ обо всемъ отъ войска, сильно запечалился о сыну и обѣщалъ большую награду тому, кто его отыщетъ. Онъ разославъ по всѣмъ городамъ развѣдчиковъ, которые распрашивали о царевичѣ. Въ числѣ этихъ развѣдчиковъ отправился и Шабранъ, человѣкъ хитрый и дѣльный, на которого больше всего надѣялся царь Санаваръ. Послѣ долгихъ поисковъ, Шабранъ попалъ наконецъ въ домъ старика, хозяина оленя, за которымъ гнался царевичъ. Вошедши къ старику, Шабранъ спросилъ его: «Не былъ ли у васъ когда-нибудь красивый молодой человѣкъ?» Старикъ рассказалъ Шабрану, что былъ у него молодой человѣкъ, который гнался за его оленемъ, и припомнилъ его примѣты. Шабранъ призналъ въ немъ царевича и спросилъ: «Куда и зачѣмъ онъ отправился отсюда?» Старикъ раз-

сказалъ, что зналъ. Тогда Шабранъ отправился за царевичемъ къ великанамъ, а отъ нихъ узналъ, что царевичъ ушелъ въ городъ Чинемочинъ. Когда Шабранъ пришелъ въ Чинемочинъ, то явился къ царю Пахпурь-чину и рассказалъ ему о цѣли своего пріѣзда, а когда вышелъ изъ дворца, то увидѣлъ нищаго, въ которомъ замѣтилъ сходство съ царевичемъ. Приглядѣвшись къ нищему, Шабранъ окончательно призналъ въ немъ царевича. Поэтому онъ сейчасъ-же вернулся къ царю Пахпурь-чину, рассказалъ ему о своемъ подозрѣніи и взялъ царскія одежды. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и царь со своими придворными. Шабранъ объявилъ публично, что этотъ нищий и есть царевичъ Шаадотъ, спасшій городъ отъ погибели. Въ это время Язиды снова подступили къ городу и еще въ большемъ числѣ. Царевичъ обѣщалъ царю и народу, что опять одинъ прогонить непріятелей, и открыто выѣхалъ на поле сраженія. Выѣхавъ за городскія ворота, онъ сжегъ кусочекъ даннаго ему великанами снаряженія, и опять явились къ нему дивы и стали вмѣстѣ съ нимъ побивать непріятелей, а жители опять видѣли только одного царевича и прославляли его. Цѣлые сутки дралисѧ царевичъ, и къ утру всѣ враги были избиты, или прогнашы. Между тѣмъ Шабранъ, по желанію царя и царевны, рассказалъ имъ исторію царевича. «Однажды, говорилъ онъ, царевичъ погнался за оленемъ, принадлежащимъ старику Шамосу, и всѣдѣ за оленемъ прискакалъ въ домъ этого старика. У старика въ домѣ былъ вашъ, царевна, портретъ. Когда Шаадотъ увидалъ этотъ портретъ, то бытъ пораженъ вашей красотой и сталъ просить старика сказать, кто изображенъ на этомъ портретѣ. Старикъ сказалъ, чей бытъ портретъ, и вотъ царевичъ прибыль сюда. Въ это время городъ вашъ бытъ въ осадѣ; начальникъ Язидовъ бытъ соперникомъ царевича. Царевичъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, а далѣе вамъ все известно. Согласны ли вы выйти замужъ за царевича Шаадота, сына царя Санавара?»—Царевна Гуляндомъ отвѣтила: «Я очень рада имѣть такого мужа».

Когда царевичъ возвращался въ городъ съ поля битвы, его встрѣчали весь народъ и царь съ дочерью. Скоро потомъ у царевича была свадьба съ Гуляндомъ. Свадьбу проводили несколько недѣль.

Послѣ свадьбы царевичъ съ молодою женой возвратился къ своимъ родителямъ.

(Эта сказка записана ученикомъ VII класса Ташкентской гимназіи Н. Осокиннымъ, со словъ Ташкентского сарта).

XV.

**Три царевича. Волшебные действия младшего
царевича.**

Въ одномъ большомъ городѣ жилъ-былъ царь. У царя было три взрослыхъ сына.—Однажды отправились они на охоту и, выѣхавъ изъ города, добрались до мѣста, отъ которого дорога расходилась на три разныя стороны. Здѣсь братья порѣшили не возвращаться къ отцу, а итти дальше и погулять по свѣту. Старшій братъ пошелъ по правой дорогѣ, средній братъ—по средней, а младшій братъ—по лѣвой.

Долго шелъ старшій братъ, много видѣлъ разныя городовъ, но ни одна изъ видѣнныхъ имъ странъ не понравилась ему: въ нѣкоторыхъ странахъ былъ царь жестокій, въ другихъ—подданные дурные. Наконецъ пришелъ онъ въ одинъ городъ, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и увидѣлъ, что городъ этотъ не похожъ на видѣнныя имъ прежде города. Царь здѣсь былъ добрый, справедливый, и подданные были люди работящіе, а потому и жили всеѣ богато и счастливо. Путешественникъ отправился къ царю и заявилъ ему, что желаетъ служить у такого справедливаго царя. При этомъ онъ сказалъ царю, кто онъ самъ и откуда пришелъ. Царь города былъ бездѣтный, взять къ себѣ на службу молодого пришельца и полюбилъ его. Черезъ годъ царь назначилъ иностранца-пришельца своимъ наследникомъ, а еще черезъ годъ царь умеръ. и молодой царевичъ, пришедший изъ другой страны, сѣдался царемъ въ этомъ городѣ. Подданные его полюбили.

Средній братъ, отправившійся по средней дорогѣ, былъ также во многихъ царствахъ и городахъ, но ни одно изъ видѣнныхъ имъ мѣсть не понравилось ему. Наконецъ онъ пришелъ въ тотъ городъ, где царствовалъ его старшій братъ и, узнавъ въ царѣ брата, попросился къ нему на службу. Царь-брать назначилъ его своимъ главнымъ визиремъ. Вспомнили они о младшемъ братѣ и порѣшили найти его. Однако, несмотря на все старанія, царь и визирь никакихъ извѣстій получить не могли о младшемъ своемъ братѣ.

Долго шелъ младшій братъ по лѣвой дорогѣ и наконецъ увидѣлъ впереди себя трехъ ссорившихся между собой чертей. «О чемъ вы ссоритесь?» спросилъ онъ ихъ. Черти отвѣчали: «Вотъ отъ пророка Судеймана (Соломонъ) остались намъ четыре

вещи: коверъ, палка, чашка и скатерть; теперь мы и не знаемъ, какъ намъ раздѣлить ихъ поровну: одинъ желаетъ взять коверъ, и другіе два тоже коверъ просятъ. Будь добръ—научи, какъ всѣ вещи подѣлить намъ поровну». — Что же въ этихъ вещахъ удивительного, что вы такъ сгорячайтесь изъ-за нихъ? опять спросилъ царевичъ. Черти отвѣчали: «Если взять эту палку, толкнуть ею человѣка, животное или какую-либо вещь и сказать: «По могуществу Божию, по величию пророка Сулеймана¹⁾, превратись въ то-то!» тогда этотъ человѣкъ, животное или вещь тотчасъ превратятся въ желаемый образъ; если выпить на превращенный предметъ воды изъ чашки и повторить тѣ-же слова, то превращенный предметъ снова приметъ свой прежній видъ. Если взять коверъ, разстелить его по землѣ, сѣсть на него и сказать: «По могуществу Божию, по величию пророка Сулеймана, неси насъ туда-то!», то коверъ тотчасъ поднимется и полетитъ, куда ему приказано. Если сказать скатерти: «По могуществу Божию и по величию пророка Сулеймана, раскройся!» то скатерть развернется, и на ней найдешь различныя кушанья».

Выслушавъ объясненіе чертей, младшій царевичъ сказалъ: «Не сгорячайтесь: я научу васъ, какъ подѣлить ваши вещи. Принесите мнѣ лукъ со стрѣлою. Вотъ, у меня кольцо: я привяжу его къ стрѣлѣ и пущу стрѣлу изъ лука, а вы побѣжите и найдите мнѣ кольцо. Кто первый найдетъ кольцо, тотъ возьметъ себѣ коверъ; кто добѣжитъ до стрѣлы вторымъ, тотъ возьметъ палку и чашку, а послѣдній возьметъ себѣ скатерть». — Черти согласились и принесли лукъ. Царевичъ привязалъ къ стрѣлѣ свое кольцо, пустилъ стрѣлу изъ всей силы, и черти бросились за стрѣлою. Отъ чертей остались три лошади. Царевичъ подрѣзalъ у ногъ лошадей жилы выше копыта, чтобы лошади не могли бѣжать, взялъ всѣ упомянутыя вещи, разостлали на землѣ коверъ, сѣлъ и сказалъ: «По могуществу Божию, по величию пророка Сулеймана. лети отсюда быстрѣ». Коверъ тотчасъ поднялся и полетѣлъ, куда указалъ царевичъ. Скоро возвратились черти и, не видя ни человѣка, ни вещей, догадались, что они обмануты и бросились было къ своимъ лошадямъ, чтобыѣхать въ догонку, но тутъ они увидѣли, что лошади ихъ не могутъ двигаться: у лошадей были подрѣзаны жилы.

1) Такъ называется въ Коранѣ сынъ царя Давида, премудрый Соломонъ, котораго основатель ислама признавалъ пророкомъ. Пророку Соломону, по учению Корана, были подчинены всѣ духи: они строили и работали для Соломона все, что онъ приказывалъ имъ, доставляли для него жемчугъ со дна морскаго. Такимъ образомъ, призываѣіе имени Соломона могло оказывать влияніе и на волшебство. Н. О.

Долго летѣлъ коверъ съ царевичемъ и остановился по приказанию своего новаго хозяина, въ одномъ большомъ городѣ, на берегу рѣки. Царевичъ остался здѣсь и вскорѣ увидѣлъ сѣдую старуху, которая съ большимъ кувшиномъ шла за водой. Старуха опустила кувшинъ въ рѣку, зачерпнула воды, но не могла поднять кувшинъ и сказала: «Боже мой! Боже мой! Нѣть у меня ни мужа, ни дѣтей, ни родственниковъ и никого, кто бы помогъ мнѣ носить домой воду»—«Что ты говоришь, бабушка?» спросилъ ее царевичъ. «Вотъ, добрый человѣкъ: зачерпнула я въ кувшинъ воды, а поднять-то кувшинъ силы у меня не хватаетъ. И нѣть у меня никого, кто бы помогъ мнѣ!»—«Дай, я донесу кувшинъ до твоего дома»,—сказалъ царевичъ, поднялъ кувшинъ, донесъ его до дома старухи и поставилъ у дверей. Тогда старушка спросила его: «Скажи, добрый человѣкъ: откуда ты пріѣхалъ? Я вижу, что ты иностранецъ».—Сынъ царя рассказалъ старухѣ о себѣ и добавилъ: «Теперь я буду жить съ тобой и буду помогать тебѣ, какъ сынъ твой».—И сталъ сынъ царя жить со старухой.

Однажды, выйдя на улицу изъ дома старухи, царевичъ увидѣлъ, что съ востока взошло солнце, а въ то же время на западѣ появилось другое солнце. Царевичъ удивился и спросилъ у своей названной матери: «Много я путешествовалъ, но нигдѣ не видѣлъ, чтобы солнце свѣтило съ двухъ сторонъ, а тутъ вижу. Что это значитъ?»—Старуха отвѣчала: «У насъ живеть одна пяри, самая красивая изъ всѣхъ пяри міра. Съ восходомъ солнца она начинаетъ летать на западѣ и кажется намъ вторымъ солнцемъ.—«Можно ли ее видѣть?» спросилъ царевичъ.—«Можно, отвѣчала старуха; но за это нужно заплатить 1000 тяньга». ¹⁾ У царевича были деньги, и онъ порѣшилъ заплатить 200 р., чтобы увидѣть пяри. Старуха указала ему дворецъ пяри, и молодой человѣкъ отправился туда съ деньгами. На дорогѣ ко дворцу царевичъ спряталъ чашку и скатерть, доставшіеся ему отъ чертей, а палку и коверъ взялъ съ собою.

При входѣ во дворецъ пяри, царевичъ заплатилъ 1000 монетъ и вошелъ во внутреннія комнаты. Здѣсь онъ увидѣлъ красавицу-пяри и въ пѣсняхъ, пляскахъ и играхъ провелъ съ нею цѣлую ночь. Когда настало утро, царевичъ взялъ венцы свои и вернулся къ своей названной матери-старухѣ.

Такъ царевичъ еще иѣсколько ночей веселился съ пяри и платилъ ей каждый разъ по 1000 тяньга. Наконецъ, онъ сосчиталъ

¹⁾ Тяньга—серебряная монета въ 20 к. 1000 тяньга=200 р.

свои деньги и увидѣлъ, что у него осталось всего только 1000 тяньга, т. е. столько, сколько нужно заплатить за одну веселую ночь съ пяри. Не смотря на это, царевичъ рѣшилъ истратить послѣднія деньги и, придя на слѣдующій день во дворецъ пяри, отдалъ ей послѣднія деньги, а палку и коверъ поручилъ одной изъ ея прислужницъ. Провеселившись цѣлую ночь, царевичъ на утро потребовалъ отъ прислужницы свои вещи, но та отказалась, говоря, что никакихъ вещей онъ ей не давалъ. Царевичъ не сталъ съ нею скориться и отправился къ своей названной матери и провелъ у нея день. Когда настала вечеръ, царевичъ опять пошелъ во дворецъ пяри, но здѣсь безъ денегъ его не пустили въ комнаты. Тогда онъ попросилъ вызвать къ нему пяри, и когда она вышла изъ дворца, царевичъ началъ просить ее, чтобы она приказала пустить его во дворецъ. «А деньги принесъ?» спросила его пяри. Царевичъ сконфузился и сказалъ, что денегъ у него больше нѣтъ. Тогда пяри tolknula его въ грудь и грубо сказала: «Безъ денегъ здѣсь нѣть тебѣ мѣста!»

Опечалился царевичъ и вышелъ изъ дворца. Позади дворца онъ увидѣлъ густую аллею изъ тополей и остался переночевать тамъ. Переночевавъ онъ и подумалъ: «Мѣсто тутъ хорошее и отъ красавицы-пяри недалеко», подумалъ такъ и рѣшилъ навсегда здѣсь поселиться. Тосковалъ царевичъ по красавицѣ-пяри и плакалъ и, наконецъ, лишившись разсудка, сдѣлался юродивымъ (дивана), началъ курить анашу¹⁾, жиль грязно, ходилъ по улицѣ въ изорваномъ платьѣ, обросъ волосами и отпустилъ длинные ногти.

Такъ жилъ царевичъ цѣлыхъ 9 лѣтъ, потомъ сталъ понемногу приходить въ сознаніе.

Долго ждалъ старикъ-царь возвращенія своихъ сыновей. Наконецъ, онъ призвалъ своихъ визирей и сказалъ имъ: «Разыщите мнѣ трехъ моихъ сыновей. Уже 10 лѣтъ прошло, какъ они отправились на охоту и не возвратились».

Два визира съ войскомъ въ 30 тысячъ отправились. Долго бѣхали визири, много видѣли они разныхъ городовъ, но нигдѣ не встрѣтили сыновей царя своего. Наконецъ, прїѣхали они въ большой красивый городъ и на окраинѣ его увидѣли прекрасный дворецъ, окруженный высокими тополями. Здѣсь они остановились отдохнуть. Обходя и осматривая дворецъ снаружи, визири встрѣтили тамъ молодого человѣка съ длинными волосами на головѣ, съ

1) Анаша или гашишъ—наркотическое вещество, приготавливаемое изъ индійской конопли; прибавляется къ табаку для одурѣнія курящихъ. Н. О.

большими ногтями на рукахъ, босаго, грязнаго, одѣтаго въ изорванное платье,—юродиваго. Юродивый подошелъ къ нимъ и спросилъ: кто они, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Узнавъ причину ихъ пріѣзда, юродивый рассказалъ имъ и свою жизнь за всѣ прошедшия 10 лѣтъ. Визири узнали въ этомъ юродивомъ сына своего царя, обрили ему голову, умыли, одѣли въ хорошее платье и хотѣли везти его къ отцу-царю; но молодой человѣкъ не забылъ обиды отъ пяри, не забылъ и свою палку и коверъ, присвоенные прислужницей пяри. «Дайте мнѣ 1000 тяньга, а сами поѣзжайте къ моему отцу. У меня здѣсь есть еще одно дѣло. Покончивъ его, я возвращусь домой», сказацъ царевичъ.

Визири дали царевичу 200 р. и уѣхали съ войскомъ къ царю своему. А царевичъ досталъ свою чашку и скатерь, которыя онъ спряталъ, когда въ первый разъ шелъ къ пяри, вошелъ съ этими двумя волшебными вещами во дворецъ пяри и потребовалъ, чтобы его пустили къ ней. Отдавъ деньги, полученные отъ визирей, онъ вошелъ въ комнату и здѣсь по старому въ пѣсняхъ и пляскахъ провелъ съ красавицею-пяри всю ночь. На зарѣ царевичъ сообщилъ ей, что онъ выѣзжаетъ изъ этого города и хотѣлъ бы эту послѣднюю ночь сдѣлать памятною для себя. Пяри согласилась. Тогда царевичъ предложилъ ей выпить чашку вина и остатокъ вылить ему на голову. Пяри исполнила, какъ сказалъ царевичъ. Затѣмъ онъ налилъ вина въ свою волшебную чашку, отпилъ вина, а остатокъ вылилъ на голову пяри и проговорилъ: «По могуществу Божию, по велѣнію пророка Судеймана, сдѣлайся обезьяной! Тотчасъ красавица-пяри превратилась въ маленькую обезьянку, а царевичъ укоризненно сказалъ: «Сколько я потратилъ денегъ, проводя съ тобой вечеръ въ пляскахъ и пѣсняхъ, а какъ только деньги всѣ вышли у меня, ты не согласилась пустить меня къ себѣ даже и на одинъ часъ и еще грубо толкнула меня въ грудь! Вотъ тебѣ за все это наказаніе: будь обезьянкой и всюду слѣдуй теперь за мною!»—Съ этими словами царевичъ вышелъ изъ комнаты пяри. Въ передней онъ увидѣлъ прислужницу, присвоившую себѣ волшебную палку и волшебную скатерь. Царевичъ зачерпнулъ изъ арыка въ свою чашку воды, вылилъ изъ чашки воду на голову прислужницы и сказалъ: «По могуществу Божию, по велѣнію пророка Судеймана, будь ты, какъ и хозяйка твоя, обезьянкою! Прислужница обратившись въ обезьянку, бросилась царевичу въ ноги и съ горькимъ воплемъ стала просить его: «Пожалѣй меня, добрый чеавѣкъ! Сдѣлай меня опять человѣкомъ,—я тотчасъ возвращу тебѣ твои вещи».—«Неси

ихъ сюда», сказалъ царевичъ. Прислужница-обезьяна принесла царевичу палку и скатерть. Царевичъ взялъ палку и, толкнувъ ею обезьяну, сказалъ: «По могуществу Божию, по велѣнію пророка Сулеймана, будь человѣкомъ!» Послѣ этихъ словъ, обезьяна снова превратилась въ женщину. Царевичъ оставилъ ее во дворцѣ, а самъ вышелъ на дворъ, и пяри-обезьяна вышла съ нимъ.

Выйдя изъ дворца, царевичъ разстелилъ по землѣ волшебный коверъ, положилъ на него волшебную палку, чашку и скатерть, посадилъ на коверъ пяри-обезьяну, сѣлъ самъ и сказалъ ковру: «По могуществу Божию, по велѣнію пророка Сулеймана, неси меня въ тотъ городъ, где живеть мой старшій братъ!»—Коверъ тотчасъ поднялся и полетѣлъ.

Долго летѣлъ коверъ и наконецъ опустился у воротъ одного большого города. Царевичъ сошелъ съ ковра, завернувъ въ него свои вещи и вмѣстѣ съ обезьянной-пари вошелъ въ городъ.

На каждой улицѣ этого города были поставлены столбы, а отъ нихъ пили проволоки во дворецъ царя. Удивленный этимъ путешественникъ спросилъ у горожанъ, куда ведутъ всѣ эти проволоки. Ему отвѣчали: «Ты, должно быть, иностранецъ, если не знаешь, зачѣмъ протянуты эти проволоки. Царь нашъ такъ справедливъ, что принимаетъ жалобы не только отъ людей, но и отъ животныхъ, если ихъ обидить человѣкъ: кто изъ животныхъ пожелаетъ жаловаться царю, то спиною свою толкаетъ проволоку, и тотчасъ во дворцѣ звонить колокольчикъ, привязанный къ концу каждой изъ проволокъ».

Услышавъ это, пяри-обезьяна подѣжала къ проволокѣ и толкнула ее своей спиной. Тотчасъ появились воины, взяли царевича съ его вещами и обезьянной, привели ихъ во дворецъ и представили царю.

— «Зачѣмъ ты звонила? спросилъ царь обезьяну.

-- «Была я красавица-пари и жила въ такомъ-то городѣ, но вотъ этотъ жестокій человѣкъ превратилъ меня въ обезьяну и велѣлъ мнѣ вездѣ слѣдовать за собою».

Тогда царь сказалъ царевичу: «Покажи мнѣ, какъ ты превратилъ пяри въ обезьяну и потомъ рассказалъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» Царевичъ взялъ свою волшебную палку, толкнулъ ею обезьяну и прошепталъ извѣстное заклинаніе,—и обезьяна превратилась въ красавицу-пари. Тотчасъ во дворцѣ, въ городѣ и въ окрестности сдѣлалось такъ свѣтло, какъ будто бы свѣтили два солнца.

Но царевичъ взялъ свою чашку, велѣлъ принести себѣ воды и вылилъ воду на голову пяри съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ,—и красавица снова превратилась въ обезьяну.

Послѣ того царевичъ рассказалъ царю всю свою жизнь, начиная съ того, какъ онъ съ братьями отправился на охоту, какъ встрѣтилъ на дорогѣ чертей и завладѣлъ ихъ волшебными вещами, какъ встрѣтился потомъ съ пяри, сколько потратилъ на нее денегъ и какъ она выгнала его и толкнула, когда онъ пришелъ къ ней безъ денегъ... Далѣе царевичъ рассказалъ, какъ онъ сдѣлался юродивымъ (диваной) и жилъ около дворца пяри, какъ нашли его визири, посланные отцомъ его и какъ онъ наказалъ коварную пяри... «А теперь, закончилъ царевичъ, я ищу своего старшаго брата, чтобы съ нимъ вмѣстѣ отыскать средняго брата и возвратиться потомъ къ старику-отцу».

Царь съ сердечнымъ трепетомъ дослушалъ до конца рѣчь царевича, прослезился, обнялъ его и сказалъ, что онъ—брать его. При этомъ онъ рассказалъ царевичу о собственныхъ приключеніяхъ и приказалъ позвать своего брата-визиря. Долго всѣ три брата радовались неожиданной встречѣ и порѣшили построить въ память своего свиданія большое зданіе для школы (мадраса) и обеспечить ея содержаніе вакуфомъ (капиталомъ и землями). Коварную же пяри за оскорблѣніе младшаго брата они рѣшили обратить въ осла и сорокъ лѣтъ на немъ возить кирпичи на постройку мадрасы, а потомъ выгнать изъ города и оставить въ ослиномъ образѣ до конца міра, чтобы пяри не могла болѣе завлекать своими ласками другихъ молодыхъ людей.

Затѣмъ царь (т. е. старшій братъ) уступилъ свое мѣсто второму своему визирю, а самъ съ обоими братьями отлетѣлъ на волшебномъ коврѣ къ своему отцу-старику.

Старикъ-царь отъ радости, по случаю возвращенія пропавшихъ трехъ сыновей своихъ, сдѣлалъ пиръ на весь міръ.

Народъ веселился, пилъ иѣль у царя цѣлыхъ 30 дней—одинъ мѣсяцъ.

(Эта сказка записана, со словъ кокандского сарта, В. Ф. Васильевыма).

XVI.

Злая мачеха и коварные жены царя.

Въ одномъ небольшомъ городѣ жилъ старикъ со старухою. У нихъ было пять дочерей и одинъ сынъ. Старшая дочь была красавица, какихъ на свѣтѣ бываетъ очень мало. Отецъ и мать любили своихъ дѣтей. Но вотъ однажды мать заболѣла и умерла. Долго старикъ оплакивалъ смерть жены и, наконецъ, порѣшилъ ради дѣтей жениться. Однако онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: вторая его жена была очень дурная женщина, не любила своихъ падчерицъ и пасынка, била ихъ, давала имъ только половину того количества пищи, что самъ старикъ назначалъ имъ, а значительную часть пищи оставляла для себя. Добродушный старикъ не зналъ этого и не догадывался, а дѣти боялись жаловаться на мачеху.

Однажды мачеха уложила дѣтей пораньше спать, а сама достала меду и стала угождать своего мужа. Она говорила при этомъ: «Дѣти уже наѣлись и больше не хотятъ». Старикъ повѣрилъ женѣ, наѣлся самъ досыта меду и легъ спать. Тогда мачеха накрыла остатокъ меда въ котлѣ и думала, что на зарѣ доѣсть его сама. Но въ этотъ разъ старшая падчерица долго не могла заснуть и видѣла, какъ мачеха кормила медомъ ихъ отца и какъ остатокъ накрыла въ котлѣ. Задумала дѣвушка покормить медомъ своихъ сестеръ и брата. Она встала и, убѣдившись, что отецъ и мачеха спятъ, разбудила остальныхъ дѣтей, и вѣтъ вмѣстѣ поѣли остатокъ меда, а котелъ опять накрыли. Утромъ мачеха встала и, открывъ котелъ, увидѣла, что онъ пустой. Догадалась старуха, что медъ сѣли падчерицы и пасынокъ, разсердились на нихъ и съ этого времени начала пуще прежняго наговаривать на нихъ своему мужу.

Долго старикъ не вѣрилъ женѣ, но наконецъ согласился съ ней и порѣшилъ избавиться отъ дѣтей. Настало лѣто, стали поспѣвать тутовые ягоды. И вотъ старикъ запрягъ лошадь въ арбу, взялъ копотушку, съ которой ночью караульщики ходятъ по улицамъ, и сказалъ дѣтямъ: «Поѣдемте, дѣтки, со мною въ поле собирать тутовые ягоды». Дѣти обрадовались и поѣхали съ отцомъ-старикомъ за тутовыми ягодами.

Долго ѻхалъ старикъ и далеко завезъ дѣтей своихъ. Настала ночь, и онъ остановился въ полѣ на ночлегъ, гдѣ задумалъ бросить своихъ дѣтей. Переночевавъ, старикъ подвѣль дѣтей къ старому, вы-

сокому туту, стоявшему среди поля, и сказалъ дѣтамъ: «Слушайте дѣти: я залѣзу на дерево и буду ударять по сучьямъ колотушкой, а вы собираите падающія ягоды, но только на дерево не смотрите, потому что кто взглянетъ на дерево, на того тотчасъ упадетъ вѣтка и убьетъ смѣльчака». Дѣти сказали: «Слушаемъ, батюшка: не будемъ глядѣть на дерево; полѣзай скорѣе». Залѣзъ стариkъ на дерево и ударили колотушкой по стволу. Дѣти наклонились и стали собирать упавшія ягоды; стариkъ же тѣмъ временемъ привязалъ къ вѣткѣ колотушку и раскачалъ ее, а самъ слѣзъ съ дерева и, добѣжавъ до арбы, уѣхалъ отъ дѣтей своихъ домой.

Колотушка продолжала качаться и ударять по вѣтвямъ тута; ягоды падали на землю, а дѣти старика поднимали ихъ и лакомились. Наконецъ, самая младшая дѣвочка не утерпѣла,—подняла голову, взглянула па дерево и сказала: «Сестрица, сестрица! На деревѣ иѣть отца!» На это старшая сестра отвѣчала ей: «Молчи и не гляди, глупенькая, а не то,—убьетъ тебя вѣтка». Не терпится маленькой дѣвочкѣ: не долго собирала она ягоды, молча. Не утерпѣла она, взглянула на дерево и опять сказала старшей сестрѣ: «Сестра, а сестра! на деревѣ иѣть отца!»—«Молчи и не гляди на дерево, а не то,—убьетъ тебя вѣтка», уговаривала ее старшая сестра.

Но младшая сестренка опять не удержалась,—въ третій разъ взглянула на дерево и, не видя отца, поднялась и громко уже и съ беспокойствомъ сказала: «Сестра, а сестра! На деревѣ иѣть отца!» Тогда задумалась и старшая сестра. Подняла она голову и взглянула на дерево,—отца на деревѣ на самомъ дѣлѣ не было. Обезпокоились все дѣти, смотрѣли кругомъ и нигдѣ не видѣли ни отца, ни арбы съ лошадью. Долго ждали они отца и, наконецъ, порѣшили отыскывать дорогу обратно домой. Но мѣсто, куда завезъ ихъ отецъ, было такое глухое, что выбраться имъ на дорогу было невозможно. Подумали, погорѣвали брошенными дѣти и пошли на-угадъ, на восходъ солнца.

Долго шли несчастныя дѣтки, устали и сильно захотѣли пить. Вдругъ младшая дѣвочка увидѣла въ ямкѣ подъ деревомъ немнога воды и сказала: «Сестрица, а сестрица! Выпью я этой водицы»?

— «Не пей, сестра; какъ бы бѣды не было: вода нечистая», отвѣчала старшая сестра.

Сестренка не послушалась, выпила воды и тотчасъ превратилась въ обезьянку, вспрыгнула на дерево и осталась тамъ.

Поплакали остальные дѣти по несчастной сестрѣ и отправились дальше.

Опять долго шли дѣти, устали и захотѣли пить. Увидѣла младшая изъ оставшихся сестеръ въ ямкѣ немного воды и сказала: «Сестрица, сестрица! Выпью я этой водицы»?

— «Не пей, сестра; какъ бы бѣды не было: вода нечистая», отвѣтчила старшая сестра.—Сестренка не послушалась, выпила воды и тотчасъ, превратившись въ волка, бросилась въ сторону отъ сестры и брата и убѣжала далеко въ поле.

Пошли дѣти и надъ этой сестрой и отправились дальше.

Долго шли они, пока не встрѣтили ямку съ водою, изъ которой напилась третья сестра и превратилась въ лису. Затѣмъ напилась четвертая сестра и превратилась въ тигра.

Поплакавъ надъ несчастными сестрами, старшая сестра-красавица отправилась съ маленьkimъ братомъ вдвоемъ дальше.

Долго шли они, устали, и мальчику захотѣлось пить. Увидѣль онъ въ ямкѣ немного воды и сказалъ:

«Сестрица, сестрица! Выпью я этой водицы»?

— «Не пей, не пей, братецъ; не то,—сдѣлаешься животнымъ, какъ твои сестры».

— «Милая сестрица! я устала и сильно хочу пить. Я выпью и, если сдѣлаюсь животнымъ, не брошу тебя, а пойду за тобою»!

Отъ грусти ничего не отвѣтила ему сестра. Мальчикъ выпилъ и тотчасъ превратился въ дикую козу и побѣжалъ за любимой сестрой.

Долго плакала красавица-сестра и, видя, что слезами дѣла не поправить, отправилась съ братомъ-козой дальше.

Много видѣла красавица на пути ямокъ съ водою, но какъ ни хотѣла пить, воды этой не пила. Но вотъ, однажды къ вечеру, увидѣла она впереди себя большую рѣку. Добѣжала она до рѣки, напилась и осталась на берегу переночевать вмѣстѣ съ дикою козою (брatomъ своимъ) и заснула.

Недалеко отъ этой рѣки былъ большой городъ. Царь этого города любилъ охоту. Рано утромъ царь выѣхалъ со своею свитою на соколиную охоту и, увидя у рѣки стадо гусей, выпустилъ сокола. Какъ стрѣла, пустился соколь на гусей; но вдругъ, покружившись въ воздухѣ, опустился на землю въ томъ мѣстѣ, где спала дѣвушка-красавица съ дикою козою. Дѣвушка проснулась отъ шума крыльевъ сокола и спугнула его. Поднялся соколь, покружился надъ рѣкой и снова опустился передъ дѣвушкой.

Царь удивился, что такъ кружится его любимый соколь, и тотчасъ приказалъ прислужникамъ узнать, что случилось. Прислуж-

ники увидѣли на берегу красавицу и поспѣшили донести царю. Царь пожелалъ самъ увидѣть красавицу и тотчасъ ударилъ коня и поскакалъ къ указанному мѣсту. Дѣвушка удивилась, когда всадникъ-царь остановился передъ нею. Онъ ласково спросилъ ее, кто она, откуда и зачѣмъ пришла на берегъ рѣки.

Дѣвушка разсказала о себѣ, о несчастныхъ сестрахъ и братѣ все памъ извѣстное. Выслушавъ ея разсказъ, царь приказалъ привезти и ея брата, дикую козу, въ свою столицу и оставить ихъ на жительство во дворцѣ...

Не прошло и одного мѣсяца, какъ царь рѣшилъ взять красавицу себѣ въ жены.—У царя было уже въ гаремѣ 39-ть женъ. Взявъ 40-ую жену, онъ сдѣлалъ ее главною женою и приказалъ ей выдавать остальнымъ женамъ своимъ пищу, одежду и разныя женскія украшения.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того новая молодая жена царя почувствовала себя беременною, и царь обрадовался, ибо онъ былъ бездѣтенъ и желалъ имѣть сына-наслѣдника.

Междудѣйствіе прежнія жены царя начали завидовать возвышенію своей соперницы и однажды, собравшись вмѣстѣ, стали совѣтоваться, какъ-бы имъ избавиться отъ царской жены-красавицы.

«Чѣмъ она лучше насъ? А царь сдѣлалъ ее главною надъ нами! Надо избавиться отъ нея»... говорила одна жена.

— «Выдавая намъ пищу, одежду и другія украшения, она оставляетъ себѣ самое лучшее»... говорила другая.

А какъ родится у нея сынъ, то царь поставить ее еще выше надъ нами»... говорила третья жена царя.

Долго такъ раздумывали 39 женъ царя и, наконецъ, одна изъ нихъ—похитрѣе—сказала: «Вотъ что мнѣ пришло въ голову: надо найти другую женщину, лицомъ похожую на нашу красавицу, а эту столкнемъ въ воду и утопимъ. Новая жена царя будетъ насть бояться, и мы будемъ дѣлать во дворцѣ, что пожелаемъ сами, никого не спрашивая».—Совѣтъ этотъ понравился всѣмъ женамъ царя, и онъ, не торопясь, начали искать женщину, лицомъ похожую на красавицу, главную жену царя. Черезъ пѣсколько недѣль новая женщина была найдена, а вскорѣ затѣмъ царь задумалъѣхать на дальнюю соколиную охоту, на цѣлый мѣсяцъ пути отъ столицы. Этимъ временемъ коварные жены царя и рѣшили воспользоваться, чтобы избавиться отъ своей соперницы.

Какъ только уѣхалъ царь на охоту, хитрѣйшая изъ его женъ вошла въ комнату главной жены царя и пригласила ее итти ку-

пяться. Красавица согласилась и, взявъ съ собою нѣсколько подругъ, отправились къ пруду. Выбрать самое глубокое мѣсто въ прудѣ, около крутого берега, хитрая подруга пригласила туда красавицу-сестерницу мыть голову. Красавица пошла и тамъ сначала намазала голову кислымъ молокомъ, а потомъ наклонилась надъ водою, чтобы смывать молоко. Въ это время коварная подруга толкнула красавицу въ воду. Та упала и скрылась подъ водой. Но по могуществу Божию, на днѣ пруда тотчасъ появился серебряный домикъ, куда нѣсколько пяри внесли утонувшую красавицу, привели ее въ чувство и стали ей прислуживать. Между тѣмъ коза (брать красавицы) увидѣла, что сестра утонула, стала бѣгать вокругъ пруда и жалобно кричать...

Черезъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца по выѣздѣ изъ столицы, царь возвратился съ охоты и встрѣченный разодѣтой красавицей, минимо жею, не замѣтилъ обмана своихъ женъ. Такъ прошло еще нѣсколько мѣсяцівъ. Царь жилъ съ женою-обманщицею и не замѣталъ обмана, а прочія жены царя дѣмали у себя, что хотѣли.

Однажды царь случайно увидѣлъ, что дикая коза бѣгаєтъ вокругъ пруда и, услышавъ жалобный крикъ козы, спросилъ у обманщицы-жены, не знаетъ ли она, что это значитъ. Обманщица, наученная своими коварными подругами, отвѣчала царю-мужу, что коза зажирила и бѣгаєтъ вокругъ пруда, чтобы не умереть отъ жира. Черезъ нѣсколько дней наученная обманщица начала просить царя, чтобы онъ приказалъ зарѣзать дикову козу и приготовить изъ ея мяса жаркое. Царь помнилъ, что его жена-красавица беременна и потому подумалъ, что отъ беременности у нея явилось такое желаніе и приказалъ зарѣзать козу. Пришелъ мясникъ, принесъ съ собой веревку, чтобы связать козѣ ноги, и сѣлъ на берегу пруда точить свой длинный ножъ. —Увидѣла дикая коза, что пришла смерть ея, прибѣжала къ пруду, взглянула на дно его и жалобно заговорила человѣческимъ голосомъ: «Сестрица, сестрица милая! Велѣлъ царь зарѣзать меня; мясникъ пришелъ вязать меня и точить ужъ свой острый ножъ, чтобы рѣзать меня. Научи, какъ мнѣ избавиться отъ смерти».

А въ это время жена царя, стоявшая въ прудѣ, жила въ серебряномъ домикѣ, родила тамъ двухъ сыновей и назвала одного Хасаномъ, а другаго Хусаиномъ¹). Пяри принесли двѣ золотыя ляльки и въ нихъ положили новорожденныхъ дѣтей.—Услышала красавица вопль брата и отвѣтила: «Братецъ, братецъ мой милый! Сижу я въ

¹⁾ Эти два имени — самые популярные въ Персии, потому что таинъ звали сыновей Азія. Н. О.

ребряномъ домикѣ, качаю я двѣ золотыя люльки: въ правой лежить Хасанъ, въ лѣвой—Хусайнъ: не могу я дѣтокъ бросить и выйти помочь тебѣ».

До царя долетѣли эти звуки. Онь вышелъ изъ дворца и сталъ прислушиваться, а дикая коза опять заговорила: «Сестрица, сестрица милая! Велѣлъ царь зарѣзать меня; мясникъ пришелъ вязать меня и точить ужъ свой острый ножъ, чтобы рѣзать меня. Научи, какъ мнѣ избавиться отъ смерти». А сестра изъ пруда отвѣчала: «Братецъ, братецъ милый! Сижу я въ серебряномъ домикѣ, качаю я двѣ золотыя люльки: въ правой лежить Хасанъ, а въ лѣвой—Хусайнъ: не могу я дѣтокъ бросить и выйти помочь тебѣ».

Догадался царь, что въ прудѣ какая-то бѣда случилась, призвалъ тотчасъ 10,000 рабочихъ и приказалъ имъ вычерпать ведрами всю воду изъ пруда. Когда прудъ вычерпали, царь увидѣлъ на днѣ пруда серебряный домикъ, бросился къ дверямъ его, отворилъ дверь и увидѣли тамъ красавицу, качающую въ двухъ золотыхъ люлькахъ двухъ сыновей своихъ—Хасана и Хусайна. Царь узналъ красавицу и спросилъ, кто и какъ удалилъ ее изъ дворца. Красавица рассказала царю-мужу, что съ нею сдѣлали коварныя жены его. Разгневался царь и приказалъ привести 40 необѣзжанныхъ еще лошадей, привязать къ хвосту каждой лошади по одной коварной женѣ и выпустить лошадей въ степь, гдѣ растетъ твердая колючка. Лошади умчались въ степь и растрепали по колючкамъ коварныхъ царскихъ женъ...

А несчастную красавицу царь взялъ во дворецъ и счастливо жилъ съ нею и двумя сыновьями.

(Эта сказка записана, со словъ ковандского сарга, В. Ф. Васильевынъ).

XVII.

Царевичъ Хасанъ-Паша, доставшій при помощи волка трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу-царевну и желтаго коня.

Жилъ-былъ султанъ Мурадъ. У него было три сына: старшій—Ибрагимъ-паша, средній—Абдрамъ-паша и младшій сынъ—Хасанъ-

паша. Однажды султану сдѣлалось очень скучно. Онъ самъ не зналъ, отчего напала на него такая сильная тоска, и сидѣлъ въ большомъ раздумьѣ. Въ это время приходитъ къ султану его старшій сынъ, Ибрагимъ-паша, и хотѣлъ-было поговорить съ отцомъ, а онъ отвернулся. Сынъ зашелъ съ другой стороны, а отецъ опять отвернулся. Тогда Ибрагимъ-паша оставилъ султана одного, а самъ отправился къ главному министру и попросилъ его сходить къ султану и узнать причину его тоски. Министръ пришелъ къ султану и сказалъ ему:

— «Великій государь! Мы всѣ ужасно опечалены твоей тоской. Скажи намъ, отчего ты такъ печаленъ и почему ты не захотѣлъ выслушать твоего старшаго сына? Развѣ твой первенецъ плохой человѣкъ? Или, можетъ быть, онъ провинился чѣмъ-нибудь противъ тебя?»

— «Я самъ не знаю, сказалъ султанъ, что со мною случилось; но только мнѣ ужасно скучно, и я раздраженъ противъ всѣхъ».

— «Великій государь! снова сказалъ министръ. Ты имѣешь 40 прекраснѣйшихъ въ мірѣ садовъ; прикажи приготовить лошадей, поѣдемъ въ эти сады; можетъ быть, тамъ ты разсвѣшь свою тоску».

Султанъ согласился на это предложеніе и приказалъ приготовить лошадей. Когда лошади были готовы, султанъ, трое сыновей его и министръ поѣхали кататься.

Они проѣхали уже 39 садовъ. Сады, дѣйствительно, были прекрасные: въ нихъ росли высокія деревья, въ порядкѣ разсаженные; журчаніе фонтановъ и пѣніе райскихъ птицъ наполняли воздухъ... Все это было прекрасно, но не могло развлечь султана; онъ по прежнему былъ грустенъ, и уже хотѣлъ ѿхать домой... Тогда министръ сказалъ султану:

«Государь! Остается еще одинъ садъ; можетъ быть, тамъ ты разсвѣшь свою тоску».

Султанъ послушался министра и поѣхалъ въ 40-й садъ. Садъ этотъ былъ еще красивѣе, чѣмъ прочие, уже осмотрѣнныя султаномъ. Проходя по главной аллѣ этого послѣдняго сада, султанъ и его спутники замѣтили на срединѣ небольшой поляны большое дерево безъ вѣтвей и безъ листьевъ. Султанъ спросилъ у садовника: «Что это за дерево?»

Садовникъ отвѣтилъ такъ: «Великій государь! Дерево это очень рѣдкое и удивительное: въ 6 часовъ вечера на самой вершинѣ его появляется почка, въ 7 часовъ распускаются листья, въ 9 часовъ уже появляется цвѣточекъ, а къ 12 часамъ ночи созрѣваетъ плодъ. Въ это самое время прилетаетъ неизвѣстная мнѣ птица, садится на

дерево: къ 3 часамъ утра выклевываетъ весь плодъ и улетаетъ до другого дня. Дерево высокое, и поэтому у меня нѣтъ возможности ни разсмотрѣть хорошенько птицу, ни узнать, какой плодъ растетъ на деревѣ».

Садовникъ кончилъ, а султанъ обратился къ присутствовавшимъ съ такой просьбой: «Не найдется ли такого доброго человѣка, который бы сорвалъ и доставилъ мнѣ этотъ плодъ?»

Младшій сынъ сultана, Хасанъ-паша заявилъ тогда отцу, что онъ останется въ саду и сорветъ плодъ, когда онъ созрѣсть. Султанъ обрадовался, похвалилъ сына и уѣхалъ изъ сада вмѣстѣ со своими спутниками; только Хасанъ-Паша остался въ саду, чтобы дождаться появленія на деревѣ чудеснаго плода и сорвать его для своего тоскующаго отца. Долго не спалъ царевичъ; наконецъ, сонъ окончательно овладѣлъ имъ, и Хасанъ-паша такимъ образомъ проспалъ плодъ. Утромъ пріѣзжаетъ изъ дворца джигитъ и спрашивается, досталъ ли царевичъ плодъ. Царевичъ сознался, что проспалъ тотъ часъ, когда плодъ поспѣлъ, и отецъ остался недоволенъ своимъ сыномъ.—Потомъ средній и старшій царевичи также прокараулили плодъ. Тогда султанъ сдѣлался еще печальнѣе и спросилъ: «Нѣть ли доброго человѣка, который бы досталъ мнѣ живою или мертвою эту невѣдомую птицу, которая склевываетъ чудесный плодъ на томъ деревѣ?»

Младшій царевичъ хотѣлъ оправиться предъ отцомъ и заявилъ о своемъ желаніи ити въ садъ и караулить птицу. Султанъ былъ обрадованъ готовностью сына, приказалъ отвезти въ садъ для сына разныхъ кушаний, а ему самому далъ хорошее ружье. Хасанъ-паша отправился въ садъ и на этотъ разъ дождался птицы. Когда птица прилетѣла, Хасанъ поскорѣе зарядилъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ. И хотя ему не удалось убить эту птицу, за то онъ вышибъ изъ ея крыла одно большое перо. Царевичъ былъ радъ и этому и не даромъ: поднявши перо, онъ замѣтилъ на немъ письмена, а когда сталъ разбирать ихъ, то оказалось, что на перѣ были написаны священные слова. Съ этимъ перомъ царевичъ на утро явился къ своему отцу. Султанъ очень обрадовался, но не удовлетворился однимъ перомъ, а пожелалъ непремѣнно достать самую птицу: нужно было искать, гдѣ она живеть и откуда прилетаетъ въ садъ. Младшій царевичъ въ третій разъ выразилъ свою готовность исполнить желаніе отца. Султанъ поблагодарилъ сына и приказалъ снарядить его въ дальний путь: онъ далъ сыну 40 ишаковъ, навьюченныхъ золотомъ, далъ двѣ лошади съ провизией и много разнаго оружія. Хасанъ-паша простился съ отцомъ и братьями и отправился въ путь.

По отъездѣ младшаго царевича, старшіе его братья также захотѣли ъхать отыскивать необыкновенную птицу. Отецъ не сталъ и ихъ задерживать, а далъ имъ тоже самое, что и младшему сыну.

Межу тѣмъ Хасанъ-паша подвигался все дальше и дальше по избранному имъ пути. Разъ поднялась страшная буря; большой столбъ пыли, поднятой вѣтромъ, несся ему на встрѣчу... И вдругъ изъ самой средины этого столба пыли выскакиваетъ волкъ, подбѣгаєтъ къ Хасану-пашѣ и человѣчымъ голосомъ просить у него чего-нибудь стѣстнаго. Хасанъ вынулъ изъ куржума (переметная сумка) хорошую большую лепешку и бросилъ ее волку. Волкъ схватилъ лепешку и тотчасъ скрылся.

Скоро Хасана нагнали старшіе братья,—и тогда всѣ три брата поѣхали вмѣстѣ. Долго они ъхали и, наконецъ, прїехали на распутье трехъ дорогъ. По срединѣ перекрестка лежалъ большой камень, на которомъ было написано такъ: «Кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ вернется благополучно; кто поѣдетъ прямо, тотъ, можетъ быть, вернется, а можетъ и не вернуться; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ не вернется». Старшіе братья стали спорить, кому по какой дорогѣ ъхать. Тогда Хасанъ-паша сказалъ имъ: «Дорогіе братья! выбирайте себѣ, какія хотите, дороги; я же, какъ младшій, поѣду по той, которая останется послѣ вашего выбора».

Тогда старшій братъ поѣхалъ влѣво, средній прямо, а младшему осталась правая дорога. И поѣхалъ Хасанъ-паша по правой дорогѣ. Дорогой нагоняетъ царевича волкъ и говорить ему: «Царевичъ! Развѣ ты не видѣлъ, что написано на камнѣ? Зачѣмъ-же ты поѣхалъ въ эту сторону?»

— «Отойди отъ меня прочь! Не мѣшай мнѣ, пожалуйста! Отвѣтиль волку Хасанъ-паша.

— «Нѣть, царевичъ! Ты спасъ меня отъ голодной смерти, и я считаю своимъ долгомъ сослужить тебѣ, какую могу, службу».

— «Не нуждаюсь я въ твоей помощи!»

— «Не пренебрегай мною, царевичъ! Безъ моей помощи ты ничего не найдешь, да еще и самъ можешь погибнуть. А я за твою добрую службу сослужу тебѣ три службы».

Царевичъ послушалъ волка и спросилъ: «Какая же будетъ первая услуга твоя».

— «Подожди, сказалъ волкъ, не торопись! Оставь ты своихъ ишаковъ и лошадей въ лѣсу, а самъ садись на меня задомъ на-пѣредъ и держись за мой хвостъ: будемъ мы черезъ 12 часовъ около царства, гдѣ находится та птица, которую ты ищешь».

Только что Хасанъ сѣлъ на волка и ухватился за хвостъ его, какъ волкъ съ быстротою вѣтра помчалъ царевича черезъ лѣса и горы, прямо къ тому царству, гдѣ жила та птица. Черезъ 12 часовъ, дѣйствительно, Хасанъ-паша прибыль къ тому царству и остановилъся на разстояніи одной версты отъ города, въ большомъ лѣсу, гдѣ было множество различныхъ звѣрей и птицъ. Когда стало вечерѣть, волкъ и говорить царевичу: «Теперь ты ступай въ городъ. Въ городъ ведутъ 40 воротъ, и у каждыхъ воротъ спать по два дива. Но ты не бойся ихъ; они не проснутся, а ты проходи черезъ всѣ ворота. Когда ты пройдешь послѣднія ворота, то увидишь 40 царскихъ кладовыхъ, въ которыхъ хранятся сокровища государя этой страны. Кладовая стоять въ два ряда. Ты иди по линии кладовыхъ, отсчитай съ лѣвой стороны двадцатую кладовую и войди въ нее. Тамъ сидять тѣ самыя три птицы, изъ которыхъ одну ты ищешь. Эти птицы — *анка-кушъ*, въ родѣ большихъ орловъ, — рабскія птицы ¹⁾). Ты возьми птицъ и скорѣе уходи, не оглядываясь назадъ; если же оглянешься, то будетъ тебѣ плохо».

Царевичъ въ точности исполнилъ наставленіе волка. Онъ прошелъ благополучно всѣ 40 воротъ, отсчиталъ 20-ую кладовую, вошелъ въ нее и увидѣлъ, что тамъ сидятъ три необыкновенные птицы, очень похожія на ту, которая клевала чудесныя яблоки въ 40-мъ саду его отца. Хасанъ взялъ птицъ и подошелъ уже къ двери, но не утерпѣлъ — оглянулся и замѣтилъ, что подставка, на которой сидѣли птицы, была необыкновенно хороша. Царевичу захотѣлось взять и подставку. Тогда онъ вернулся; но лишь только коснулся подставки, какъ раздались крики. — Оказалось, что отъ этой подставки были проведены ко всѣмъ караулившимъ у воротъ дивамъ невидимыя нити, на концахъ которыхъ были привязаны колокольчики. Когда Хасанъ дотронулся до подставки, колокольчики зазвенѣли, и всѣ дивы, караулившіе ворота, проснулись. Они схватили Хасана и тотчасъ представили его къ царю своему.

Царь хотѣлъ было казнить Хасана-пашу; но когда выслушалъ его и узналъ цѣль его путешествія, то отмѣнилъ свое рѣшеніе и радостно сказалъ Хасану: «Хорошо, царевичъ! Я отдамъ тебѣ всѣхъ трехъ птицъ; только ты сослужи мнѣ одну службу. У одного царя есть 40 дочерей. Такъ вотъ, привези ты мнѣ самую красивую изъ нихъ».

Хасанъ согласился и опечаленный пошелъ въ лѣсъ къ волку.

¹⁾ *Анка-кушъ*, по объясненію нѣкоторыхъ авторовъ, тождественна съ птицей Симургомъ, древ. Фениксомъ (см. рисунокъ). Н. О.

Волкъ, увидя опечаленного Хасана, спросилъ его, что тому за причина. Хасанъ-паша откровенно рассказалъ волку все, что съ нимъ произошло въ городѣ и какъ царь, обладатель тѣхъ чудныхъ птицъ, поручилъ ему привезти изъ дальняго царства самую красивую царевну. Хасанъ прибавилъ:

— «Я тебя не послушался и обернулся; меня поймали и привели къ царю. Царь сперва хотѣлъ казнить меня, но потомъ сказалъ, что у одного царя есть сорокъ дочерей и, если я ему достану самую красивую изъ нихъ, то онъ отдастъ мнѣ всѣхъ трехъ птицъ вмѣстѣ съ золотою подставкою».

Волкъ сильно озлился на царевича за то, что онъ не исполнилъ его приказанія, и ушелъ отъ царевича. Царевичъ цѣлый день сидѣлъ подъ деревомъ и горько плакалъ, не зная, какъ исправить ошибку свою. А волкъ все не показывался, но на другой день разсуждалъ самъ съ собою: «За что-же царевичъ погибнетъ здѣсь, въ неизвѣстномъ царствѣ? Онъ, вѣдь, не пожалѣлъ дать мнѣ лепешку, когда я голодный просилъ у него поѣсть... Пойду я и еще разъ помогу ему. Если же онъ и теперь не послушаетъ меня, тогда я брошу его, и пусть онъ достаетъ птицъ и царевну, какъ знаетъ самъ». — Рѣшилъ такъ волкъ, пришелъ къ царевичу и сказалъ ему: «Не плачь? Я еще разъ помогу тебѣ. Если же ты и на этотъ разъ не послушаешься меня, то я тебя совсѣмъ брошу... Такъ слушай: до того царства, гдѣ живетъ красавица-царевна, надоѣхать три мѣсяца, а я тебя доставлю туда въ одинъ день. Садись на меня и держись за мой хвостъ!»

Царевичъ поблагодарилъ волка и сѣлъ ему на спину, лицомъ къ хвосту. Волкъ помчался и скоро привезъ царевича въ то царство, гдѣ жила царевна. Волкъ остановился за версту отъ города, около одной избушки, и царевичъ просидѣлъ въ ней до вечера вмѣстѣ съ волкомъ.

Когда стало смеркаться, волкъ говорить Хасану: «Иди теперь въ городѣ. У воротъ городскихъ лежитъ чудовище съ нѣсколькими головами; но ты его не бойся и иди прямо. Ты увидишь большой дворецъ, въ которомъ живутъ царевны. Ты заходи туда. Царевны будутъ уже спать. Тогда ты отсчитай слѣва девятую и уноси ее; но когда будешь выходить изъ дворца, то не оборачивайся, а то плохо тебѣ будетъ».

Царевичъ отправился, вошелъ въ городѣ черезъ ворота, около которыхъ лежало страшное чудовище. Вошелъ онъ во дворецъ, въ которомъ жили царевны. Онъ уже спали. Царевичъ осмотрѣлся,

отсчиталъ девятую царевну, взялъ и понесъ ее. Но когда онъ шелъ обратно, то опять нечаянно обернулся и увидалъ прекрасную шаль, которая принадлежала царевнѣ. Эта шаль вся была расшита золотомъ и серебромъ и усыпана драгоцѣнными каменьями. Царевичъ вернулся и хотѣлъ ее взять; но лишь только онъ дотронулся до шали, какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики, и множество слугъ набѣжали, связали его и отвели къ царю. Царь сильно разсердился на царевича и хотѣлъ его казнить; но тогда царевичъ рассказалъ царю, что онъ хотѣлъ достать отцу своему—султану птицъ и также попался, какъ и здѣсь, и что тотъ царь обѣщалъ отдать ему птицъ, если онъ достанетъ ему прекрасную царевну. Вотъ онъ и поѣхалъ доставать царевну и уже почти досталъ ее, но обернулся, увидѣлъ прекрасную шаль и хотѣлъ было взять ее, да и попался...

Выслушавъ этотъ разсказъ, царь пересталъ сердиться и сказалъ царевичу: «Я отдамъ тебѣ и дочь-красавицу, и шаль драгоцѣнную, если ты достанешь мнѣ въ горахъ, у одного дива, желтаго коня и приведешь его ко мнѣ». Царевичъ согласился, и тогда царь велѣлъ отпустить его.

Царевичъ горько заплакалъ и пошелъ къ волку. Волкъ спросилъ его: «О чемъ ты плачешь?» Царевичъ отвѣчалъ: «Я опять не послушался тебя и обернулся; меня поймали и привели къ царю, а царь велѣлъ достать мнѣ гдѣ-то въ горахъ желтаго коня, принадлежащаго диву... Только тогда царь обѣщался отдать мнѣ царевну красавицу».

Волкъ разсвирѣпѣлъ, ударилъ царевича и хотѣлъ уйти отъ него, но Хасанъ съ плачемъ сталъ просить волка, чтобы онъ въ послѣдній разъ помогъ ему. Царевичъ сказалъ волку: «Если я и послѣ того не послушаю тебя, тогда ты бросишь меня».—Волкъ смиливался и сказалъ: «Хасанъ! много хлопотъ ты надѣлалъ мнѣ; ну, ужъ такъ и быть—я помогу тебѣ въ послѣдній разъ. Дорога къ тому диву очень длинная; туда надоѣхать цѣлый годъ, а я тебя доставлю въ три дня... Садись на меня и держись за хвостъ!»

Царевичъ сѣлъ на волка, и они помчались по лѣсамъ и горамъ... На третій день волкъ привезъ его къ большой горѣ, остановился и сказалъ царевичу:

—«Теперь смотри, исполняй всѣ мои приказанія; не то—погибнешь. Когда ты поднимешься на гору, то увидишь большой домъ. Ты войди въ домъ; тамъ въ одной комнатѣ спитъ большой дивъ. У него на шеѣ привязаны ключи. Ты не бойся, отвяжи ихъ и иди дальше. Ты увидишь много кладовыхъ: въ первой лежать

гвозди, во второй шелковая веревка, а въ третьей стоять желтый конь. Ты сперва войди въ первую кладовую и возьми девятнадцать гвоздей; затѣмъ войди во вторую и отрѣжь тридцать восемь аршинъ шелковой веревки. Послѣ того ты иди въ третью кладовую, гдѣ стоять желтый конь. Тамъ въ углу вырыта глубокая яма. При твоемъ приходѣ конь заржетъ; ты не зѣвай тогда и скорѣе, привязавъ веревку за столбъ, спускайся въ яму. Дивъ въ это время проснется, войдетъ къ коню, сядеть на него и поѣдетъ осматривать, нѣть ли кого-нибудь въ окрестности; затѣмъ онъ пріѣдетъ назадъ, поставить коня на прежнее мѣсто, а самъ пойдетъ спать. Ты высунь голову изъ ямы,—конь снова заржетъ, дивъ опять проснется и поѣдетъ на конѣ осматривать окрестности, но никого не увидить и опять поставить коня въ кладовую и пойдетъ спать. Ты въ третій разъ высунь голову,—конь въ третій разъ заржетъ, дивъ опять проснется и поѣдетъ осматривать окрестности, но и въ третій разъ никого не увидить, обругаетъ коня, поставить его въ кладовую, отберетъ у него кишмишъ, который онъ єсть, а вмѣсто кишмиша подложить ему костей и скажетъ: «Сколько ты ни ржи теперь, я уже больше не приду къ тебѣ, потому что ты все обманываешь меня». Послѣ того дивъ уйдетъ спать. Тогда ты смѣло вылезай изъ ямы, возьми у коня кости и положи ему кишмиша. Конь тебя полюбитъ и перестанетъ ржать. Ты иди въ ту комнату, гдѣ спитъ дивъ и прибей его гвоздями къ полу; онъ будетъ рваться и подыматься, но передолимъ себѣ спину и издохнетъ. Тогда бери коня и пріѣзжай ко мнѣ».

Царевичъ простился съ волкомъ и отправился даѣте, въ свой путь. Онъ поднялся на гору, вошелъ въ упомянутый домъ и прошелъ двѣ комнаты. Въ третьей комнатѣ спаль страшный дивъ съ оскaledенными зубами: у него изъ рта вырывался огонь, когда онъ хралъ. Царевичъ сначала очень испугался, но овладѣлъ собой, подошелъ къ диву, отвязалъ и снялъ съ его шеи ключи. Затѣмъ Хасанъ пошелъ дальше, увидалъ кладовыя и вошелъ въ первую кладовую. Тамъ лежали огромные гвозди. Царевичъ взялъ девятнадцать гвоздей и вошелъ во вторую кладовую, отрѣзалъ тамъ въ тридцать восемь аршинъ веревку и, наконецъ, пришелъ въ третью кладовую, гдѣ стояль желтый конь. Конь, увида царевича, заржалъ, а царевичъ, не теряя времени, привязалъ веревку къ столбу и спустился въ яму. Дивъ проснулся, сѣлъ на коня и поѣхалъ осматривать окрестности, но не найдя никого, поставилъ коня на мѣсто и пошелъ спать. Хасанъ тогда высунулъ голову, и конь снова заржалъ. Дивъ прибѣжалъ и опять поѣхалъ осматривать окрестности, но

никого не увидалъ поставивъ коня въ кладовую, а самъ пошелъ спать. Хасанъ во второй разъ высунулъ голову, — конь заржалъ, и дивъ въ третій разъ прибѣжалъ и побѣхалъ осматривать окрестности, но и въ третій разъ никого не увидалъ. Разсердившись на своего коня, дивъ обругалъ его за тревогу, отобралъ у него кишишъ и наложилъ ему въ ясли костей, на мѣсто кишиша, а самъ пошелъ спать. Тогда царевичъ вылѣзъ изъ ямы. Конь заржалъ-было, но царевичъ положилъ ему въ ясли кишишу, и конь пересталъ ржать.

Затѣмъ царевичъ пошелъ въ комнату, гдѣ спалъ дивъ, и привѣтилъ его гвоздями къ полу. Дивъ почувствовалъ боль и проснулся. Увидавъ Хасана, дивъ хотѣлъ его разорвать, но только что стала подниматься, какъ переломилъ себѣ спину и издохъ. — Послѣ этого Хасанъ взялъ коня и побѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ остался волкъ. Когда царевичъ прѣѣхалъ къ волку, волкъ сказалъ ему: «Теперь поѣдемъ къ царю, у котораго ты долженъ получить дочь-красавицу».

Когда они уже подѣѣждали къ тому царству, гдѣ царевичъ долженъ былъ отдать желтаго коня, волкъ сказалъ царевичу: «Зачѣмъ намъ отдавать желтато коня царю? Пусть онъ лучше остается у тебя, Хасанъ. Ну-ка, другъ, закрой глаза!» — Царевичъ зажмурился, а волкъ тотчасъ произнесъ волшебное заклинаніе и перевернулся въ прекраснаго желтаго коня, точь въ точь такого же, какого досталъ царевичъ». Теперь открои глаза и веди меня къ царю, сказалъ конь-оборотень: у царя получишь ты дочь-красавицу и шаль драгоцѣнную; потомъ возвращайся сюда, садись на желтаго коня и уѣзжай въ то царство, гдѣ находятся птицы, а я на половинѣ дороги догоною тебя!»

Царевичъ удивился, когда увидѣлъ, что волкъ сдѣлался такимъ же конемъ, какого онъ, Хасанъ, досталъ у дива. И вотъ онъ беретъ волка-кона подъ уздцы и ведетъ его во дворецъ, а настоящаго желтаго коня привязалъ въ лѣсу. Царь очень обрадовался царевичу и приказалъ тотчасъ же привести красавицу-дочь и передалъ ее со множествомъ драгоцѣнностей царевичу, а коня поручилъ конюхамъ и приказалъ за нимъ хорошенъко ухаживать.

Царевичъ, получивъ красавицу-царевну, отправился съ нею въ лѣсъ, гдѣ стоялъ его желтый конь, сѣлъ на него вмѣстѣ съ царевной и помчался за таинственными птицами (*анка-кушъ*).

А конь-оборотень, когда его привели въ конюшню, чудесно перевернулся и сталъ опять волкомъ, потомъ бросился на конюховъ, искусалъ ихъ и уѣжалъ. Черезъ часъ онъ нагналъ царевича съ царской дочерью, а еще черезъ часъ они подѣѣждали уже къ тому

царству, въ которомъ нужно было достать таинственныхъ птицъ. Остановившись въ лѣсу, волкъ сказалъ царевичу: «Хасанъ! Зачѣмъ отдавать такую красавицу этому царю? Пусть лучше она остается съ нами и будетъ твоей женой, когда ты вернешься къ отцу. Ну-ка, закрой глаза!» Царевичъ зажмурился. Волкъ чудесно перевернулся и сдѣлался такою же красавицей, какую они везли съ собою.— «Теперь открои глаза,—сказалъ волкъ царевичу,—и веди меня къ царю, возьми у него птицъ и уѣзжай вмѣстѣ съ ними и царевной туда, гдѣ остались ишаки и лошади, а я живо догоно тебя».— Когда царевичъ привелъ мнимую красавицу во дворецъ, царь приказалъ отдать Хасану таинственныхъ птицъ и золотую подставку. Царевичъ получилъ птицъ, поспѣшно вышелъ съ ними изъ дворца, пришелъ къ красавицѣ-царевнѣ и желтому коню, сѣлъ на коня, взялъ царевну и птицъ и помчался къ тому лѣсу, гдѣ оставались его ишаки и кони...

Царь, тотчасъ устроилъ свадьбу съ мнимою царевной и на свадебномъ пиру сидѣлъ вмѣстѣ съ царевной-волкомъ и гостями. По обычая той страны, молодушка сидѣла на пиру подъ покрываломъ. Когда гости подгуляли, волкъ-оборотень чудодѣйственно перевернулся и сдѣлался опять волкомъ, потомъ вдругъ бросился на царя и сталъ его кусать. Всѣ придворные и гости сильно перепугались и разбѣжались. Тогда и волкъ выбѣжалъ изъ-за стола, свободно пробѣжалъ по дворцу и черезъ часъ уже догналъ царевича. Догнавъ царевича, волкъ сказалъ ему: «Милый Хасанъ! Теперь наши скитания по бѣлу свѣту благополучно и успѣшно окончились. Поѣдемъ ко мнѣ въ домъ; тамъ ты отдохнешь и оттуда уже прямо поѣдешь къ своему отцу!»— Царевичъ согласился, и они пустились въ путь. Черезъ нѣсколько часовъ они были уже въ великолѣпномъ дворцѣ, принадлежавшемъ волку. Тутъ у нихъ начались пиры и гулянья.

Наконецъ, Хасанъ сталъ собираться домой и вспомнилъ о своихъ братьяхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ выѣхали на поиски за таинственными птицами. Онъ сталъ просить волка: «Любезный волкъ! Мнѣ еще раноѣхать домой къ отцу; нужно сперва найти братьевъ!»

— «Напрасно, отвѣчалъ волкъ: они сдѣлаютъ тебѣ зло, если будутъ съ тобою».

Хасанъ не послушался волка и отправился искать своихъ братьевъ. Много и долго онъ странствовалъ. И вотъ, въ одномъ городѣ ему сказали жители, что къ нимъ давно пріѣхалъ какой-то сумасшедшій богачъ, который называетъ себя царскимъ сыномъ и желаетъ достать какихъ-то необыкновенныхъ птицъ. Здѣсь онъ

растратилъ всѣ свои богатства, впалъ въ нищету и теперь служить работникомъ у сапожника на базарѣ, чтобы доставать себѣ пропитаніе. Царевичъ тотчасъ отправился на базаръ и, дѣйствительно, увидалъ своего брата, который шилъ сапоги. И тотъ узналъ Хасана. Братья поздоровались. Хасанъ купилъ ему новую рубашку, халатъ, сапоги и тюбетейку и отвезъ его во дворецъ къ волку, а самъ поѣхалъ искать другого брата. Въ одномъ городѣ онъ нечаянно увидалъ водовоза, который былъ очень похожъ на его старшаго брата. Хасанъ подошелъ къ нему и спросилъ, кто онъ такой. Водовозъ отвѣчалъ: «Я старшій сынъ султана Мурада. Поѣхалъ я вмѣстѣ со своими братьями искать таинственную птицу: у меня было съ собой сорокъ ишаковъ съ золотомъ и два коня съ провизіей. Въ этомъ городѣ я остановился; деньги у меня шли да шли, и въ одинъ несчастный день я сдѣлался почти нищимъ. Чтобы достать себѣ пропитаніе, я продалъ своихъ лошадей и ишаковъ, кромѣ этихъ двухъ, на которыхъ и сталъ развозить воду по городу».

Хасанъ сказалъ ему, что онъ--его братъ. Тогда и водовозъ узналъ Хасана. Хасанъ купилъ своему несчастному брату все необходимое, что приличествовало сыну султана Мурада, и увезъ его во дворецъ къ волку.

У волка всѣ три брата весело прожили нѣсколько времени и, наконецъ, всѣ вмѣстѣ стали собираться домой къ отцу. Когда они прощались съ волкомъ, то волкъ шепнулъ на ухо Хасану-царевичу: «Будь остороженъ съ своими братьями: какъ бы они не сдѣлали тебѣ дорогой зла!» Но добродушный Хасанъ почти не слушалъ, что напшептывала ему волкъ и не обратилъ вниманія на его предупрежденіе.

Вотъ выѣхали три сына султана Мурада отъ волка. Путь имъ предстояло не близкій, и много ночей должны они были провести подъ открытымъ небомъ. Хасанъ-царевичъ возвращался домой очень веселымъ, потому что ему удалось достать для отца таинственныхъ птицъ, а себѣ невѣсту-красавицу и коня. Старшіе его братья сначала сочувствовали его радости, но чѣмъ ближе подѣзжали къ дому отца, тѣмъ сильнѣе досадовали на то, что они, старшіе братья, ничего не могли достать для отца, между тѣмъ какъ Хасанъ, младшій братъ, везъ не только птицъ отцу, но и себѣ прекрасную невѣсту и коня. Однажды, во время остановки, они высказали другъ другу свои мысли и порѣшили завладѣть птицами, царевной и конемъ, чтобы сказать отцу, что все это достали они, а не младшій ихъ братъ Хасанъ и что онъ, кромѣ того, еще мѣшалъ имъ.

Послѣ совѣщанія старшій братъ сказалъ: «На слѣдующую ночь, когда мы остановимся отдохать, то дождемся, пока Хасанъ заснетъ, и тогда выколимъ ему глаза и оставимъ его въ пустынѣ, а сами возьмемъ птицъ, царевну и коня, побѣдимъ къ отцу нашему, султану, и скажемъ, что все это мы сами достали, а что братъ нашъ умеръ, или пропалъ безъ вѣсти»... Средній братъ одобрилъ этотъ планъ... А младшій братъ Хасанъ, выручившій своихъ братьевъ изъ нищеты, и не подозрѣвалъ, что его братья замышляютъ противъ него такое зло.

Дѣйствительно, на слѣдующую ночь, когда они остановились на отдыхъ, старшіе братья дождались, пока Хасанъ заснулъ, и тогда осѣпили его беззащитнаго. Потомъ они захватили птицъ, царевну и коня и побѣхали дальше, а несчастнаго, слѣпого Хасана оставили погибать въ пустынѣ.

Долго стоналъ несчастный царевичъ Хасанъ отъ ужасной боли. Онъ понималъ, что среди пустыни, гдѣ, кроме голодныхъ хищныхъ звѣрей, никого нѣтъ, онъ не найдеть себѣ чьей-либо помощи и погибнуть. И сталъ онъ горячо молиться Аллаху. Долго, очень долго онъ молился. Жаркий день уже смѣнился прохладнымъ вечеромъ. И вотъ онъ слышитъ чей-то кроткій голосъ. Это пророкъ (Мухаммадъ) говорилъ ему: «Сорокъ дней ты долженъ искренно молиться Аллаху, чтобы онъ даровалъ тебѣ исцѣленіе. Въ сороковой день ты поползешь направо, и тамъ попадется тебѣ родникъ, изъ котораго ты умоешься и прозрѣшь и тогда снова возблагодаришь Аллаха за свое спасеніе. Во все это время птица будетъ тебѣ приносить пищу». — Тайныственный голосъ смолкъ, и наступила тишина. Хасанъ началъ молиться Богу и такъ усердно молился, что потъ градомъ катится по его лицу.

Дни проходили. Несчастный слѣпецъ получалъ пищу отъ тайныенной птицы. Наступилъ и сороковой день. Когда этотъ день окончился, Хасанъ поползъ потихоньку вправо и долго ползъ, пока, наконецъ, стало повѣтывать прохладой, а до его слуха долетѣло журчаніе ручейка. Напрягая послѣднія свои силы, онъ подвигался впередъ и черезъ нѣсколько времени достигъ родника, изъ котораго, съ журчаніемъ вытекалъ ручеекъ. Умылся Хасанъ водой изъ этого родника и тотчасъ-же прозрѣлъ. Послѣ долгой сорокадневной молитвы, онъ впервые увидалъ свѣтъ Божій и въ умиленіи, проливая радостные слезы, въ горячей молитвѣ благодарили Аллаха за свое исцѣленіе. — Потомъ онъ напился изъ родника и пошелъ, куда глаза глядѣли. Вдругъ вдали, въ пустынѣ, онъ увидѣлъ громадный столбъ пыли,

который несся прямо на него. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ его вѣрный слуга и товарищъ-волкъ стоять возилъ него. «Вотъ видиши, сказаль волкъ: говориша я тебѣ, чтобы ты остерегался своихъ братьевъ, а то случится съ тобой несчастіе... Такъ и сбылось: братья ослѣпили тебя, взяли у тебя птицъ, царевну и коня, а отцу твоему, султану, скажутъ, что все это достали они, а что ты прошалъ безъ вѣсти!»

Горько заплакалъ царевичъ при этихъ словахъ волка. Ему гдѣалось ужасно грустно, что братья такъ коварно отплатили ему за то, что онъ спасъ ихъ отъ нищеты. Но волкъ сказалъ ему: «Не плачь! Мы все это поправимъ, а теперь садись на меня, поѣдемъ опять ко мнѣ во дворецъ». — И помчалъ волкъ царевича Хасана къ себѣ во дворецъ.

У волка Хасапъ совершенно оправился и прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Тогда волкъ сказалъ Хасану: «Братья твои недавно только прїѣхали домой, къ султану: и мы съ тобой отправимся туда-же. Я тебѣ обѣщалъ, что царевна будетъ твоей женой,—такъ и будетъ». Послѣ того волкъ и царевичъ Хасанъ переодѣлись нищими цыганами, чтобы ихъ нельзя было сразу узнать, и отправились въ царство султана Мурада. Когда они прибыли, во дворцѣ уже было назначено бракосочетаніе красавицы-царевны со старшимъ сыномъ султана Мурада. Передъ самымъ днемъ свадѣбы Хасанъ, наряженный нищимъ цыганомъ, пошелъ просить милостыни у нарѣченной невѣсты своего брата. Стоявшая у воротъ дворца стража не хотѣла пропустить его во дворецъ изъ боязни, что онъ украдетъ что-нибудь. Хасанъ долго умолялъ стражу пропустить его. Наконецъ, сама царевна, раздавая милостыню на крыльцѣ, замѣтила нищаго цыгана и приказала пропустить его. Хасанъ подошелъ къ ней и сказалъ, протягивая руку: «Царевна! Подай что-нибудь своему первому жениху, чтобы онъ могъ весело погулять въ день твоей свадѣбы!»

Царевна очень удивилась словамъ нищаго цыгана, называвшаго себя первымъ ея женихомъ, и приказала, провести его къ себѣ въ покой. Тамъ Хасанъ рассказалъ царевнѣ, какъ его Аллахъ спасъ отъ голодной смерти и исцѣлилъ отъ слѣпоты, и какъ онъ съ волкомъ, переодѣвшись цыганами, во-время прибыли сюда. Царевна послѣдила сообщить о всемъ происшедшемъ султану Мураду. Старикъ султанъ очень обрадовался, увидя пропавшаго сына, а царевна взяла за руку царевича Хасана и объявила султану: «Вотъ этотъ царевичъ—мой женихъ, а не кто другой!»

Затемъ Хасанъ рассказалъ отцу, какъ онъ, при помощи волка, досталъ таинственныхъ птицъ, а себѣ невѣсту и желтаго коня, какъ выручилъ братьевъ изъ нищеты и какъ они коварно ослѣпили его и бросили погибать въ пустынѣ, а сами увезли птицъ, царевну и коня, какъ Аллахъ спасъ его отъ погибели и какъ, наконецъ, онъ вмѣстѣ съ волкомъ прибылъ домой. Султанъ, узнавъ о такомъ коварствѣ старшихъ своихъ сыновей, приказалъ позвать ихъ. Старшіе царевичи, увидя воротившагося Хасана здравымъ и невредимымъ, во всемъ повинились предъ отцомъ, но султанъ-отецъ очень разгневался на нихъ и осудилъ ихъ за такое злодѣяніе на смерть. Привели двухъ кобылицъ, привязали къ ихъ хвостамъ обоихъ старшихъ царевичей и погнали кобылицъ въ кустарникъ-колючку. Такъ братья-злодѣи погибли ужасною смертью: они были истерзаны въ куски.

Послѣ казни старшихъ братьевъ своихъ, царевичъ Хасанъ весело отпраздновалъ свою свадьбу съ царевной-красавицей. На его свадѣбѣ пировалъ и волкъ, оказавшій ему столько услугъ. Вскорѣ послѣ свадьбы Хасана, султанъ Мурадъ, за старостію лѣтъ, передалъ сыну управление своимъ царствомъ. Хасанъ принялъ правленіе изъ рукъ своего отца и, прочитавъ написанное на перьяхъ таинственныхъ птицъ *анка-кушъ*, узналъ всѣ человѣческія добродѣтели и мудро сталъ управлять царствомъ.

(Эта сказка записана ученикомъ VIII класса Ташкентской гимназіи П. Шерманомъ, со словъ Наманганского сарга Дада-ходжи Касымбаева).

Царская дочь и Дивъ.

Жилъ-былъ царь, а у него была дочь-красавица. Когда дочь сдѣлалась невѣстой, царь задумалъ хитрую загадку: онъ раскорнилъ блоху до того, что она разрослась и разстолстѣла, какъ верблюдъ. Царь зарѣзалъ блоху, снялъ съ нея кожу и объявилъ по всему своему царству: кто узнаетъ, чья это кожа, за того онъ выдастъ замужъ свою дочь. Всѣ жители его царства собрались во дворецъ посмотреть, какая такая эта шкура, и женихамъ хотѣлось отгадать загадку, чтобы взять за себя замужъ красавицу царевну. Царь показалъ собравшемуся народу удивительную кожу; женихи старались отгадать, чья это кожа, но никто не могъ дать царю разгадки... И царь отпустилъ народъ по домамъ.

Послѣ того одинъ царскій рабъ отправился за водой и, когда черпалъ воду, сказалъ себѣ: «Глупые! Не догадываются, что шкура снята съ блохи?» Подъ водой жилъ Дивъ. Отъ слышалъ, что сказалъ рабъ и на другой же день, подъ видомъ бѣднаго паршиваго нищаго, пришелъ во дворецъ къ царю. Подойдя къ воротамъ дворца, нищий сказалъ караульнымъ, стоявшимъ около воротъ: «Не выдастъ ли за меня царь дочь свою, если я узнаю, чья та шкура, которую онъ показывать народу?» Караульные отвѣчали нищему: «Какъ ты паршивый можешь разгадать, чья эта шкура, когда весь народъ не могъ этого узнать?» Сказавъ такъ, караульные прогнали нищаго прочь отъ дворца царскаго. Но Дивъ такимъ образомъ приходилъ еще три раза. Наконецъ, онъ надѣлъ слугамъ, и они доложили царю, что какой-то паршивый оборванецъ каждый день приходитъ ко дворцу и говорить, что можетъ узнать, чья эта шкура. Тогда царь приказалъ привести нищаго во дворецъ. Слуги ввели во дворецъ паршиваго человѣка; царь показалъ ему шкру и спросилъ: чья эта шкура?» Паршивый отвѣчалъ: «Таксыръ! это шкура блохи». Царь удивился и разсердился, что такой паршивый оборванецъ могъ отгадать царскую загадку, приказалъ выгнать его прочь и не выдавать за него свою дочь. Оборотень-Дивъ ушелъ изъ дворца, но приходилъ къ царю еще нѣсколько разъ съ требованіемъ, чтобы царь выдалъ за него свою дочь, а за отказъ угрожалъ царю большими бѣдствіемъ. Но царь ни за что не соглашался выдать свою дочь за нищаго и паршиваго оборванца. Наконецъ, Дивъ разсердился и бросилъ шапку свою вверхъ. Тотчасъ небо потемнѣло, и все царство было 7 сутокъ покрыто тьмой, какъ ночью. Царь и весь народъ его очень устрашились. Отъ страха царь, наконецъ, согласился выдать свою дочь за нищаго, если только онъ слѣдѣтъ все попрежнему. Тогда Дивъ бросилъ шапку на землю,— и сразу во всемъ царствѣ сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Царь понялъ тогда, кто женихъ его дочери и сказалъ своей женѣ, что долженъ выдать замужъ дочь свою за Дива, а иначе все царство погибнетъ... Онъ приказалъ передать дочери, чтобы она выбрала себѣ въ приданое, что ей самой захочется, а самъ обѣщалъ выдать ей 40 рабовъ 40 рабынь и 40 ословъ золота. Мать опечалилась, но дѣлать было нечего: она передала слова царя дочери.

Наконецъ, прибылъ женихъ за своей невѣстой. Царевна стала горько плакать и даже не хотѣла ничего взять для себя изъ отцова имущества. Но царь и царица уговорили дочь не отказываться отъ добра, и она наконецъ согласилась и стала выбирать себѣ лошадей.

Въ конюшнѣ въ это время была одна небольшая лошадь-замухрышка. Она и говорить царевнѣ: «Бери меня и захвати съ собою зеркало, гребенку, соли и калампуръ-мунчакъ*). Все это тебѣ пригодится». Послушалась царевна и взяла эту лошадь, взяла и то, что лошадь указала. Царь приказалъ привести 40 рабовъ, 40 рабынь, 40 ословъ золота, простился съ дочерью и проводилъ ее съ женихомъ. Ониѣхали на разныхъ лошадяхъ.

Далеко царевна и Дивъ отѣхали отъ царскаго дворца. Тогда Дивъ началъ ъсть рабовъ, рабынь и ословъ царевны. Царевна испугалась, но лошадь тихо сказала царевнѣ: «Скажи своему мужу, чтобы онъ теперь ъхалъ впереди и показывалъ бы тебѣ дорогу къ себѣ домой». Царевна сказала Диву, чтобы онъ ъхалъ впереди. Дивъ послушался. Наконецъ, доѣхали они до одной пещеры. Дивъ зашелъ въ нее и началъ выбрасывать оттуда разные кости. Тогда лошадь сказала царевнѣ: «Видишь... Это—кости разныхъ людей, которыхъ Дивъ въ разное время поѣлъ. И тебя онъ тоже съѣсть... Теперь ударъ меня нагайкой посильнѣе, и я поскаку». Царевна ударила свою лошадь, и она поскакала съ большою быстротой черезъ горы и черезъ долы.

Когда Дивъ вышелъ изъ пещеры и увидѣлъ что царевны иѣтъ, то сталъ смотрѣть по сторонамъ и замѣтилъ, что она уже ускакала далеко. Дивъ разсердился на царевну и сталъ дуть на небо...

Всльдѣствіе этого, тотчасъ же пошелъ снѣгъ и поднялся сильный буранъ. Буранъ затруднялъ путь царевнѣ, а Дивъ гнался за нею. Когда осталось немногого разстоянія между царевной и имъ, то лошадь сказала царевнѣ, чтобы она бросила калампуръ-мунчакъ. Царевна бросила калампуръ-мунчакъ, и вдругъ между Дивомъ и царевною сдѣлалось разстояніе въ нѣсколько сотъ верстъ, и вся эта мѣстность покрылась густыми колючками. Дивъ остановился, такъ какъ не могъ пройти чрезъ колючки и сталъ кричать царевнѣ, какъ она здѣсь проѣхала. Царевна крикнула ему въ отвѣтъ, что она снимала съ себя всю одежду и тогда только прокатилась по этимъ колючкамъ. Дивъ послушалъ царевну, снялъ съ себя всю одежду и нагой покатился по колючкамъ. Колючки впивались въ тѣло Дива и исцарапали его до крови. Дивъ остановился отъ боли, а въ это время царевна ускакала очень далеко.

Дивъ отдохнулъ и снова началъ было догонять царевну. Тогда лошадь велѣла царевнѣ выбросить на землю соль. Какъ только царевна выбросила соль, между Дивомъ и царевной

*) Такъ называется гвоздика, издающая хороший запахъ.

сдѣжалось разстояніе больше прежняго и все покрылось пескомъ и солью. Дивъ опять остановился и закричалъ царевнѣ: какъ ты проѣхала черезъ эти пески и солончаки? Царевна отвѣчала, что она по нимъ прокатилась безъ одежды. Дивъ снова снялъ съ себя одежду и покатился, какъ сказала царевна, по этимъ пескамъ и солончакамъ. Песокъ набивался въ расцарапанный мѣста на тѣлѣ Дива, а соль разъѣдала раны, и Дивъ испытывалъ нестерпимую боль, а потому и не могъ быстро катиться. Такимъ образомъ, пока Дивъ прокатился черезъ обширное пространство песковъ и солончаковъ, царевна ускакала еще дальше прежняго. Измученный Дивъ одѣлся, отдохнулъ и опять погнался за царевной и уже началъ было догонять ее, какъ лошадь велѣла царевнѣ выбросить на землю гребешку. Царевна выбросила гребенку, и между царевной и Дивомъ поднялась вдругъ громадная гора. Тогда Дивъ началъ кричать царевнѣ: какъ ты проѣхала черезъ эту гору?—Царевна отвѣчала, что она выдернула у себя два зуба и одинъ зубъ употребила вмѣсто топора, а другой зубъ вмѣсто тиши^{*)} и такимъ образомъ сдѣжала отверстіе и прошла черезъ это отверстіе. Тогда Дивъ выдернулъ у себя два зуба и вмѣсто топора и тиши началъ дѣлать отверстіе сквозь гору. Работа Дива продолжалась очень долго, но пока онъ прокопалъ въ горѣ отверстіе и прошелъ черезъ него, царевна ускакала далеко. Дивъ пустился въ погоню за царевной и когда стала догонять ее, лошадь велѣла царевнѣ бросить на землю зеркало... Царевна бросила зеркало, и тогда между ними образовалась широкая и быстрая рѣка. Дивъ остановился и закричалъ царевнѣ: какъ ты перѣехала черезъ рѣку?—Царевна отвѣчала Диву, что она привязала себѣ на шею большой камень и съ камнемъ переплыла черезъ рѣку. И Дивъ привязалъ себѣ камень и спустился въ рѣку, но тотчасъ тяжелый камень потянулъ Дива на дно рѣки.

Царевна продолжалаѣхать къ дому своего отца и наконецъ доѣхала до одной курганчи^{**)}). Тамъ она сѣѣла съ лошади и отдохнула. Ворота курганчи были заперты, и царевна не посмѣла войти

^{*)} Тиши — плоскій инструментъ сартовъ, состоящій изъ продолговатаго (3 вершка) и во широкаго (1верш.) лезвія. Въ тупой конецъ лезвія, перпендикулярно къ плоскости лезвія, вставляется тонкая рукоятка, длиной въ $\frac{1}{2}$, арш. Въ работѣ тиши замѣшаетъ халѣнький русскій топоръ. Н. О.

^{**) Курганчи} буквально означаетъ *крепостцу*. Такъ называется у сартовъ огороженное высокими глинибитными стѣнами четырехугольное пространство въ степи, внутри которого есть жилье и мѣста для скота и вычныхъ животныхъ. Чаще всего курганчи строятся на караванномъ пути и соответствуютъ русскимъ постояннымъ дворамъ въ виѣ селенія. Н. О.

внутрь. Но скоро изъ стели возвратился старикъ-дровосѣкъ, хозяинъ курганчи. Онъ жилъ въ курганчѣ со своей старухой и ежедневно собиралъ по снопу сучьевъ и продавалъ ихъ за одну копейку. Царевна спросила у старика, нельзя ли ейъ съ лошадью помѣстится въ курганчѣ. Старикъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ никого пустить къ себѣ безъ позволенія жены и хотѣть было итти къ женѣ на дворъ, но старуха, услыхавъ разговоръ за воротами, сама вышла, и царевна обратилась съ старухѣ: «нельзя ли мнѣ сегодня ночевать у васъ? Отъ меня вамъ польза будетъ, а вреда никакого вы не получите». Старуха согласилась, отворила ворота и указала царевнѣ сарай для лошади. Царевна привезла лошадь и сама всю ночь сидѣла около нея и караулила ее. Утромъ на другой день царевна сидѣла утомленная на солнцѣ, а затѣмъ прилегла и заснула.

Въ этотъ день въ сосѣднемъ лѣсу, гдѣ собиралъ старикъ сучья, царь охотился съ соколомъ за птицей. И случилось, что когда царь пустилъ своего сокола, то соколъ не погнался за птицей, а полетѣлъ на курганчу, гдѣ сидѣла царевна. Царь разсердился на сокола и приказалъ своему слугѣ скакать въ ту сторону, куда улетѣлъ соколъ и поймать его. Слуга прискакалъ къ курганчѣ и увидѣлъ, что соколъ сидѣтъ на головѣ спящей красавицы.

Удивился царскій слуга, прискакалъ обратно къ царю и доложилъ ему, что при видѣ ея красоты чуть не впалъ въ обморокъ. «Не знаю», сказаъ слуга, «кто она такая—человѣкъ или пяри, но я не посмѣль подступить къ ней и снять съ ея головы сокола». Тогда самъ царь, разсерженный, поѣхалъ за соколомъ, но когда увидѣлъ красавицу, то упалъ безъ чувствъ... Въ это время царевна—красавица проснулась и убѣжала въ жилье къ старухѣ и научила ее такъ: «если этотъ всадникъ спросить, кто я такая, то отвѣчайте, что я ваша дочь». Старуха согласилась. Черезъ нѣсколько минутъ царь очнулся и видѣть, что красавица нѣть. Онъ подумалъ, что во снѣ увидѣлъ такую красавицу, и затѣмъ отправился къ своей цалаткѣ, гдѣ его дожидались визирь и слуги. Царь подозрѣвалъ къ себѣ одного визира и сказалъ ему: «Поѣзжай ты въ эту курганчу и спроси у хозяина-старика, нѣть ли у нихъ красавицы и не дочь ли она ихъ». Визирь пріѣхалъ въ курганчу и спросилъ у старика и старухи обо всемъ, какъ приказалъ царь. Старикъ и старуха отвѣчали: «эта красавица—наша дочь». Тогда визирь пріѣхалъ къ царю и доложилъ, что эта красавица—дочь хозяина курганчи. Царь очень обрадовался и опять послалъ визира къ старику спросить, не выдастъ ли онъ замужъ за царя свою дочь. Старикъ и старуха сказали: «мы обрадованы

словами царя, но дочь наша бѣдная». Визирь вернулся и доложилъ царю, что сказали старики и старуха. Тогда самъ царь отправился въ курганчу, взялъ съ собою красавицу-царевну, старика и старуху къ себѣ во дворецъ и сдѣлалъ пиръ на весь міръ. Пиръ продолжался сорокъ дней. По окончаніи шира царь женился на красавицѣ, а старика и старуху наградилъ очень щедро—далъ имъ 40 ословъ золота и драгоценныхъ вещей. Старики поблагодарили царя и возвратились въ свою курганчу.

Царь жилъ со своей царицей очень дружелюбно, такъ что и не разставался съ ней. Черезъ нѣсколько времени царица забеременѣла, и царь былъ радъ. Царь любилъ охоту и каждый годъ проводилъ на охотѣ восемь или девять мѣсяцевъ. И теперь царь собрался на охоту и сказалъ царицѣ: «я поѣду на охоту, а вы останетесь дома и потому прошу васъ, дайте мнѣ вашу лошадь. Царица отвѣчала согласіемъ, но сама попала къ своей лошади и сказала: «тебя просить у меня царь, чтобыѣхать на охоту. Что мнѣ дѣлать? я не хотѣла бы съ тобой разставаться». Тогда лошадь отвѣчала: «Не беспокойся, отдай меня царю; только выдерни у меня изъ гривы нѣсколько волосъ и спрячь: «если случится съ тобой какое несчастье, ты тогда зажги эти волосы, и я явлюсь къ тебѣ». Царица такъ и сдѣлала и со слезами на глазахъ простились съ лошадью.

Въ то время, когда царь уѣхалъ на охоту, Дивъ вышелъ изъ рѣки, гдѣ онъ потонулъ-было, и задумалъ отомстить царевнѣ. Долго онъ ходилъ по свѣту, отыскивая царевну и наконецъ пришелъ въ то царство, гдѣ жила царица, и поступилъ къ царю на мельницу. Когда царица родила двухъ сыновей-близнецовъ, народъ обрадовался. Радостную вѣсть о рождении двухъ сыновей послали съ гонцомъ къ царю. Но когда гонецъ проѣзжалъ мимо мельницы, Дивъ догадался объ этомъ и подуялъ на небо...

Тотчасъ на небѣ появились тучи и пошелъ сильный дождь. Дивъ остановилъ гонца и попросилъ его зайти отъ дождя на мельницу и попить чаю, пока пройдетъ гроза. Гонецъ согласился. Когда стали пить чай, Дивъ всыпалъ въ стаканъ гонца сонный порошокъ. Гонецъ выпилъ свою чашку и тотчасъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, а Дивъ вынулъ у гонца изъ кармана письмо, прочиталъ его, разорвалъ, а вмѣсто того написалъ другое письмо, въ которомъ извѣщалъ царя, что царица родила кошку и собаку, запечаталъ это письмо и положилъ его въ карманъ гонцу. Затѣмъ Дивъ снова подуялъ на небо,— и дождь пересталъ, небо прочистилось и засияло солнце. Тогда Дивъ разбудилъ гонца и проводилъ его къ царю.

Пріѣхалъ гонецъ къ царю и передалъ ему письмо. Царь прочиталъ письмо, опечалился и пожалѣлъ жену. Въ отвѣтъ онъ написалъ въ своей дворецъ, что если она родила кошку и собаку, то не нужно тревожить царицу до его прїѣзда. Это письмо тотъ же гонецъ повезъ во дворецъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо мельницы, Дивъ подулъ на небо и цошелъ сильный спѣгъ. Дивъ вышелъ изъ мельницы и попросилъ гонца къ себѣ переждать непогоду. Тотъ остановился и оиять Дивъ всыпалъ гонцу въ чашку сонный порошокъ. Гонецъ выпилъ свою чашку и крѣпко заснулъ. Тогда Дивъ взялъ письмо царя, прочиталъ его, порвалъ, а самъ написалъ письмо такого содержанія: «Возьмите мою жену и дѣтей, посадите задомъ на передъ на чернаго осла, намажьте имъ лицо сажей и такъ отправьте ихъ изъ дворца, куда пойдетъ оселъ; а если вы не исполните этого, тогда я весь городъ разстрѣляю». Народъ согласился исполнить приказаніе своего царя. Въ это время Дивъ обратился въ чернаго осла и проходилъ мимо дворца. Народъ, увидя чернаго осла, остановилъ его, посадилъ на него царицу съ дѣтьми, какъ было приказано царемъ, и такимъ образомъ Дивъ увезъ царицу за нѣсколько сотъ верстъ и на берегу рѣки остановился. Здѣсь онъ преобразился въ человѣка и сказалъ царицѣ: «ну, что ты теперь будешь дѣлать, паршивая? *) Сколько горя я потерпѣлъ черезъ тебя! Теперь я сѣмъ твоихъ дѣтей».

Тогда царица отвѣчала: «Если ты хочешь сѣсть моихъ дѣтей, то ихъ нужно сѣсть, какъ слѣдуетъ, то есть: сначала ты найди дровъ, приготовь изъ мяса дѣтей шашлыкъ, а потомъ уже сѣйши». Тогда Дивъ пошелъ собирать топливо въ полѣ, а царица въ это время зажгла волосы, выдернутые изъ гривы своей лошади. Тотчасъ лошадь явилась передъ ней и сказала: «Теперь я начну бороться съ Дивомъ, мы бросимся съ нимъ въ рѣку, а ты смотри: если появится на поверхности воды кровяная пѣна, тогда тебѣ плохо будетъ, а если появится бѣлая пѣна, ты будешь спасена навсегда». Возвратился Дивъ съ дровами, увидѣлъ около царицы лошадь и схватился съ нею.

Долго дрались лошадь съ Дивомъ и наконецъ упали они въ рѣку. Царица стала смотрѣть на воду и черезъ нѣсколько времени замѣтила на поверхности рѣки кровь. Царица испугалась и упала въ обморокъ, но скоро на водѣ показалась бѣлая пѣна. Царица обрадовалась этому и ждала, что будетъ дальше. Черезъ нѣсколько времени лошадь выплыла изъ воды и говорить: «Теперь ты спасена навсегда. Я задушила Дива. Теперь зарѣжь меня, потомъ брось голову мою въ

*) Выраженіе „паршивый“ (каль) считается у сартовъ очень обиднымъ. Н. О.

сторону, ноги разставь на четыре стороны, мои внутренности разбросай по сторонамъ, а подъ ребра сядь со своими ребятами»: Царица отвѣчала: «не могу и не желаю сдѣлать это; я никогда не разстанусь съ тобой».

Но лошадь сказала: «нельзя; такъ надо сдѣлать, какъ я говорю». Тогда царица исполнила все, что говорила лошадь: она бросила голову лошади въ сторону, ноги поставила по сторонамъ, потроха разбросала, а подъ ребра сѣла сама съ дѣтьми. Тогда изъ ногъ выросли золотые тоцоля съ изумрудными листьями, изъ потроховъ—селенія, поля, луга, изъ ребръ—золотой дворецъ, а изъ головы заструился быстрый ручей. Однимъ словомъ, вся эта мѣстность сдѣлалась настоящимъ раемъ. Здѣсь царица и поселилась. Дѣти ея выросли уже очень большими и стали ходить въ школу.

По мы вернемся назадъ. Когда царь прибылъ домой и не нашелъ царицу съ дѣтьми, то разсердился на народъ, перестрѣлялъ всѣхъ жителей, а самъ сдѣлался почти сумасшедшемъ. Съ тоски отъ одиночества онъ, подъ видомъ дервиша, отправился разыскивать свою жену. Ходилъ онъ много лѣтъ и наконецъ пришелъ въ ту мѣстность, где жила царица съ дѣтьми, и залюбовался красотой того мѣста... Въ то же время служанка царицы вышла за водой къ ключу. Царь подошелъ къ ней и спросилъ: «Кто здѣсь живеть?» Служанка отвѣчала, что здѣсь живеть вдова-царица съ двумя сыновьями. Царь подумалъ про себя: не моя ли это жена? Онъ снялъ съ руки перстень, подаренный ему царицей, незамѣтно пустилъ его въ кувшинъ съ водой и сказалъ служанкѣ: «когда ты будешь подавать царицѣ воду умываться, то сначала лей по немногу, а когда она скажеть тебѣ, чтобы ты лила какъ слѣдуетъ, тогда ты вылей остатъную воду вдругъ». Въ это время дѣти пришли къ царицѣ и сказали, что около ручья сидитъ какой-то дервишъ и что ему надо что-нибудь подать. Служанка пришла и стала подавать царицѣ умываться. Она сдѣлала такъ, какъ ей сказали дервишъ. Тогда царица спросила: кто тамъ сидить? и послала служанку позвать къ себѣ этого дервиша. Когда служанка пошла за дервишемъ, царица отворила дверь и узнала, что это ея мужъ. И дервишъ узналъ царицу. Тогда они бросились другъ другу въ объятья и стали продолжать въ этомъ новомъ мѣстѣ свою жизнь счастливо и радостно.

(Сказка записана Ибнъ-Яминъ-Бекомъ, сыномъ послѣдняго Конинского Хана Худайра, со словъ своей матери).

Красавица Дунья-кызъ, Баба-Яга и царевичъ.

Въ древности у одного царя было три сына. Однажды царь опасно заболѣлъ и, почувствовавъ приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ имъ: «Дѣти мои! жизнь моя уже кончается; я долженъ переселиться изъ этого непостоянного, преходящаго, міра въ міръ вѣчный, постоянный... Послѣ моей смерти вы, какъ наследники моего престола, должны будете управлять государствомъ; будьте же осмотрительны, справедливы, не обижайте народъ, покровительствуйте войнамъ и оказывайте помощь и содѣйствие торговцамъ. Если вамъ захочется поохотиться, то поѣзжайте по западной сторонѣ царства, но берегитесьѣздить въ восточную сторону его, такъ какъ дороги той стороны очень опасны: еще не было случая, чтобы кто возвратился изъ отправившихся туда. Будьте внимательны къ словамъ моимъ и строго держитесь моего завѣщанія». Вскорѣ потомъ царь умеръ и былъ похороненъ. По смерти царя высшіе сановники и визири, по общему желанію, избрали на царскій престолъ старшаго сына царя и, принявъ его подданство, отдались въ полную его власть.

Спустя некоторое время молодой царь, утомившись отъ дѣлъ государственныхъ, захотѣлъ освѣжиться и отдохнуть. Съ этой цѣлью онъ вмѣстѣ со своими приближенными отправился на охоту. Два дня уже царь наслаждался прелестями охоты среди раздольныхъ лѣсовъ и полей; много дичи и звѣрей было убито царемъ и его приближенными: охотники уже направлялись къ дому. Вдругъ около царя пробѣжалъ сайгакъ, царь бросился за нимъ и сталъ его преслѣдовывать. Сайгакъ все время бѣжалъ по направлению къ опасной восточной сторонѣ царства. Увлекшись охотой, царь забылъ предостереженіе отца и вслѣдъ за сайгакомъ заскакалъ въ самую глубину запрещенной стороны. Царь уже настигалъ сайгака и уже приготовился нанести ударъ ему, какъ сайгакъ перепрыгнулъ черезъ загородку убѣжалъ въ садъ, мимо котораго въ это время они пробѣгали. Не ждя упустить изъ рукъ добычу, царь вѣхалъ въ садъ и продолжалъ преслѣдованіе, но здѣсь среди зелени и деревьевъ сайгакъ вдругъ скрылся изъ глазъ царя. Въ недоумѣніи, царь началъ искать животное по всѣмъ угламъ сада и вдругъ увидѣлъ предъ собой 40 котловъ, наполненныхъ шурпой и мясомъ. Около котловъ стояла страшная старуха, Баба-Яга, которая, въ присутствіи царя, быстро сѣла все, что было приготовлено въ 40 котлахъ.

Тутъ Баба-Яга увидала молодого царя. Царь низко поклонился ей. Старуха осмотрѣла его и сказала: «Эй ты, потомокъ Адама! если-бы ты не поклонилсѧ мнѣ, я однимъ глоткомъ проглотила бы тебя: кто ты? почему ты явился сюда безъ моего разрѣшенія? Какъ ты осмѣлился притти сюда, когда чрезъ мой садъ птицы не могутъ пролетать и человѣкъ не прохаживалъ: у птицы крылья, а у человѣка и звѣра ноги загораются!» Выслушавъ угрозы Бабы-Яги, царь сказалъ: «Бабушка! я—царь такого-то царства. Я былъ на охотѣ и увлекся преслѣдованиемъ сайгака, который бѣжалъ вотъ по этой дорогѣ и привелъ меня въ этотъ садъ; здесь онъ скрылся у меня изъ виду». Сайгакъ этотъ принадлежалъ Бабѣ-Ягѣ, а потому разсказалъ о погонѣ царя за ея любимымъ сайгакомъ сильно разсердила Бабу-Ягу. Она велѣла царю подождать ея прихода, а сама пошла приготовить ему отравленную ядомъ похлебку (шурпа). Вскорѣ она возвратилась съ чашкою въ рукахъ и пригласила царя присѣсть и отведать ея кушанья. Царь сильно проголодался и, не догадываясь о коварствѣ Бабы-Яги, взялъ ложку и началъ ѡсть похлебку, но послѣ первой-же ложки упалъ на землю и скоро испустилъ духъ.

Оставшаяся въ полѣ царская свита тщетно иѣсколько дней разыскивала пропавшаго безслѣдно царя своего и, не находя его нигдѣ, возвратилась въ городъ.

Сановники (визири) порѣшили, что царь погибъ на охотѣ, а потому согласились избрать на царство второго царевича. Они прнесли бѣлую кошму, посадили на нее царевича и подняли его на кошмѣ, провозгласивъ царемъ.

Новый царь черезъ иѣкоторое время, по обычаю, подобно старшему брату, отправился на охоту. На охотѣ попался ему тотъ-же сайгакъ, который увлекъ его въ тотъ самый садъ, гдѣ погибъ его старший братъ. Тамъ царь встрѣтилъ ту-же Бабу-Ягу, сидящую у 40 котловъ и быстро поѣдающую въ нихъ все приготовленное. И этого царя постигла та-же участь, что и старшаго брата.

Послѣ долгихъ поисковъ, сановники (визири) выбрали на царскій престолъ младшаго царевича. Черезъ иѣкоторое время и новый царь устроилъ охоту. На охотѣ съ нимъ повторилось то-же приключеніе, что и съ его старшими братьями: сайгакъ проводилъ его въ садъ, а тамъ онъ встрѣтилъ за ёдой Бабу-Ягу. Баба-Яга, увидѣвъ его, спросила, зачѣмъ онъ явился, и царь объяснилъ причину. Баба-Яга лицемѣрно предложила ему отравленной похлебки. Но царевичъ былъ смѣтливѣе, нежели его погибшіе братья: онъ догадался, что Баба-Яга хочетъ отравить его, какъ отравила его братьевъ, и потому

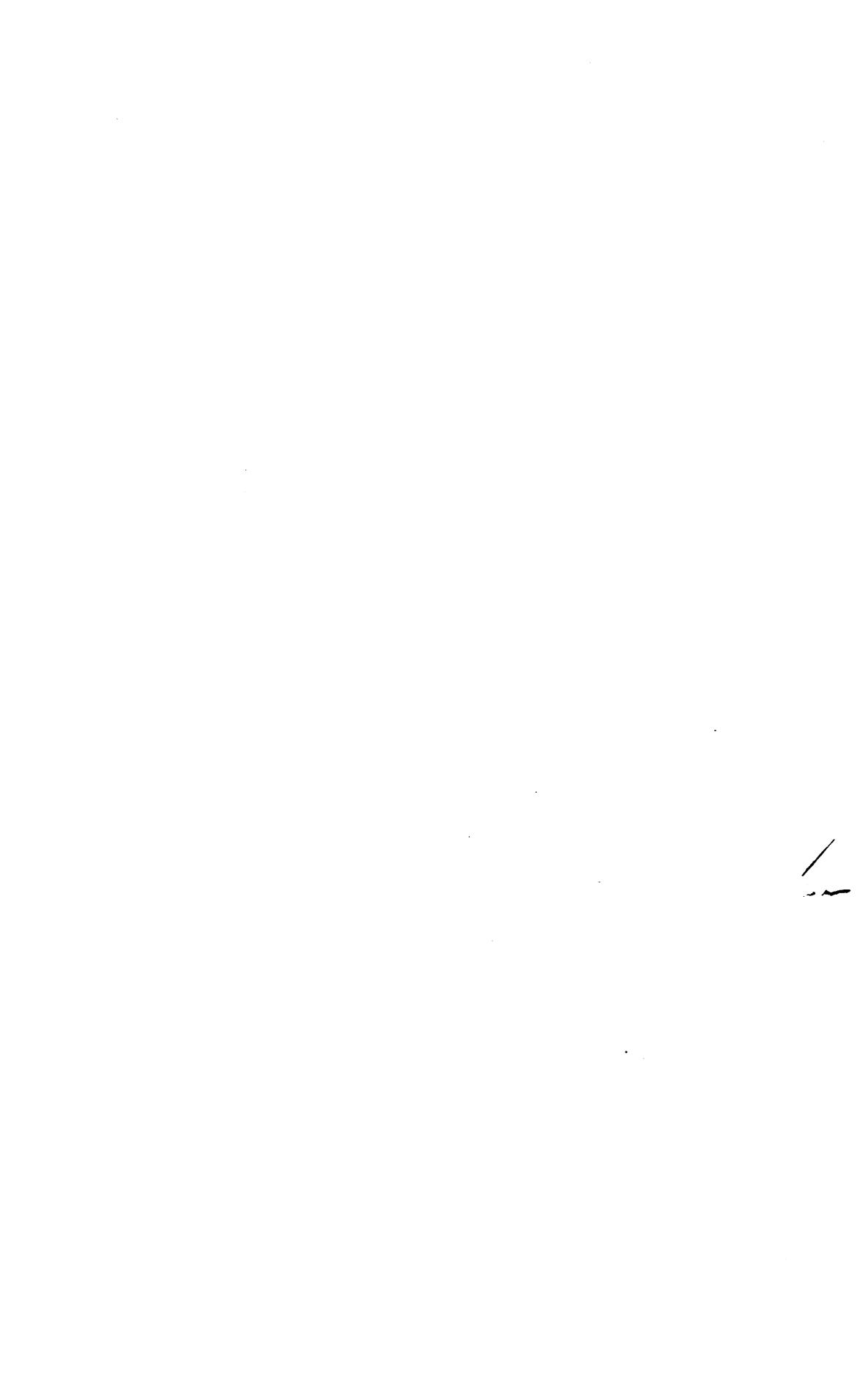
на предложеніе злой старухи, царевичъ вѣжливо отвѣчалъ: «Бабушка! я никогда не видалъ, чтобы гость приступилъ къ кушанью прежде хозяйки; если ты хочешь угостить меня, то, какъ хозяйка дома, попробуй сначала сама, а затѣмъ пригласи и гостя». Волей-неволей Баба-Яга отвѣдала кушанья, чтобы показать примѣръ гостю, но тутъ ей и смерть пришла...

Царевичъ пошелъ смотрѣть садъ. Вдругъ поднялся сильный вихрь. Въ отдаленіи онъ увидѣлъ красавицу-дѣвшушку, дочь Краснаго Дива. Она только что показалась и исчезла. Царевичъ съ одного взгляда влюбился въ нее и началъ разыскивать ее по саду. Въ поискахъ за красавицей онъ набрелъ на жилище Дива, который съ крикомъ и шумомъ злобно бросился на царевича, но царевичъ ухватилъ Дива за поясъ и началъ бороться съ нимъ. Они боролись цѣлыхъ сутки; наконецъ царевичъ поборолъ и покорилъ Краснаго Дива. Тогда Дивъ принялъ мусульманскую вѣру и сдѣлался покорнымъ царевичу.

Царевичъ вошелъ въ жилище Дива и сталъ совѣтываться съ нимъ о томъ, какъ увидѣть исчезнувшую изъ его глазъ красавицу. Дивъ сказалъ: «царевичъ! дѣвшушку эту зовутъ «Дюнья-Кызъ»; она дочь Дива, но какъ достать ее, я не знаю. У меня есть старшій братъ Бѣлый Дивъ; онъ больше моего знать и можетъ посовѣтовать тебѣ, какъ найти эту дѣвшушку. Но смотри, царевичъ, добавилъ Дивъ; будь остороженъ: Бѣлый Дивъ сильнѣе меня и можетъ погубить тебя». — Царевичъ, уповая на Бога, отправился къ Бѣлому Диву.

Увидѣвъ царевича; Бѣлый Дивъ бросился на него, и между ними началась борьба, они боролись цѣлыхъ девять дней. Наконецъ царевичъ одолѣлъ Дива и спросилъ его, какъ достать красавицу. Бѣлый Дивъ сказалъ: «Царевичъ! какъ достать Дюнью-Кызъ, я не знаю; но у меня есть старшій братъ, Черный Дивъ; онъ больше меня знать и можетъ тебѣ дать полезный совѣтъ»... Царевичъ отправился къ Черному Диву. Черезъ нѣсколько дней царевичъ прибылъ къ Черному Диву и не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда увидѣлъ самого Дива. Черный Дивъ былъ такъ великъ, что описать невозможно: ноги его, какъ тополя, ротъ какъ пещера, носъ какъ труба. Но не смотря на ростъ и силу Чернаго Дива, царевичу нужно было покорить этого Ифрита*), и царевичъ бросился на Дива, и они начали бороться. Боролись они 14 дней. На 15-й день царевичъ, собравъ всю силу и ловкость, поднялъ Ифрита обѣими руками на воздухъ, и бро-

*) Имя главнаго демона, прислуживавшаго Соломону (Коранъ 27, 39). Н. О.

ДИВЪ «АКВАНЪ» (въ Шахъ-нали)

силъ его отъ себя. Дивъ отльтъ на цѣлые 20 саженей и замертво бухнулся на землю. Въ тотъ же моментъ царевичъ наскочилъ на Дива и вонзилъ ему въ шею кинжалъ. Дивъ принужденъ былъ сдаться и покорился царевичу, принявъ мусульманскую вѣру. Царевичъ рассказалъ ему о своемъ желаніи овладѣть Дюнья-Кызъ и просилъ Дива помочь ему. Ифритъ выслушалъ рѣчъ царевича и сказалъ: «царевичъ! къ сожалѣнію, я не могу помочь твоему горю; но не далеко отсюда живетъ моя родная матерь; она можетъ помочь тебѣ. Только ты не вступай съ ней въ борьбу. Тебѣ не одолѣть: она очень сильна; кроме того, она умѣеть хорошо колдоватъ и можетъ превратить тебя во чтобы ни пожелала, а потому тебѣ не одолѣть ея. Если хочешь получить отъ нея помощь, будь съ ней вѣжливъ, скроменъ; ты долженъ будешь служить ей, готовить ей обѣдъ въ 40 котлахъ и мести дворъ. Для этого возьми чинаровое дерево на кочергу и изъ цѣлаго воза хвоста свяжи метлу. Кочергой ты будешь мѣшать огонь подъ котлами, а метлой мести дворъ. Такимъ образомъ ты покажешь ей свою *преданность*. Она оцѣнитъ твою усердную службу и спросить тебя, чего ты желаешь и съ какими цѣлями живешь у нея и служишь ей. Лишь только этимъ путемъ ты можешь достичь своей цѣли». — Царевичъ внимательно выслушалъ совѣтъ Чернаго Дива и, не медля ни минуты, отправился къ Бабѣ-Ягѣ, матери дивовъ, и исполнить въ точности совѣтъ Чернаго Дива: царевичъ долго служилъ у Бабы-Яги, всѣ время ожидая вниманія ся. Наконецъ вѣдьма, въ хорошемъ расположениіи духа, обратила свое вниманіе на царевича, подошла къ нему поближе, посмотрѣла на него и любовалась, какъ онъ усердно служилъ. «Зачѣмъ ты, потомокъ Адама, пришелъ сюда?» сказала она: — «что тебя побудило далеко такъ уйти и чего ты желаешь отъ меня?» Царевичъ рассказалъ. Вѣдьма выслушала разскѣзъ царевича со вниманіемъ и сказала: «о человѣкъ! достать Дюнью-Кызъ очень трудно; хотя городъ, въ которомъ она живетъ и недалеко отсюда, но видѣть ее нельзя; однако я могу въ свою очередь усугубить тебѣ, человѣкъ, хорошимъ совѣтомъ; я пойду туда туда вмѣстѣ съ тобой, а затѣмъ скажу, какъ поступать въ этомъ трудномъ дѣлѣ»...

Они проѣхали нѣсколько царствъ и наконецъ подъѣхали подъ стѣны того города, въ которомъ жила Дюнья-Кызъ. Старая вѣдьма научила царевича, какъ попасть въ саальню Дюнны-Кызъ. «Вотъ у нея тутъ конюшня», указала вѣдьма, «а въ конюшнѣ конь, Юзъ-Ать. Ты вотъ здѣсь надъ фундаментомъ конюшни прокопай отверстіе и пропусти свою голову; Юзъ-Ать увидитъ тебя и заржетъ. Дюнья-Кызъ

навѣрно спить теперь: у ней сонъ длится 40 дней и 40 ночей и никто не можетъ разбудить ее, кромѣ Юзъ-Ата. Когда же лошадь заржетъ, Дюнья-Кызъ проснется, встанетъ и будетъ смотрѣть. Въ то время ты долженъ спрятаться. Убѣдившись, что никого нѣтъ, она опять ляжетъ спать. Тогда ты снова выгляни, конь снова заржетъ, Дюнья-Кызъ опять встанетъ и выйдетъ. Такъ сдѣлай до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ она разсердится на Юзъ-Ата и, не обращая никакого вниманія на ржаніе своего коня, крѣпко заснетъ. Тогда ты пролѣзешь въ конюшню, а оттуда можешь проникнуть въ ея спальню. Лишь только войдешь туда, схватись за ея 40 косъ. Она проснется и дастъ обѣщаніе быть твою женою и поклянется тебѣ Аллахомъ; но ты не вѣрь ей и не выпускай изъ своихъ рукъ ея 40 косъ до тѣхъ поръ, пока она не поклянется своими 40 косами. Тогда ты можешь выпустить ея косы и повѣрить словамъ ея».

Царевичъ исполнилъ все въ точности, и Дюнья-Кызъ сдалась ему. На другой день она призвала двухъ мастеровъ-каменщиковъ и муллу. Каменщикамъ она велѣла выстроить домъ, а казій-мулла обвѣчалъ ихъ. Для новобрачныхъ настала счастливая жизнь. Черезъ нѣкоторое время царевичъ захотѣлъ походить, отдохнуть, провѣтриться и подышать свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ. Онъ отправился на охоту. Въ его отсутствіе Дюнья-Кызъ пошла къ рѣкѣ Дарьѣ вымыть свою голову. Къ тому-же мѣсту съ другой стороны Дары подошелъ и царевичъ. Во это время съ головы ея упалъ одинъ волосъ; Дюнья-Кызъ хотѣла схватить волосъ, но быстрое теленіе унесло его внизъ по Дарьѣ. Не могла она поймать волосъ и закричала царевичу, чтобы онъ помогъ ей. Но царевичъ, какъ ни старался, не могъ поймать ея волоса. Дюнья-Кызъ была сильно встревожена этимъ. Царевичъ старался успокоить ее. «Зачѣмъ ты такъ тревожишься изъ-за одного какого-то волоса?» говорилъ онъ ей. Дюнья-Кызъ отвѣчала: «это дурной знакъ; я боюсь, какъ бы насть, или наше государство не постигло бѣдствіе; сердце мое ноетъ и предчувствуетъ бѣду». Оба они возвратились во дворецъ сильно встревоженными.

Тутъ сказка о Дюнья-Кызъ нока прерывается и начинается разсказъ о царѣ Чинъ-Мачинскаго (Китайскаго) царства. Этотъ государь уже давно былъ влюблѣнъ въ Дюнью-Кызъ по слухамъ, и разослалъ по своему государству указъ о томъ, что если кто-нибудь дастъ извѣстіе о мѣстѣ проживанія Дюнья-Кызъ, или кто достанетъ ему хотя одинъ волосъ съ ея головы, то царь обѣщалъ тому много наградъ. Предсказатели—захари говорили царю, что, по выходѣ замужъ, Дюнья-Кызъ будетъ мыть свою голову на Дарьѣ и потеряетъ

одинъ волосъ съ головы; если волосъ ея попадеть въ чьи-либо руки то она и сама должна погибнуть въ руки того человѣка...

Волосъ Дюнья-Кызъ течениемъ Дары привнесенъ былъ во владѣнія Китайскаго царя и былъ пойманъ старухой колдуньей. Хитрая старуха сразу догадалась, что этотъ волосъ съ головы Дюнья-Кызъ. Она отправилась во дворецъ и доложила о найденномъ волосѣ царю. Китайскій царь обрадовался и щедро вознаградилъ старуху. Потомъ онъ собралъ все свое войско и отправился по дорогѣ, ведущей къ городу Дюнья-Кызъ. Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ съ войскомъ подъ стѣнами этого города. Дюнья-Кызъ, увидѣвъ несмѣтныя силы непріятеля, осѣдала своего коня Юзъ-Ать, и одна выѣхала противъ многочисленныхъ враговъ. Много она побила ихъ мечемъ и потоптала конемъ, наконецъ устала и возвратилась домой. Нѣсколько разъ она такъ выѣждала за стѣну города и по-богатырски билась съ непріятелемъ, но окончательно одолѣть его не могла. Вотъ она осѣдала другого коня Дю-Ать и снова поскакала противъ враговъ. Нападеніе ея было такъ стремительно, что непріятель не могъ устоять противъ нея. Тогда царь Чинь-Мачина сталъ совѣтоваться съ войскомъ, что дѣлать. Войско дало совѣтъ, чтобы царь немедленно разослалъ по царству Дюнья-Кизъ объявленіе о томъ, что если кто поможетъ ему, Китайскому царю, покорить Дюнью-Кызъ, то получить въ награду много золота и городовъ.

Въ царствѣ Дюнья-Кызъ жила старуха—вѣдьма. Узнавъ о объявленіи Чинмачинскаго царя, она тайкомъ прокрались къ нему въ станъ и сказала: «Царь! ты всѣмъ царямъ царь. Хотя ты и силенъ, но силой овладѣть Дюнья-Кызъ нельзя. Теперь ты долженъ отступить и переправить свои войска обратно черезъ Дарью. На той сторонѣ ты выберешь себѣ временно мѣсто и будешь ожидать, а я одна устрою это дѣло и приведу къ тебѣ красавицу». Китайскій царь сдѣлалъ все, что совѣтовала вѣдьма, а вѣдьма пошла къ Дюнью-Кизъ и напросилась къ ней прислугой въ домѣ. Однажды въ разговорѣ съ мужемъ Дюнья-Кызъ вспомнила о старухѣ и сказала ему: «я ненавижу эту старуху и боюсь, какъ-бы она не сдѣлала намъ зла; лучше было-бы ей отказать»... Но царевичъ не согласился и, стараясь успокоить жену, сказалъ ей: «зачѣмъ прогонять старуху? Она служить хорошо, а дурное что она можетъ съ нами сдѣлать?»... Однажды хитрая вѣдьма подошла къ Дюнью-Кызъ и, низко поклонившись, стояла передъ ней. Царица предложила ей сѣсть. Старуха сѣла возлѣ Дюнья-Кизи и начала разговоръ о житьѣ—бытьѣ. Въ разговорѣ старуха обратилась къ Дюнью-Кызъ со слѣдующей рѣчью: «дочь

Дива! ты вышла замужъ за человѣка, но знаешь-ли ты кто онъ такой и изъ какого рода-племени? «Дюнья-Кызъ на это сказала: «до сихъ поръ между нами объ этомъ не было разговора». Тогда вѣдьма сказала царицѣ: «Если ты желаешь узнать всю правду, я могу научить тебя какъ поступить, чтобы вывѣдать отъ мужа все. Когда царь вернется съ охоты, ты должна притвориться грустной, беспокоящейся о чѣмъ-то. Тогда онъ, замѣтивъ твою грусть и беспокойство, спросить тебя о причинѣ грусти. На это ты самыи печальнымъ голосомъ скажи: о, мой милый мужъ! мы поженились съ тобой уже давно, но до сихъ поръ я не смѣла спросить о томъ, кто ты такой, какого рода-племени; оставаясь часто одна въ домѣ, я сильно беспокоюсь и скучаю»... Если ты такъ отвѣтишь на вопросъ мужа, онъ откроется тебѣ», добавила старуха.

На другой день царевичъ пріѣхалъ съ охоты очень веселымъ и довольнымъ, но, увидѣвъ жену печальной, встревожился и спросилъ ее о причинѣ грусти. Дюнья-Кызъ сказала такъ, какъ научила ее старуха. На ея вопросъ онъ сказали: «я царевичъ изъ дальняго царства. Я оставилъ свое царство, богатство, почести, войско и изъ своего царства выѣхалъ лишь съ одной лошадью, одной нагайкой и съ однимъ вотъ этимъ кинжаломъ, въ которомъ и находится моя душа; пока кинжалъ въ моихъ рукахъ, никто не можетъ убить меня и забрать въ руки; но если этотъ кинжалъ будетъ вырванъ у меня изъ рукъ кѣмъ-либо, то я тотчасъ-же умру»...

Вѣдьма въ это время спряталась за дверьми и выслушала разсказъ царевича. Она съ нетерпѣнiemъ дождалась ночи и, когда царевичъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, старуха осторожно прокраилась къ немъ въ спальню, похитила кинжалъ и бросила его въ колодезь. Царевичъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, а Дюнья-Кызъ не догадывалась объ его смерти. На другой день вѣдьма въ заколдованнымъ костюмѣ явилась къ царицѣ и сказала: «я вижу тебя, царица, скучной! Не угодно ли тебѣ будешь сходить прогулиться по берегу Дарьи и насладиться вольнымъ воздухомъ, пока спить мужъ». Царица согласилась, и скоро онъ обѣ вышли изъ города и подошли къ берегу Дарьи. Здѣсь вѣдьма сказала царицѣ: «хочешь, царица, я пройду по Дарьѣ, какъ по сухой дорогѣ?» Дюнья-Кызъ заинтересовалась и просила показать ей чудо. Старуха пошла по поверхности воды, какъ по землѣ; она прошла до противоположного берега и снова возвратилась къ царицѣ. Царица не мало удивилась хитростямъ старухи. Тогда старуха сказала ей: «если и ты хочешь походить по водѣ, то попробуй! Удивленная Дюнья-Кызъ пожелала испытать. Тогда вѣдьма надѣла на нее закол-

дованием плащ, и царица свободно пошла по водѣ, какъ по суху. Старуха повела ее къ той сторонѣ, где стояло войско Китайского царя. Воины, стоявшіе на стражѣ, взяли Дюнью-Кызъ и представили своему царю. Царь сильно обрадовался и щедро наградилъ старуху, а самъ съ Дюнью-Кызъ и войсками отправился въ свое царство.

Дюнья-Кызъ сильно скучала и печалилась о царевичѣ, а царь Чини-Мачина сдѣлалъ ей предложеніе быть его женою. Но Дюнья-Кызъ просила отсрочки на шесть мѣсяцевъ. Она предчувствовала, что увидится еще со своимъ мужемъ-царевичемъ; она надѣялась освободиться отъ Китайского царя. Китайский царь согласился на просьбу Дюнью-Кызъ и держалъ ее въ одной дворцовой комнатѣ.

Возвратимся теперь къ умершему царевичу и покореннымъ имъ тремъ Дивамъ: Красному, Бѣлому и Черному. Каждый изъ нихъ далъ царевичу по волосу и говорилъ: «если тебѣ будетъ нужна моя помощь, сожги этотъ волосъ, и я моментально явлюсь къ тебѣ». Царевичъ въ свою очередь указывалъ имъ на одну звѣзду, говоря: «если эта звѣзда исчезнетъ, то меня не будетъ на этомъ свѣтѣ». Теперь Дивы, не получая отъ него никакого извѣстія, вспомнили обѣ его предсказанія и вечеромъ искали ту звѣзду, на которую онъ указывалъ имъ, но не могли ее найти. Тогда они рѣшились всеѣ вмѣстѣ отправиться въ царство Дюнью-Кызъ, чтобы узнать о случившемся съ царевичемъ. Когда они прилетѣли ко дворцу Дюнью-Кызъ, то увидѣли, что царевичъ мертвъ и лежитъ въ спальне. Они замѣтили, что его книжала нѣть при немъ и посредствомъ волшебной силы достали книжалъ изъ колодца и положили возлѣ умершаго царевича. Царевичъ всталъ, какъ-бы послѣ глубокаго сна, а Дивы разсказали ему о случившемся. И царевичъ рѣшилсяѣхать въ Чини-Мачинское царство разыскивать свою любимую супругу. Проѣхавъ нѣсколько царствъ и государствъ, онъ достигъ столицы царя Чини-Мачина. Здѣсь онъ сѣлъ на одной улицѣ отдохнуть. Мимоего проходилъ юродивый (дивана). Царевичъ спросилъ его о новостяхъ. Дивана отвѣтилъ: «царь нашъ откуда-то привезъ красавицу, дочь духа, по имени Дюнья-Кызъ, на которой хочетъ жениться. Онъ уже сдѣлалъ ей предложеніе, но красавица не желала выходить за нашего царя и просила отсрочки на шесть мѣсяцевъ. Просьбу ея царь принялъ». Царевичъ, выслушавъ разсказъ диваны, обратился къ нему съ просьбой: «Каляндаръ *), ты одѣнь мой царскій костюмъ, а свой каляндарскій дай мнѣ». Каляндаръ согласился, снялъ

* Название дервишей въ Бухарѣ и Туркестанѣ. И. О.

свой костюмъ и отдалъ его царю, а самъ одѣлся въ одежды царя и пошоль своей дорогой. Царевичъ въ видѣ каляндара отправился во дворецъ и тамъ, за стѣною сада, въ которомъ жила Дюнья-Кызъ, усѣлся. Изъ сада вышла дѣвушка съ мѣднымъ (кунгани) рукою и никомъ въ рукахъ. Она засерпнула воды изъ арыка и хотѣла итти обратно, какъ услышала, что кто-то зоветъ ее. Она оглянулась въ ту сторону, откуда ее звали, и увидѣла человѣка въ оборванной одеждѣ каляндара. Взглядъ этого человѣка былъ настолько повелителенъ, что она не могла не послушаться, и подошла. Каляндарь спросилъ ее, куда она несетъ воду. Узнавъ, что эта дѣвушка несетъ воду для Дюнья-Кызъ, онъ разспросилъ ее о царицѣ. Потомъ онъ подошелъ къ служанкѣ и незамѣтно спустилъ въ рукою свой перстень. Возвращая кунгани, онъ сказалъ: «вотъ тебѣ кунгани; когда ты будешь лить воду на руки госпожи, то сначала лей понемногу; она разсердится на тебя и прикажетъ лить больше. Тогда ты не бойся, лей всю воду сразу. Если ты сдѣлаешь такъ, то въ послѣдствіи будешь самой приближенной къ Дюнья-Кызъ дѣвушкой». Дѣвушка исполнила такъ, какъ научилъ ее ницій. Когда она выпила всю воду сразу, то изъ сосуда со звономъ вышло кольцо. Дюнья-Кызъ увидѣла узнала кольцо своего мужа и спросила дѣвушку, откуда она достала это кольцо. Дѣвушка, не ожидая этого сама, смущилась, но потомъ рассказала царицѣ все, что съ ней случилось у арыка. Дюнья-Кызъ велѣла ей принести мѣшокъ золота, а сама пошла къ юродивому. Это, какъ она и предполагала, быль ея мужъ, царевичъ умершій. Они обрадовались встрѣчѣ и возблагодарили Бога, возвратившаго имъ счастіе. Потомъ они совѣтывались, какъ освободиться отъ Чини-Мачинскаго царя. Дюнья-Кызъ сказала: «ты приходи сюда ночью и будь вотъ здѣсь, а я запасусь одеждой и золотомъ и спущусь по канату черезъ стѣну». Затѣмъ она вернулась въ свою комнату и приготовилась къ побѣгу. Когда настала ночь, она захватила все необходимое и спустилась со стѣны; но увы! подъ стѣнами стояло 40 человѣкъ воровъ, а утомленный мужъ въ ту ночь спалъ, какъ убитый, на условномъ мѣстѣ. Воры схватили Дюнью-Кызъ и отобрали у нея все золото, а изъ-за нея самой у нихъ произошлассора и драка. Дюнья-Кызъ видѣла это и знала, что дѣло окончится для нея несчастіемъ. Она обратилась къ разбойникамъ съ хитрымъ совѣтомъ: «Господа! я спущу стрѣлу изъ этого лука, и тотъ, кто изъ васъ принесетъ ее, тотъ и будетъ обладать мною». Разбойники согласились—побѣжали за пущенной Дюнья-Кызъ стрѣлой. Оставшись одна, Дюнья-Кызъ подрѣзала жилы у всѣхъ 40 коней,

взяла все цѣнное у воровъ, скрылась. Воры бѣгали за стрѣлкой цѣлую ночь и не могли найти. Вернувшись назадъ, они увидѣли, что вещи унесены, ноги у всѣхъ лошадей порѣзаны, а Дюны-Кизъ и слѣдъ простиль. Убѣжавъ отъ 40 разбойниковъ, Дюнья-Кызъ наткнулась на 7 воровъ; она вступила съ ними въ борьбу: одного изъ нихъ убила, а другіе, видя силу и храбрость ея, сами убѣжали.

Послѣ разныхъ приключений и трудовъ, она дошла до одного великаго города. Въ этомъ городѣ былъ обычай послѣ смерти царя выпускать штицу «Хумаюнъ» (царскую птицу), и на кого изъ людей садилась эта штица, того и выбирали царемъ. Дюнья-Кызъ подошла къ городу во время избранія царя. Птица Хумаюнъ, сѣлавши иѣсколько круговъ, сѣль на голову Дюнья-Кызъ. Народъ избралъ ее на царство. Царица очень мудро управляла своимъ царствомъ, и народъ благодѣйствовалъ и наслаждался спокойствиемъ подъ ея управлениемъ. Однажды Дюнья-Кызъ сняла съ себя портретъ и приказала вывѣстить его надъ городскими воротами. Около портрета она приставила стражу и велѣла ей хватать всякаго, кто съ удивлениемъ будетъ смотрѣть на этотъ портретъ. Въ одинъ день къ воротамъ подошли 40 человѣкъ разбойниковъ. Они удивились, увидя на портретѣ красавицу, бывшую у нихъ въ рукахъ. Стража схватила ихъ и посадила въ тюрьму. Послѣ къ воротамъ подошли 6 человѣкъ воровъ. Они то же удивились, увидя портретъ, и тоже были арестованы. Наконецъ послѣ долгихъ и напрасныхъ скитаний въ поискахъ за женой, къ городскимъ воротамъ подошелъ бывшій царь и, увидя надъ воротами портретъ своей жены, упалъ въ обморокъ и былъ тоже взятъ караульщиками и арестованъ.

Въ одинъ день Дюнья-Кызъ призвала караульщиковъ и спросила ихъ: «былъ-ли кто удивленъ моимъ портретомъ?» Кардаульщики доложили ей объ арестованныхъ ими. Царица приказала ихъ привести къ себѣ. Арестованные были приведены. Дюнья-Кызъ изъ-подъ покрышки спросила сначала 40 разбойниковъ: «почему вы удивились, увидя портретъ надъ воротами?» Воры сказали: «насъ было сорокъ человѣкъ, и красавица эта была въ нашихъ рукахъ, но она обманула насъ и убѣжала. Мы вездѣ искали ее, но не могли найти и вдругъ увидели ея лицъ здѣсь на воротахъ и удивились». Затѣмъ были приведены 6 воровъ. Она также спросила ихъ, и тѣ отвѣтили на ея вопросъ: «Насъ было 7 человѣкъ; владѣтельница этого лика встрѣтилась съ нами, мы хотѣли взять ее въ руки, но она храбро дралась и одного изъ насъ убила, а мы, боясь ея, уѣжали отъ нея, но потомъ стали искать ее и вотъ здѣсь увидѣли ея портретъ».

Дюнья-Кызы спросила: «не сдѣлали ли вы ей какого-либо насилия?» «Нѣтъ!» сказали воры въ одинъ голосъ, даже рукой не дотрогивались». Дюнья-Кызы освободила ихъ и подарила имъ по одному хорошему халату. Затѣмъ она велѣла принести царскую одежду, сняла съ мужа баландарскую (дервишскую) одежду, надѣла на него одежду царскую и сказала: «вотъ ты выслушалъ разсказъ этихъ воровъ; они рассказали о знакомой тебѣ Дюнны-Кызы. Ты думаешьъ, что павѣки потерялъ ее; но она еще не умерла, она жива». Сказавъ это, Дюнья-Кызы сняла съ лица покрывало и, показывая себя, сказала: «вотъ она сама, Дюнья-Кызы». Вместо себя на царскій тронъ она посадила мужа и всенародно объявила себя женой вновь поставленного царя. Съ тѣхъ поръ они стали счастливо жить да поживать.

(Записана въ кишлакѣ Кабрай, близъ Ташкента, со словъ базарного торговца, въ 1892 г. въ августѣ, въ базарный день).

Джулекъ-Батыръ.

Жилъ-былъ старикъ со старухою. У нихъ было три сына. Самаго младшаго изъ нихъ звали Джулекъ-батыромъ. У старика была кобыла, которая жеребилась каждый годъ, но только жеребенокъ ея каждый годъ пропадалъ. Пришелъ старшій сынъ и сказалъ: «Отецъ! я сегодня ночью постерегу и посмотрю, нельзя ли мнѣ получить жеребенка». Да, ступай, сынъ мой, сказаль отецъ. Сынъ взялъ стрѣлы и лукъ и вошелъ въ конюшню. Насталъ вечеръ, наступила полночь. Онъ ждалъ, а все ничего нѣтъ: и кобыла не рожасть, и въ дверь никто не входить. Наконецъ сонъ одолѣлъ его, а со стороны кто-то вошелъ и унесъ жеребенка. Утромъ разсвѣло. Мулла прокричалъ азантъ. Царевичъ вышелъ изъ конюшни, волоча свой тулушъ. Отецъ сказалъ: «Ха, сынъ мой, что новаго?—О отецъ! кобыла ожеребилась, но кто-то унесъ жеребенка, когда я спалъ, отвѣтилъ онъ.

Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ. Кобыла забеременѣла опять. Въ тотъ вечеръ, когда можно было сказать: завтра ожеребится кобыла,—средній сынъ сказалъ: «Отецъ! этотъ разъ позволь мнѣ пойти». Тотъ отвѣчалъ: твой старшій братъ что могъ сдѣлать? Что же ты сдѣлаешь?—«Да, отецъ я тоже хочу пойти

разъ и посмотрѣть. Если можно, я увижу». —Хорошо, ступай, дитя мое.—И сынъ пошелъ съ лукомъ и стрѣлами и вошелъ въ конюшню...

Пришла полночь, а за полуночью настало время зари. Онъ видѣлъ, что ничего нѣтъ: кобыла не родила... А когда онъ на одной сторонѣ конюшни заспулъ, на другой сторонѣ кобыла родила, но *ничто* вошло и унесло жеребенка. Разсвѣло и мулла прокричалъ азанъ. Волоча за собою тулупъ, царевичъ вышелъ. —Ха, сынъ мой! каково?—Да, отецъ мой! я не доглядѣлъ: кобыла родила, а *ничто* опять унесло жеребенка. Развѣ я не сказалъ: твой старшій братъ что сдѣлалъ? ты чтѣ сдѣлаешь?...

Проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ. Кобыла опять забеременѣла. Эта разъ случилось Джулекъ-Батыру притти. «Отецъ, сказалъ онъ, позволь мнѣ: теперь я самъ пойду и посмотрю». «Ха, сынъ мой: твой старшій братъ что сдѣлалъ? Твой средній братъ что сдѣлалъ? Ты что можешь сдѣлать?» Онъ отвѣтилъ: позволиши ты или нѣтъ, но я пойду сегодня ночью и постерегу.—Да, сынъ мой, ступай, попробуй; тебѣ же придется лишиться сна; ты самъ знаешь, что тебѣ дѣлать.

Джулекъ пошелъ съ лукомъ и стрѣлами и вошелъ въ конюшню. Пришелъ вечеръ, пришла полночь, за полуночью пришло время зари. Его также клонило ко сну. Онъ досталъ изъ кармана ножикъ и сталъ рѣзать себѣ мизинецъ, да посыпалъ солью немного. Отъ жгучей боли его сонъ прошелъ. Онъ все выматривалъ, какъ вдругъ кобыла родила и одновременно съ этимъ въ дверь вошло *ничто* и подняло жеребенка. Джулекъ пріѣхалъ на обоихъ вмѣстѣ и выстрѣлилъ. Хвостъ жеребенка и мизинецъ Дива упали внизъ... Утро разсвѣло. Мулла прокричалъ азанъ. Джулекъ также выскочилъ на дворъ. Его отецъ сказалъ: «Ха, дитя мое, что новаго?—Отецъ, сказалъ онъ, кобыла родила, а жеребенка *ничто*, вошедшее въ дверь, унесло. Я пустилъ стрѣлу чрезъ обоихъ и отдѣлилъ хвостъ отъ жеребенка и мизинецъ отъ Дива. Ну—ка ступай и посмотри.—Отецъ сказалъ: я пойду посмотретьъ, каковъ мизинецъ Дива. Отецъ вошелъ въ дверь и увидѣлъ *ничто*, лежащее на землѣ, подобно трупу верблюда. Если мизинецъ таковъ, сказалъ онъ, то сколь же страшенье должно быть самъ Дивъ! Молодецъ, сынъ мой! молодецъ, сынъ мой! молодецъ, сынъ мой! И отецъ похлопалъ сына по плечу. «Отецъ, отвѣтилъ онъ: этимъ горемъ ты меня не остановишь. Если ты позволишь, я пойду за своимъ жеребенкомъ». Ха, сынъ мой! ты бѣлизна и зрачокъ моего глаза, ясность моего зрѣнія, сила моей души, единственный мой сынъ! На твоихъ двухъ братьевъ я не полагаюсь.—Ха, отецъ мой! разрѣшишь ты или нѣтъ, я уйду». Такъ прощай! сказалъ отецъ.

Бессильнымъ и безнадежнымъ онъ пошелъ. Онъ поджарилъ себѣ толокна, положилъ его въ сумку, принялъ благословеніе отъ отца и матери и пустился въ путь. Вдругъ онъ, къ величайшему удивленію своему, увидѣлъ своихъ двухъ братьевъ, бѣжавшихъ вслѣдъ за нимъ. Куда тебѣ дорога, Джулекъ? спросили они. Я иду за своимъ конемъ и я найду и приведу своего коня, сказалъ онъ. Два брата его разсуждали такъ: когда нашъ младшій братъ ушелъ, для чего же мы, старшіе братья, будемъ оставаться здѣсь?—И такъ они втроемъ пошли въ путь. Долго они шли. Много они отошли. Сорокъ дней и сорокъ ночей они прошли. Они дошли до развѣтвленія дороги, гдѣ посреди трехъ расходившихся дорогъ былъ камень съ надписью: «Кто пойдетъ направо,—придетъ; кто пойдетъ прямо — или придетъ или не придетъ; кто пойдетъ налево, не придетъ никогда». Старшій братъ пошелъ на дорогу, по которой приходилось притти назадъ; средній братъ пошелъ на дорогу, по которой приходилось или притти или неѣть, а Джулекъ-батырь пошелъ на дорогу, по которой приходилось никогда не притти...

Оставимъ двоихъ братьевъ; пусть они себѣ идутъ. Послушайте о Джулекѣ-батырѣ.

Онъ шелъ безостановочно сорокъ дней и сорокъ ночей и вышелъ на холмъ. Оттуда онъ оглянулся и увидалъ на разстояніи трехъ-дневнаго пути ограду сада. Онъ пошелъ туда и вошелъ въ садъ.

Этотъ садъ былъ такой, что ой, ой: вода стояла на клеверѣ*), а клеверъ колыхался надъ водою; плоды поспѣвали и падали кучами на землю; попугаи говорили и соловьи пѣли; одѣяла постланы везде, а на нихъ подушки съ пухомъ лебедя; шелковые ковры разостланы; въ котлѣ съ семью ручками пловъ сваренъ... Онъ совершилъ омовеніе, прочиталъ двѣ благодарственные молитвы и задумалъ прилечь споспать тамъ. Онъ уже положилъ голову на подушку, какъ одна прислужница, пошедшая за водою и наполнившая золотой кувшинъ, прошла мимо него. Когда она увидѣла юношу, лежащаго у берега пруда, то пустилась бѣжать и сказала своей госпожѣ изъ рода пяри: «У берега пруда лежитъ юноша. Не знаю, откуда онъ». Тогда, надѣвъ золотые башмаки, подперши свою тонкую талию и прикусивъ свою тонкую губу, пяри пошла потихоньку, словно говоря земль: если ты поблагодаришь, я ступлю, а если неѣть, я не ступлю. Пяри подошла къ берегу пруда и сказала юношѣ: «Ты цвѣтокъ какого сада? ты соловей какой лужайки? Что ты улетѣлъ изъ гнѣзда и прибылъ въ эти края? Здѣсь, когда муха пролетить, она обожжетъ себѣ крылья, а когда человѣкъ пройдетъ, онъ обожжетъ

* Себарга — „трилистникъ“.

себѣ ногти. Какъ ты, не побоявшись за свою голову, пришелъ сюда?» Онъ отвѣтилъ: Не говори во-первыхъ съ голоднымъ, а во-вторыхъ съ голымъ и въ-третьихъ съ усталымъ. Я самъ и голодный, и голый, и усталый. Оставь всякий разговоръ и скажи, что мнѣ поѣсть. Она отвѣтила: «Передъ вами стоитъ сваренный въ котль съ семью ручками пловъ; затѣмъ зайдите въ домъ, тамъ мясо семи барановъ изжарено, а затѣмъ войдите въ ту комнату, тамъ въ семи печахъ свѣжеиспеченный хлѣбъ. Поѣшьте, чего хотите, досыта и выйдьте, а затѣмъ поговорите». —Хорошо: онъ пловъ изъ котла съ семью ручками сѣѣть въ семь глотковъ, хлѣбы изъ семи печей сѣѣть въ семь глотковъ и даже соскребь крошки, а потомъ вышелъ и сказалъ: о пяри! есть ли еще у васть запрятанный какой-нибудь кусокъ хлѣба? уголокъ моего живота остался голоднымъ.—О глупецъ, сказала она: развѣ ты сѣѣть всю пищу?—Женщина бываетъ глупа, отвѣчалъ онъ: развѣ ты не можешь войти и посмотрѣть?—Она пошла и увидѣла, что нѣть ни хлѣба, ни мяса, ни плова. Онъ спросилъ: Скажи мнѣ, чье это мѣсто? Она отвѣтила: Это мѣсто Чернаго Дива. Откуда онъ придется? спросилъ онъ. Вотъ отсюда, сказала она, изъ степи, съ острова онъ придется. Джулекъ пошелъ на дорогу Дива и спрятался подъ мостомъ. Вдругъ издали показался Дивъ. Онъ шелъ бурею, поднимая пыль столбомъ. Его конь отказался перейти черезъ мостъ. Развѣ ты чуешь Джулека, что не хочешь здѣсь перейти? сказалъ Дивъ.—Джулекъ-батыръ выскочили и сказалъ: Развѣ Джулекъ *) рабъ твоего отца? Что хочешь: стрѣльбы или борьбы въ-обхватъ!—Стрѣльбы想要 твой отецъ; я хочу борьбы въ-обхватъ, отвѣтилъ Дивъ. Тотчасъ они спѣшились съ коней и обхватились. Джулекъ-батыръ поднялъ Дива, ударилъ о землю и отрубилъ ему голову. Онъ отрѣзалъ со лба коня Дива одинъ пучекъ волосъ и сказалъ: ступай, ты—конь моего старшаго брата. Затѣмъ онъ пошелъ дальше и опять прошелъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Онъ, волей Бога, пошелъ подошвой бѣлаго холма, заткнувъ подолъ за поясъ, запылилъ свой пахъ и опять дошелъ до берега родника. Совершивъ омовеніе и прочитавъ двѣ благодарственныя молитвы, Джулекъ оглянулся и увидѣлъ опять ограду сада. Онъ пошелъ туда, вошелъ и увидѣлъ, что передъ нимъ такой садъ, что Господи прости **): плоды созрѣвали и валились съ деревьевъ;

*) Джулекъ-батыръ обидѣлся, что его имя произнесли безъ слова батыръ.

**) „Тауба“, покаяніе! Восхищаютъ при видѣ чего-либо необыкновеннаго. Это восхищеніе произошло отъ чувства страха при видѣ чего-нибудь дурнаго, но нынѣ употребляется, какъ выраженіе удивленія, при видѣ всякаго неожиданнаго или новаго предмета.

соловьи пѣли; попугаи говорили; вода стояла надъ клеверомъ, и клеверъ качался подъ водою; прудъ такой, какого нигдѣ нѣть; богатѣйшія сидѣнія представляли удобства.—Онъ подошелъ и легъ, чтобы уснуть. Онъ уже засыпалъ, какъ прислужница, пошедшая за водою и наполнившая золотой кувшинъ, увидѣла юношу. Она пошла и сказала пяри: «что вы думаете, госпожа моя; здѣсь у пруда лежитъ юноша». Та встала, надѣла золотые башмаки, подперла тонкую талию, прикусила сахаристыя губы и медленно подошла къ юношѣ. «Ахъ, юноша! сказала она: ты цвѣтокъ какого сада! ты соловей какой лужайки! Что ты, пролетая въ свое гнѣзда, опустился на это мѣсто? Здѣсь, когда летить мука, то обжигаетъ себѣ крылья, а когда проходять люди, то обжигаютъ себѣ ногти. Какъ ты, не убоявшись за свою голову, пришелъ сюда?—Онъ отвѣтилъ: Не разговаривай впервыхъ съ голоднымъ, а вовторыхъ съ нагимъ и въ-третьихъ съ усталымъ. Голодный я самъ, нагой я самъ и усталый я самъ. Оставь разговоръ и скажи, что пойсть.—Она отвѣтила: войди въ этотъ домъ,—тамъ въ котлѣ съ 14 ручками сваренъ пловъ; войди въ другой домъ, тамъ мясо 14 барановъ свѣжеизжарено, а въ третьемъ мѣстѣ, въ 14 печахъ, хлѣбъ испеченъ. Самъ знаешь мѣру своего желудка, пойши понемногу всего и выди.—Джулекъ-батыръ вошелъ, поднялъ котель съ 14 ручками выше головы и выскребъ все до чиста. Онъ вошелъ въ другой домъ и сѣялъ тамъ мясо 14 барановъ. Потомъ вошелъ въ третій домъ и сѣялъ хлѣбъ изъ 14 печей. Затѣмъ онъ вышелъ со словами: «Есть ли у тебя гдѣ-нибудь запрятанный кусочекъ хлѣба?» Она сказала: Глупецъ! развѣ ты сѣялъ всю уже пищу, что спрашиваешь еще? Онъ отвѣтилъ: женщины бываютъ глупы; развѣ ты не можешь пойти и посмотретьъ? Пяри вошла и увидѣла, что нѣть ни хлѣба, ни мяса, ни плова. Онъ спросилъ: чье это мѣсто? такъ какъ спрашивать не предосудительно! Она отвѣтила: Это мѣсто Бѣлаго Дива. Онъ спросилъ: откуда онъ придется? Вотъ, съ этой степи, съ острова придется. Какъ онъ придется? Она отвѣтила: Онъ придется въ снѣжномъ буранѣ.—Джулекъ-батыръ пошелъ Диву на встрѣчу и притаился подъ мостомъ. Вдругъ поднялся вѣтеръ, пошелъ снѣгъ, сдѣлался буранъ,—и стало холодно. Псы Дива не хотѣли пробѣжать черезъ мостъ и остановились: «Э... изругался Дивъ и сказалъ: Отчего вы не хотите пойти черезъ мостъ? Развѣ вы почуяли Джулека? Тогда выскочилъ Джулекъ-батыръ, изругался и закричалъ: что нужно: стрѣльба или борьба? Дивъ отвѣтилъ: стрѣльба нужна твоему отцу, а мнѣ борьба. Они обхватились и держали другъ-друга три ночи и три дня. Наконецъ, Джулекъ

поднялъ Дива, ударилъ его о землю, отрѣзать ему голову, захватилъ его коня, поцѣловалъ коня въ обѣ щеки и сказалъ: «Ступай! ты будешь принадлежать моему второму брату».

Отсюда Джулекъ пошелъ. Сорокъ дней и сорокъ ночей онъ прошелъ и дошелъ опять до родника. Когда Джулекъ съ возвышения кругомъ посмотрѣлъ, то замѣтилъ вдали ограду, всю золотую. Онъ туда пошелъ. Стѣны были изъ золота, ворота были Багдадскія, а петли были Соломоновы. Онъ отворилъ ворота, вошелъ и увидѣлъ, что Господи прости: деревья были золотыя; вода надъ клеверомъ, а клеверъ колыхался подъ водою; попугаи говорили, соловьи заунывно пѣли, плоды созревали и падали кучами на землю... Онъ посмотрѣлъ въ сторону и увидѣлъ золотую бесѣдку, въ бесѣдкѣ тронъ, а на тронѣ неземную красавицу... Хорошо, сказалъ онъ, я здѣсь усну. Онъ прилегъ на одѣяло и подушку изъ лебяжьего пуха, и дремота уже овладѣла имъ, какъ онъ увидѣлъ прислужницу. Она держала въ руки золотой кумганъ и наклонилась зачерпнуть воды изъ пруда, какъ вдругъ увидѣла юношу. Оставивъ кумганъ, она побѣжала въ бесѣдку и сказала пяри: «Госпожа моя! какой-то юноша лежитъ на землянкѣ. Я не знаю, откуда онъ пришелъ». Пяри вскочила съ мѣста, надѣла золотые башмаки, подперла тонкую талию, прикусила сахаристую губу, прищурила темные глаза, потушила взоръ и пошла къ нему. Увидѣвъ его, она тотчасъ же влюбилась въ него. Она сказала: «Ха, юноша! ты цвѣтогъ какого сада? ты соловей какой лужайки? что на перелетѣ въ свое гнѣздо ты остановился въ этихъ мѣстахъ? Здѣсь, когда пролетить муха, то жжетъ крылья себѣ, а когда люди проходить, то жгутъ себѣ ногти. Какъ ты пришелъ, не убоявшись за свою голову?»—Онъ отвѣтилъ: не говори во-первыхъ съ голоднымъ, во-вторыхъ съ нагимъ и въ-третьихъ съ усталымъ. Голодный, нагой и усталый я самъ. Не говори о томъ и о семъ. Пусть весь разговоръ будетъ вращаться вокругъ одного предмета, именно около пищи. Она отвѣтила: «Войди въ эту комнату: въ котлѣ съ 40 ушками сваренъ пловъ; войди въ другую: тамъ мясо сорока барановъ изжарено; войди въ третью: тамъ въ 40 печахъ испечень хлѣбъ. Пойшь, чего хочешь, досыта». Онъ сюда вошелъ и сѣѣлъ пловъ изъ котла съ 40 ушами; онъ туда вошелъ и сѣѣлъ мясо 40 барановъ; въ третье мѣсто вошелъ и сѣѣлъ хлѣбъ изъ 40 печей. Выходя, онъ опять сказалъ: Нѣть ли припрятанного кусочка хлѣба: уголокъ моего живота остался пустымъ. Она сказала: «О глупецъ! развѣ ты сѣѣлъ столько пищи! Онъ отвѣтилъ: Женщины бываютъ глупы. Кали не вѣришь, развѣ не можешь войти и посмотреть? Она вошла и увидѣла, что онъ сѣѣлъ все дочиста.

Это чье мѣсто? спросилъ Джулекъ.—Это мѣсто Краснаго Дива. Онъ спросилъ: откуда Дивъ придетъ! Вотъ отсюда, со степи и острова *). Есть озеро, на которомъ находится мостъ изъ пуль**). Черезъ этотъ мостъ онъ придетъ.—Въ какомъ видѣ онъ придетъ?—Онъ придетъ, зажигая ***) весь свѣтъ, накаливая землю, какъ горячее желѣзо, и сожгетъ оживленную тварь съ трескомъ ****). Хорошо.

Джулекъ пошелъ и притаился подъ мостомъ... Вдругъ воздухъ нагрѣлся, земля накалилась, какъ желѣзо, свѣтъ загорѣлся и живыя твари изжарились съ трескомъ. Это шелъ Дивъ. Конь его остановился передъ мостомъ. Э... грубо изругался Дивъ и сказалъ коню: развѣ ты зачуялъ запахъ Джулека, что не хочешь пройти черезъ мостъ! Дивъ ударилъ коня нагайкою. Тогда вскочилъ: Джулекъ-батыръ со словами: «Развѣ Джулекъ рабъ твоего отца, что ты не хочешь договорить его имя? Нужна ли тебѣ стрѣльба или борьба!» Дивъ спѣшился, и они охватили другъ друга. Семь дней и семь ночей они держали другъ друга. Они боролись, какъ львы, вѣспились другъ въ друга, какъ тигры и вспахали землю, какъ нашню. Ни тотъ, ни другой не повалилъ противника. Наконецъ оба они захотѣли пить и выпустили другъ друга. Джулекъ-батыръ добѣжалъ первый до озера и выпилъ озеро, когда Дивъ только началъ пить. Дивъ не утолилъ своей жажды. Джулекъ-батыръ, вдоволь подкрѣпившись водою, возвратился, какъ левъ, раскрылъ руки и обхватилъ Дива. Онъ поднялъ Дива, бросилъ на землю, потомъ вскочилъ на его грудь и срубилъ его голову однимъ взмахомъ. «Вотъ, слава Богу! Я достигъ своей цѣли» сказалъ Джулекъ, тотчасъ же поцѣловавъ коня дважды въ лобъ и сѣлъ на него. Онъ пріѣхалъ назадъ въ садъ и прожилъ нѣсколько дней съ пяри. Потомъ Джулекъ-батыръ затосковалъ по родинѣ****) и вздохнулъ. Она ска-

*) Хотя Джазира и значить островъ; но такъ какъ среднеазіатцы мало знакомы съ понятіемъ обѣ островѣ, то „Чуль и Джазира“, можетъ быть, представляются имъ учу какъ степь съ оазисомъ.

**) Пуль—мѣдные деньги, для риены съ пуль (озера). Кроме того, къ этой риенѣ побудила ассоціація идей между мостомъ и словомъ „пуль“, которое потаджикски значитъ мостъ. Впрочемъ, послѣднее значеніе для тюркскаго слушателя сказки стало уже непонятнымъ.

***) Свойства этихъ трехъ дивовъ представляютъ, безъ сомнѣнія, интересъ для изученія индійской мифологіи.

****) Трескъ мяса, жарящагося въ садѣ—гипербола.

*****) Эта мысль выражена въ подлинникѣ такъ: отцовская страна причинила ему хумаръ, то есть головную боль похмѣлья, отъ которой можно избавиться только новымъ принятіемъ напитка.

зала: О ты, съ котораго я хочу снять болѣзы!*) Развѣ у тебя есть друзья лучше меня? Нѣть, отвѣтилъ онъ; но насъ было трое братьевъ, которые пустились въ путь вмѣстѣ. Изъ моихъ двухъ братьевъ одинъ пошелъ по дорогѣ, по которой возвращаются назадъ, другой по той, съ которой или возвращаются или нѣть, а я—по той, съ которой никогда не возвращаются. У меня есть матушка и батюшка. Я подумалъ о томъ, въ какомъ они теперь положеніи, а потому и вздохнулъ. Она спросила: Такъ ты хочешь уйти? Я уйду, сказаъ онъ. Онъ взялъ пяри, собралъ имущество, деньги и вещи и отправился въ путь. На пути онъ захватилъ пяри Бѣлаго Дива со всѣмъ ея имуществомъ, а дальше захватилъ и пяри Чернаго Дива съ ея имуществомъ.

Доѣхалъ Джулекъ до соединенія трехъ дорогъ и разбилъ тамъ свои три шатра. Около недѣли ждалъ онъ тамъ извѣстія о своихъ братьяхъ, но никакого извѣстія не пришло. Тогда онъ сѣлъ на своего темно-мускиуснаго коня, взялъ съ собою одинъ хуржунъ**) золота и сказалъ тремъ пяри: «я уѣду, а вы пока поживите здѣсь и остерегайтесь». Затѣмъ онъ поѣхалъ по дорогѣ, откуда возвращаются назадъ. Вѣхалъ онъ въ городъ и искалъ по всѣмъ базарамъ, по всѣмъ улицамъ, но нигдѣ не нашелъ сїда братьевъ. Онъ наконецъ вошелъ въ лавку, гдѣ продавали варенныя бараны головы. Войдя туда, онъ увидѣлъ своего старшаго брата, подкладывающаго дрова въ очагъ. Джулекъ-батыръ далъ хозяину бараньей головы одну теньгу и сказалъ: Брать калляназъ!***) положи на одну теньгу бараньей головы и пришли съ человѣкомъ ко мнѣ туда-то. «Буда я пошлю этого нечистоплотнаго, поганаго паршивца? Я самъ отнесу къ вамъ, душа моя, бекъ», сказалъ калляназъ. «Нѣть, пошли съ вашимъ парнемъ». Хорошо, хорошо, душа моя, бекъ, сказалъ калляназъ, и послалъ на одну теньгу бараньей головы, убраний какъ можно лучше. Джулекъ-батыръ сказалъ брату: Садись и ѿшь самъ.—Э, душа моя, бекъ, сами кушайте въ удовольствіе свое.—«Недогадливый! мы пришли въ этотъ городъ поѣсть бараньей головы. Садись ѿшь. Вѣдь ты свою родину оставилъ для того, чтобы гдѣ-нибудь поѣсть бараньей головы». Тотъ сѣлъ и поѣлъ. «Сколько ты зарабатываешь каждый день у калляназа? спросилъ Джулекъ-батыръ. Брать отвѣчалъ: Душа-бекъ мой! Иногда мы єдимъ двѣ лепешки, а иногда мы откладываемъ 6—8 пулей****).

*) Бываютъ случаи, когда люди, усердно ухаживающіе за больными, заражаются и умираютъ, между тѣмъ какъ больной выздоравливаетъ.

**) Дорожная переметная сумка.

***) Продавецъ вареныхъ бараньихъ головъ.

****) Чузы 1/4 копѣекъ.

Джулең-батыръ сказаљ: Я тебъ дамъ за каждый день б тенегъ, если хочешь поступить ко мнѣ.—Очень хорошо, отвѣтилъ его братъ. Отнеси блюдо каллянаzu и приходи, сказалъ Джулең-батыръ. Тотъ взялъ блюдо и разбилъ его о полъ со словами: пойдемъ! и выругался по адресу хозяина... Джулең-батыръ взялъ брата съ собою, повелъ его на базаръ, купилъ ему хорошую одежду, рубаху и штаны, а затѣмъ отсюда они направились на дорогу, съ которой или возвращаются или вѣтъ и пришли въ городъ. Джулеңъ искалъ по улицамъ, по базару, по ригистану *), но нигдѣ не нашелъ второго брата и уже хотѣлъ было отказаться отъ поисковъ, какъ вздумалъ пойти на базаръ лепешекъ, чтобы поискать тамъ. Его братъ, оказалось, держалъ на головѣ корзину съ лепешками и кричалъ: одинъ кусокъ лепешекъ!**) Передъ Джулең-батыромъ собралось 28 продавцовъ лепешекъ, да еще медюзга***)). Брать его тоже подбѣжалъ съ крикомъ: горячія лепешки, ой! горячія лепешки, ой! Онъ хлоннулъ двѣ лепешки одну о другую и сказалъ: эту возьмите, она испечена у отверстія иечи, а то возьмите эту, она испечена въ заду печи. Байбача!****) на сколько тенегъ вамъ надо лепешекъ? Джулең-батыръ отвѣтилъ ему: всѣ твои лепешки сколько стоятъ? «Господинъ, 5 тенегъ». Джулеңъ купилъ все за 2 тенги и спросилъ: Сколько зарабатываешь каждый день отъ продажи лепешекъ?—«Байбача! Иногда 12 пулей, а иногда 15 пулей». Джулең-батыръ сказалъ: я тебъ дамъ каждый день 15 тенегъ, если ты хочешь поступить ко мнѣ.—Очень хорошо, душа-бекъ мой, отвѣтилъ братъ. Отдай корзину хозяину, сказалъ Джулең-батыръ. Но братъ его, обругавшись по адресу сестры хозяина, бросилъ корзину черезъ крышу его дома и остался.

Джулеңъ купилъ брату хорошую одежду,—и три брата пошли къ соединенію трехъ дорогъ. Братья увидѣли великолѣпные шатры, несмѣтное богатство, лошадей, равныхъ по числу бараньему чомету. Къ шести обособленнымъ кольямъ были привязаны шесть богатырскихъ коней бидау*****), которые нетерпѣливо бѣгали вокругъ колъевъ и топтали землю. Насталъ вечеръ, затѣмъ ночь. Три пяри принесли три блюда плова и поставили передъ братьями. Во время ёды Джулең-батыръ спросилъ: Добрые парни! вы откуда родомъ? Первымъ

*) Имя части Самарканского базара.

**) Т. е. купите.

***) Бываетъ, что бѣдныя женщины и дѣти выносятъ на базаръ домашнія лепешки

****) Т. е. сынь богача.

*****) Бидау—кобыла, которая никогда не жеребилась и потому отличается быстрымъ бѣгомъ, вообще хороший конь (Будаговъ).

отвѣтилъ старшій братъ: я изъ такого-то города. Второй братъ сказа-
зълъ: я тоже изъ того города. Джулекъ-батыръ спросилъ: зачѣмъ вы
пришли въ эту страну? Они сказали: Когда мы шли сюда, насы
было три брата, и мы пришли втроемъ къ разъединенію трехъ до-
рогъ. Одинъ изъ насъ пошелъ по дорогѣ, откуда возвращаются об-
ратно, другой пошелъ по дорогѣ, откуда или возвращаются
или нѣтъ, а самый младшій изъ насъ пошелъ туда, откуда не воз-
вращаются вовсе. Теперь мы двое опять у мѣста соединенія дорогъ,
но не знаемъ, живъ ли нашъ младшій братъ или нѣтъ. Джулекъ-
батыръ спросилъ: Если вы увидите своего брата, узнаете ли вы его?
Старшій братъ отвѣтилъ: пусть ослѣпнутъ глаза того, который не
узнаетъ своего младшаго брата. Джулекъ-батыръ спросилъ: Какая
примѣта есть у вашего брата? Они отвѣтили: у него на лбу есть
родинка, а на спинѣ—знакъ отъ пяти пальцевъ святого Алія.
Джулекъ-батыръ тотчасъ снялъ шапку съ головы, и они увидѣли ро-
динку на лбу. Онъ снялъ одежду и показалъ имъ также пять паль-
цевъ святого Алія. Они узнали брата, обняли его и распросили о
его приключеніяхъ. Благодаря Бога и радуясь, они пошли спать.

Джулекъ-батыръ пошелъ спать въ шатерь съ пяри, а два
старшіе брата стали совѣщаться, говоря: Какъ мы покажемся теперь
въ городъ отца. Нашъ младшій братъ совершилъ такие подвиги, да
еще и насъ разыскалъ. Что мы скажемъ своему отцу? Старшій
брать сказалъ: Брать, за чѣмъ стало дѣло? Второй братъ отвѣтилъ:
Брать, это отъ тебя зависитъ. Старшій братъ сказалъ: если отъ ме-
ня зависитъ, то я возьму стальной мечъ нашего брата и привяжу его
поперекъ входа лезвіемъ, внутрь шатра; ты сядь на лошадь
и отѣзжай въ одну сторону, а я отѣду въ другую, потомъ мы
вдругъ съ двухъ сторонъ съ крикомъ прискакемъ. Джулекъ выбѣ-
житъ изъ палатки, ногами наткнется на мечъ и разрѣжетъ себя на двѣ
равныя половины. Тотъ сказалъ: хорошо. И они взяли двухъ ло-
шадей и прискакали на нихъ съ крикомъ: Э, Джулекъ, вставай! ты
прогорѣлъ, воры угнали весь твой скотъ! Джулекъ-батыръ вскочилъ
отъ сладкаго сна, захотѣлъ разомъ выбѣжать въ дверь, какъ обѣ ноги
его у колѣнь были перерѣзаны мечемъ со свистомъ*). Онъ
кувыркомъ упалъ безъ ногъ на землю. Аба!!*) Братья! вы
сдѣлали свое дѣло, и я остался здѣсь. Заколите мнѣ двухъ лошадей,
положите мясо ихъ въ шкуру одной изъ нихъ, а изъ другой шкуры сдѣлайте турсукъ и налейте его водою. Братья

*) Въ подлиннике стоять звукоподражательное: чургъ.

**) Это восхищеніе выражаетъ удивленіе и ужасъ.

согласились на это, зарезали двухъ лошадей, на которыхъ прискакали, положили мясо ихъ въ шкуру одной лошади, а изъ другой шкуры они сшили водоемный мѣхъ и наполнили его водою. Они положили это передъ Джулекомъ и ушли.

Оставимъ-те ихъ и послушаемъ-ка о Джулекъ-батырѣ.

Онъ лежалъ, далежалъ. Однажды онъ увидѣлъ, какъ слѣпой, преслѣдовалъ сайгу. То сайга бѣжалъ передъ слѣпымъ, то слѣпой бѣжалъ передъ сайгою. Тогда Джулекъ сказалъ: слѣпой! если ты хочешь поѣсть мяса, иди ко мнѣ. Слѣпой пришелъ, поѣлъ мяса и сталъ жить тамъ. Прошло иѣкоторое время. Однажды безрукій зрячій преслѣдовалъ сайгу. О, безрукій зрячій! сказалъ Джулекъ-батырь: если ты хочешь поѣсть мяса, иди сюда. Тотъ пришелъ. Джулекъ-батырь изъ своего лука застрѣлилъ сайгу. Они изжарили ее и стали єсть. Черезъ иѣкоторое время Джулекъ-батырь сказалъ: отъ такого жития никакого толку нѣтъ, и онъ посовѣтовался съ безрукимъ и слѣпымъ о томъ, что предпринимать. Они сказали: ты старше; сдѣтай, что ты считаешь лучшее. Тогда Джулекъ-батырь сказалъ: подите вы въ городъ и достаньте одну дѣвицу, одинъ котель и прочие необходимые предметы. Они пошли и привели дѣвицу съ котломъ и прочими добромъ. Они стали жить втроемъ и звали дѣвицу сестрою. Они нашли для нея кошку и сказали: если у тебя будетъ хоть одна только лепешка, ты ее должна дѣлить съ кошкою. Она сказала: хорошо!

По временамъ двое выходили на охоту, а дѣвица оставалась дома.

Разъ дѣвица подметала комнату и нашла изюминку. Она позвала кошку, но та не шла. Дѣвица сѣла изюминку. Какъ разъ тогда кошка пришла мяукая и спросила: что ты єшь такое? Дѣвица отвѣтила: я ничего не ємъ. «Если ты ничего не єла, зачѣмъ ты меня звала? Вѣдь ты жуешь сейчасъ», сказала кошка. Дѣвица отвѣтила: я нашла одну изюминку, для этого я тебя звала; но ты не шла, такъ я сѣла ее. Кошка озлобилась и, чтобы причинить дѣвицѣ побои отъ ея братьевъ, побѣжала къ очагу, разгребла золу, помочилась надъ горячими углами, потушила ихъ и, поднявъ хвостъ, уѣжала.

Когда время прихода братьевъ подошло, сестра поправила котель и хотѣла сварить пловъ къ приходу братьевъ, но когда стала раздувать угли, то увидала, что они потухли. Дѣвица тогда взошла на крышу дома и стала оглядываться. Она усмотрѣла выходившій изъ одного мѣста дымъ. Туда она и пошла. Это была большая пещера, откуда шелъ дымъ. Войдя въ пещеру, она увидѣла большой дворъ, а погреди двора старуха въ котѣ съ 40 ушками жарила вшей и єла ихъ. «Ассаламу-алейкумъ, душа-матерь!

оказала дѣвица.—Ва-алейкумъ-ассаламъ! Если-бы твой салимъ былъ неискрененъ, я бы тебя согнула вдвое и проглотила бы однимъ комбомъ. Дѣвица сказала: дай мнѣ, пожалуйста, уголька горячаго. Старуха сказала: просмотри мои волосы раза два; моя голова сильно зудить. Старуха положила свою голову на колѣни дѣвицы и сосала кровь*) дѣвицы, а потомъ сказала: довольно, дочь моя! и дала ей горсть жареныхъ вшей, а также кусокъ горячаго угля. Дѣвица пошла назадъ. Вши изъ ея подола высыпались на дорогу и, когда она дошла домой, всѣ они высыпались и выросли кустарникомъ. Она зажгла огонь подъ котломъ, сварила пловъ и накормила вечеромъ братьевъ.

Утромъ братья опять вышли на охоту, а въ полдень старуха пришла и сказала: Ха, дочь-моя! чѣмъ ты занята? Ничѣмъ, мать, отвѣтила она. Посмотри мою голову раза два, сказала та. Дѣвица стала смотрѣть волосы старухи, а она пососала ея крови и ушла. Прошло нѣсколько дней. Джулекъ-батыръ замѣтилъ, что цвѣть лица дѣвицы мертвенный. Сестра! Что съ тобой сдѣлалось? спросилъ онъ. Дѣвица отвѣтила: ничего не сдѣлалось. Если ничего не случилось, то отъ мяса сайги ты должна бы пожирѣть и покраснѣть, какъ пѣтухъ. «Ничего не случилось», сказала дѣвица. Джулекъ-батыръ сказалъ: «я убью тебя, если ты не скажешь! Можетъ быть одинъ изъ нихъ двоихъ или кто-нибудь со стороны обругалъ тебя?» Дѣвица отвѣтила: «Коли сказывать, такъ вотъ: разъ я подметала комнату и нашла изюминку. Я позвала кошку, но она не пришла и я сѣла изюмину. Тогда кошка пришла и спросила: Ха, что ты ъшь? Я сказала: я ничего не ъмъ. Кошка сказала: если ничего не ъла, для чего ты меня позвала? Я сказала: я нашла одну изюминку и позвала тебя, но ты не пришла, и я сѣла ее. Тогда кошка осердилась и задумала причинить мнѣ побои со стороны моихъ братьевъ. Она побѣжала къ очагу, разгребла огонь и помочилась на него. Я пошла на крышу и оттуда увидѣла выходившій изъ земли дымъ. Я боялась васъ и пошла туда. Дымъ выходилъ изъ большой пещеры въ степи. Я не знала, войти ли или нѣть, но я боялась васъ и вошла. Я увидѣла посреди большой ограды старуху, которая въ котлѣ съ сорока ручками жарила вшей. Со словами: «Ассаляму-алейкумъ, мать душа!» вошла я. Она отвѣтила: алейкумъ-ассаламъ. Если-бы твой салимъ не былъ искреннимъ, я только два раза глотнула **) бы и въ одинъ

*) Въ сказкахъ много воспоминаний о ланинбалахъ. Въ одномъ виргинскомъ эпосѣ обѣдитель пьетъ кровь побѣженного.

**) Ялмабъ въ коренѣ глагола „ялма“ входить въ составъ слова Ялмаузъ (называвшись Бабы-яги. Старуха въ сказкѣ и есть Ялмаузъ или Ялмаузъ—Кемпиръ).

разъ съѣла бы тебя. Я сказала: дай мнѣ кусочекъ горячаго угля, мать душа. Старуха сказала: просмотри мою голову раза два: она сильно чешется. Я стала смотрѣть волосы у старухи, а она положила свою голову на мои колѣни, и у меня по всему тѣлу пробѣжали мурашки... Довольно, дочь моя, сказала она, и дала мнѣ горсть жареныхъ вшей и маленький кусочекъ угля. Пока я шла домой, жареные вши всѣ высыпались на дорогу и выросли кустарникомъ. По этой дорогѣ и приходитъ старуха каждый день и пить мою кровь. Она запрещаетъ мнѣ сказывать вамъ, угрожая сѣть меня, если я скажу. Тогда Джулекъ-батыръ сказалъ: Зрячій—безрукій! ты крѣпко схвати старуху, когда она придетъ и позови меня: я ее накажу. Зрячій—безрукій стерегъ старуху. Старуха пришла и увидѣла, что гдѣ былъ одинъ человѣкъ, теперь двое и, оставивъ дѣвицу, кинулась на безрукаго, пососала его крови и ушла. Когда Джулекъ-батыръ подошелъ, безрукій кричалъ: дадъ-бидадъ! *). Я не буду стеречь больше: она, вмѣсто дѣвицы, мою кровь сосала!..

Джулекъ-батыръ сказалъ: Хорошо! Въ такомъ случаѣ, ты слѣпой, имѣющій руки, ты сегодня стереги и крѣпко схвати ее и зови меня... Я подойду... Пришла старуха и посмотрѣла, что вмѣсто одного человѣка сидятъ двое. Она тотчасъ же повалила слѣпого, имѣющаго руки, пососала его крови и ушла. Когда Джулекъ-батыръ подошелъ, тотъ кричалъ: дадъ - бидадъ! Я небуду стеречь больше! Что же она сдѣмала тебѣ? спросилъ Джулекъ-батыръ. Она положила ротъ на мое колѣно и пососала крови, такъ что по всей кожѣ у меня пробѣжали мурашки. Тогда Джулекъ-батыръ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ вы оба уйдите въ такое-то мѣсто. Тамъ есть яма. Лягте въ яму. Когда старуха придетъ, я ее свачу и позову васъ. Вы тогда приходите. Джулекъ приказалъ сестрѣ: «Согрѣй воду въ котлѣ и начни мыть мою рубаху. Когда придетъ старуха, скажи ей: мать—душа! когда я черпаю воды, некому подкладывать дрова въ очагъ; а когда я подкладываю дрова, некому черпать воды. А теперь вырой за дверью ямку.—Дѣвица вырыла ямку. Джулекъ-батыръ спрятался тамъ и приказалъ дѣвицѣ закрыть отверстіе хворостомъ.

Было послѣноденное время, когда старуха пришла. Дѣвица встала и сказала: Ассалыму-алейкумъ, мать душа! Мои глаза все время ждали человѣка: когда я черпаю воды, некому подкладывать дрова, а когда подкладываю дрова, некому черпать воды. Дай мнѣ чаши двѣ воды и положи немного дровъ въ очагъ. Старуха вошла внутрь къ очагу.

*.) *Дадъ—помощь, бидадъ—безнемощный.* Эти два слова означаютъ: не помощь!

Тогда Джулекъ выскоилъ изъ ямы. Старуха закричала: айналяй^{*)}, сынъ мой! я такъ давно уже ищу тебя и не могу найти! Онъ отвѣтилъ: Старуха! я изуродую тебя и осрамлю... Я употреблю хитрость свою противъ человѣка, прѣхавшаго изъ-за горъ. Я не поддамся на эту штуку. Онъ схватилъ старуху и взялъ мечъ въ руку. Онъ потащилъ старуху за волосы и привязалъ волосами къ сорока кольямъ. Потомъ онъ позвалъ слѣпого, имѣющаго руки, и зрячаго безъ рукъ, а также и сестру и приказалъ старухѣ сначала проглотить сестру. Она проглотила. Потомъ приказалъ ей выкинуть сестру. Она выкинула. Тогда сестра его предстала красивою цари, словно ее лицо отражало солнце. Потомъ онъ приказалъ старухѣ проглотить слѣпого, имѣющаго руки, и снова выкинуть. Слѣпой вышелъ зрячимъ. Затѣмъ онъ приказалъ проглотить и выкинуть зрячаго безрукаго. Безрукій вышелъ со здоровыми руками. Джулекъ-батырь сказалъ: Ха, братя! вы трое возьмете въ руки три меча. Когда она меня проглотить и не захочетъ выкинуть, то вы сейчасъ же отсѣките ей голову и разрубите ей все тѣло. Если вы промедлите немного даже, она меня переварить. Они обѣщали. Тогда Джулекъ-батырь приказалъ ей проглотить его. Она проглотила его, но выкинуть не хотѣла. Выкинь! кричали ей второй разъ. Старуха сидѣла, выпуча глаза: Тогда они тремя мечами разомъ ударили, отрубили голову и изрубили ее всю. Нигдѣ не было видно Джулекъ-батыра, покуда не раздался голосъ: мизинецъ, мизинецъ! Тотчасъ они разрѣзали мизинецъ и увидѣли, что Джулекъ-батырь выпалъ оттуда цѣлымъ со здоровыми ногами. А голова старухи покатилась со словами: еще я тебѣ задамъ! еще я теперь задамъ! Вслѣдъ за головою побѣжалъ Джулекъ-батырь, покуда голова не ушла въ большую пещеру. У входа въ нее Джулекъ остановился, посовѣтовался съ товарищами и бывшему слѣпому приказалъ взять съ собою мечъ и спуститься туда. Хорошо, сказалъ тотъ, привязалъ къ талии арканъ и спустился, но не дошелъ онъ до середины колодца, какъ отъ темноты его сердце сжалось. «Вай, я умеръ! вай, я прогорѣлъ!» закричалъ онъ. Его вытащили. Тогда бывшему безрукому сказалъ Джулекъ-батырь: ты, вѣдь, теперь уже не безъ рукъ, чтобы бояться спуститься... Хорошо, сказалъ онъ, привязалъ къ поясу арканъ, взялъ мечъ въ руки и спустился. Но онъ спустился не дальше половины, какъ также закричалъ: «дадь бидадь!» Его тоже вытянули. Джулекъ-батырь осердился и пошелъ самъ со словами: «хотя бы я закричалъ: я умеръ! или: я про-

^{*)} Айналяй и уркуляй имѣютъ оба одно значеніе: «я вращаюсь около тебя», или однимъ словомъ: «я люблю тебя».

горь! не вытягивайте меня, а когда я достигну дна, то раскачу веревку,—и тогда вытащите все, что я привяжу къ ней». Онъ крѣпко сжалъ вѣки и спустился, а сойдя на дно колодца, открылъ глаза и увидѣлъ словно полость купола. Онъ осмотрѣлся и увидѣлъ маленькую дверь. Пройдя черезъ нее, онъ очутился въ золотой заѣ, посреди которой пяри сидѣла передъ люлькой и качала голову въ люлькѣ. Джулекъ-батыръ воскликнулъ: Ха, пяри! что это такое ты дѣлаешь? Ничего, отвѣтила она. То, что въ люлькѣ, доводится тебѣ чѣмъ?—Въ люлькѣ голова старухи, отвѣтила она. На что она тебѣ? спросилъ онъ. Кто-то ее убилъ, а когда я прокачаю голову до сорока дней, она превратится опять въ прежняго человѣка, сказала пяри, и тогда старуха уничтожить своего убийцу и всю родню его до 70-й степени родства.

Погоди, я посмотрю, сказалъ Джулекъ-батыръ, и услышалъ, какъ голова въ люлькѣ бормочетъ: «я тебѣ задамъ! Я тебѣ задамъ!» Джулекъ-батыръ схватилъ голову за волосы, обернулъ ихъ вокругъ руки и сильно ударили голову о землю, а потомъ взялъ мечъ и разрубилъ ее на мельчайшіе куски. Отъ головы слѣда не осталось. Онъ спросилъ пяри: что ты скажешь? Она отвѣтила: пусть твоя болѣзнь ударить меня! *) Что же я скажу? Ты—мой, я—твоя. Богъ меня столько лѣть заставлялъ ждать тебя въ этомъ колодцѣ, а теперь онъ мнѣ даль моего любезнаго. Съ этими словами она повела Джулека во внутренне покой... Джулекъ-батыръ сказалъ: «Нѣть; пойми, что когда паверху цѣлыхъ три человѣка (два брата и одна сестра), я не могу проводить время здѣсь съ тобой». Пяри отвѣтила: хорошо, ты выходи, и я пойду за тобою. Джулекъ-батыръ сказалъ, что онъ не вѣрить ей. Тогда она сказала: «Ай, Джулекъ-батыръ! пусть засохнетъ твое недовѣrie: если родной братъ увидитъ меня, то уже не позаботится о братѣ. Если къ тебѣ не спустятъ аркана, то ты войди въ эту дверь; въ той комнатѣ стоять два коня. Если ты сядешь на бѣлаго коня, ты выѣдешь на бѣлый свѣтъ; если же ты сядешь на вороного коня, то ты провалишься черезъ семь пластовъ земли». Джулекъ-батыръ помѣстилъ пяри въ ящикъ, привязалъ его къ аркану, а потомъ качнулъ веревкою, и братья вытянули ящикъ на верхъ. Сдѣлавъ это, они сейчасъ же изъ любопытства открыли ящикъ и увидѣли пяри: ея лобъ—луна, ея глаза—два солнца. Сияніе ея красоты могло освѣщать темную комнату. Названные братья забыли о Джулекѣ: Каждый желалъ овладѣть пяри, и они заспорили. Пяри взяла комъ земли,

*) Т. е. я готова пожертвовать собою для тебя.

дунула на него съ произнесениемъ величайшаго имени Божія *) и кинула въ поле. Комъ земли обратился въ высокую глинистную стѣну. Пяри взяла камень и сказала: «я буду принадлежать тому, кто перебросить этотъ камень черезъ эту стѣну».

Пусть они здѣсь останутся пока и займутся бросаніемъ камня, а мы послушаемъ о Джулекѣ-батырѣ.

Джулекъ увидѣлъ, что арканъ не спускается, обождалъ немнога и потому, со словами: аба! слова пяри сбылись! пошелъ къ конямъ. Когда онъ разомъ распахнулъ дверь, два коня, подобные двумъ драконамъ, просунули морды, угрожая ему. Но онъ не убоился и вскочилъ на бѣлаго коня. Бѣлый конь подъ нимъ присѣлъ. Тогда онъ пересѣлъ на вороного коня. Вороной конь кувыркнулся и полетѣлъ внизъ черезъ семь пластовъ земныхъ...

Джулекъѣхалъ въ мірѣ мрака. Тамъ старики пахали волами.. Ассаляму-алейкумъ, отецъ-душа! сказалъ онъ старику. Валейкумъ-ассалямъ! отвѣтилъ старикъ и прибавилъ тотчасъ: э дардъ, э, дамана **), э! «Въ чёмъ дѣло, душа--отецъ?» спросилъ Джулекъ-батырь. Сынъ мой, говори потише—потише». Отецъ, что такое здѣсь? спросилъ Джулекъ-батырь. «Сынъ мой, здѣсь два тигра, которые, когда говорятъ громко, приходить и пожираютъ нашъ скотъ». Отецъ-душа, вы примете ли гостя? Да, сынъ мой, гость—подарокъ, отъ Бога ***). Отецъ! я уже столько днейхожу голодный. Вынесите мнѣ изъ дома блюдо каши ****) да лепешки двѣ, а я въ это время потихонечку буду пахать волами». Хорошо, сынъ мой, гони ихъ потихонечку, пока я пойду въ домъ поискать для васъ пищи». Джулекъ-батырь взялъ палку пахаря и прогналъ воловъ. Шаговъ черезъ триста онъ сталъ громко кричать на воловъ: бамъ кель, бамъ кель *****). Когда онъ такимъ образомъ прогналъ ихъ дважды вокругъ помя въ прямомъ и обратномъ направлениі, откуда ни возмись, два тигренка появились и грозили сѣсть и выпить все на пути. Джулекъ-батырь оставилъ воловъ и взялъ тигрять за уши, положилъ на нихъ ярмо съ плугомъ и прогналъ ихъ съ шумомъ и трескомъ. «Вы ли это, (прикрикивалъ онъ, погоняя ихъ палкою) которые, не давая человѣку времени мигнуть, пожирали скотъ его!»

*) Исли-азамъ. Это имя находится въ Коранѣ, но которое изъ эпитетовъ Бога въ Коранѣ есть исли азамъ, остается тайною.

**) Дардъ—боль. Дамана—подоль. Восклицанія эти, выражаютъ огорченія, болѣше употребительны у таджиковъ.

***) Пословица.

****) Атади—мучной хлѣбъ или мучная каша.

*****) То есть: Поворачивай!

Прежде чѣмъ старикъ вынесъ пищу, Джулекъ вспахалъ три раза землю старика, да вдобавокъ еще земли нѣсколькихъ другихъ лицъ. Когда стариkъ вышелъ, Джулекъ-батыръ сказалъ: о, отецъ душа, иди не бойся! Стариkъ увидѣлъ, что волы пасутся и что Джулекъ-батыръ впряженъ двухъ тигровъ. Съ шерсти каждого изъ нихъ поть лился, какъ изъ кувшина.—Сынъ мой, не уставай*).—О отецъ, будь здоровъ.—Сынъ мой, ты молодецъ!...

Джулекъ-батыръ оставилъ плугъ и пошелъ бѣть, внушивъ тиграмъ не трогать старика и всѣхъ его потомковъ и отпустилъ ихъ со словами: «Если вы ихъ тронете, я приду, хотя бы издалека, отрѣжу вамъ головы и уничтожу весь вашъ родъ» Стариkъ тогда сказалъ: проси у меня, чего хочешь. Джулекъ-батыръ сказалъ: о дѣдъ! чего мнѣ просить у тебя? скажи мнѣ только, гдѣ выходъ на свѣтлый міръ. Стариkъ отвѣтилъ: ступай къ царю этой страны: можетъ быть, онъ найдетъ средство....

Джулекъ-батыръ пустился въ путь къ царю. На пути онъ увидѣлъ, какъ одинъ человѣкъ въ черной палатѣ привязалъ одну дѣвицу и одного барана и затѣмъ убѣжалъ. Джулекъ-батыръ тотчасъ вошелъ туда. Дѣвица сказала: «юноша! моя жизнь кончилась, моя смерть пришла... для этого я сюда пришла. Но ты не умирай изъ-за меня. Возвратись туда, откуда ты пришелъ. «Джулекъ-батыръ спросилъ: зачѣмъ тебя здѣсь привязали? Она отвѣтила: драконъ опустошаетъ страну моего отца. Ему каждый день отдаютъ одну дѣвицу. Уже, кромѣ меня, ни одной дѣвицы въ странѣ не осталось. Джулекъ-батыръ сказалъ: я посмотрю, но я уже давно не спалъ; я на твоихъ колѣняхъ нѣсколько посплю. Когда подойдетъ время дракону притти, разбуди меня. Джулекъ-батыръ спалъ крѣпко, когда драконъ подходилъ съ глазами, подобными факеламъ, притягивая все посредствомъ дыханія. Дѣвица никоимъ образомъ не могла разбудить Джулекъ-батыра. Она задрожала и уронила слезу на глазъ Джулекъ-батыра. Глазъ его отъ єдкости слезы открылся. Онъ вскочилъ и крикнулъ: Ха! Дѣвица отвѣтила: вотъ онъ идетъ! «Если онъ идетъ, и мы готовы», сказалъ Джулекъ-батыръ и вышелъ. Драконъ сталъ притягивать его къ себѣ посредствомъ вдыханій. Джулекъ былъ втянутъ въ его ротъ и вышелъ изъ его тыла, разсѣкши дракона на двѣ половины. Онъ взялъ съ собою ремень изъ шкуры его и далъ дѣвицѣ для кармана, а самъ улегся спать и заснуль спокойно...

Царь послалъ, чтобы кто-нибудь провѣдалъ его дочь, но никто не захотѣлъ. Тогда царь приказалъ привязать жившаго въ томъ городѣ труса къ хорошей лошади посредствомъ 40 арш. холста. Трусъ, крѣпко привязанный къ лошади, поплакалъ и выѣхалъ на дорогу,

* Соответствуя русскому: Богъ помочь,

СИМУРГЪ(АНКА)

Изъ персид. сочин. „Маглюмату-ль-Афакъ.”

съ мечемъ въ рукѣ. Трусь дрожа доѣхалъ до мертваго дракона, мечемъ перерубилъ мату, вырѣзаль изъ шкуры дракона ремень и поскакалъ съ нимъ назадъ, спрашивая суюнчи *) у царя. Царь сказалъ: привези dochь. Онъ привезъ и dochь. Царь устроилъ пиръ, чтобы выдать dochь за труса. Dochь сказала: отецъ! что вы такое устраиваете? Онъ сказалъ: я хочу выдать тебя за того, который убилъ дракона... Кто это такой? спросила она. Былъ здѣсь трусь, онъ убилъ дракона, отвѣтилъ царь.— «Отецъ! и глупецъ же вы: человѣкъ, убившій дракона, лежитъ тамъ безъ движенія». Царь послалъ за Джулекъ батыромъ и предложилъ ему dochь въ замужество. Джулекъ-батыръ сказалъ: на что мнѣ твоя dochь? я и царство и все имущество свое отдаамъ тебѣ. На что мнѣ царство и все имущество твое? Царь сказалъ: проси, чего хочешь. Джулекъ сказалъ: вотъ чего я у тебя прошу: отправь меня на бѣлый свѣтъ. Царь отвѣтилъ: «Это совершенно невозможно для меня и для людей; развѣ только симургъ**) тебя вывезетъ. Эта птица находится подъ такою-то горою, у родника, въ гнѣздѣ, устроенномъ на чинаре**»).

Джулекъ пошелъ къ этому чинару, слѣзъ съ коня и заснулъ. Вдругъ онъ былъ разбуженъ крикомъ дѣтенышей симурга: «чиръ-пиръ, чиръ-пиръ», поднялъ голову и увидѣлъ дракона, ползущаго по направленію къ дереву извивающимся***) движеніемъ. Джулекъ вскочилъ, обнажилъ мечъ и разсѣкъ дракона на три--четыре куска, и бросиль мясо птенцамъ симурга. Птенцы съѣли все, а голову дракона отложили для матери. Симургъ - птица прилетѣла и увидѣла что-то, лежащее подъ чинаромъ. «Аба! вотъ кто пожираетъ ежегодно моихъ птенцовъ... Я подниму и уроню надъ нимъ большую скалу, чтобы уничтожить его навсегда». И она принесла скалу. Тогда птенцы запищали: чиръ-пиръ, пиръ-пиръ****). Птица сказала: я сначала провѣдаю моихъ птенцовъ и положила скалу на землю. «Ха, дѣти мои!

*) Подарокъ за сообщеніе радостной вѣсти.

**) Смотри рисунокъ.

***) Дерево платанъ.

****) Уразыбъ. Должно быть, ноги у дракона были коротки. Шиллеръ въ «борьбѣ съ дракономъ» рисуетъ его на короткихъ ножкахъ.

*****) Во всей этой сказкѣ Джулекъ-батыръ въ самыи опасныи минуты, гдѣ его имущество даже не помогло бы ему, выручается тѣми, которыми онъ оказывалъ услуги.

Въ чёмъ дѣло?— «Мать! нашихъ братьевъ пожиралъ ежегодно драконъ, а этотъ юноша убилъ его и далъ намъ. Мы съѣли его и оставили тебѣ голову для знака». Симургъ сѣяла голову, сидѣла съ чинара и держала крылья надъ головою Джулека для тѣни отъ солнца во время его сна. Джулекъ-батыръ проспалъ семь дней и семь ночей. Когда онъ всталъ, то замѣтилъ надъ головою совершенно черный покровъ. «Сынъ мой! не бойся, требуй отъ меня, чего хочешь». Когдѣ требовать, то я хочу, чтобы ты вывезла меня на бѣлый свѣтъ. «Охъ, дитя! ты выбралъ мою слабую сторону; но такъ какъ ты сдѣлалъ добро, то и я тебѣ сдѣлаю добро. Ступай, заколи 40 жирныхъ лошадей, помѣсти мясо всѣхъ 40 въ шкуры двадцати изъ нихъ, а изъ шкуры остальныхъ двадцати сшей мѣхи и налей ихъ водою». Онъ такъ и сдѣлалъ. Симургъ сказала: «закинь ихъ мнѣ на спину; когда я потребую воды, ты долженъ дать воды, а когда я потребую мяса, ты долженъ дать мяса».

Когда все было готово, они полетѣли. Симургъ, поднявшись вверхъ, потребовала воды. Онъ подалъ мяса. Она потребовала мяса. Онъ подалъ воды. Такъ онъ продолжалъ дѣлать. Мясо кончилось, а до выхода на бѣлый свѣтъ оставалось около разстоянія, на какое можно бить коньемъ. Джулекъ сказалъ: я не хочу, чтобы мы упали и разбились, и онъ вырѣзалъ кусокъ изъ своей ляшки^{*}) и подалъ ей. Симургъ проглотила кусокъ и вылетѣла на свѣтъ, сѣла тамъ, и спросила: когда я требовала мяса, ты подавалъ воду, когда я требовала воды, ты подавалъ мяса; и мясо, которое ты подалъ мнѣ въ послѣдній разъ, было какое? Джулекъ сказалъ: нѣть, и мясо послѣднее было тоже мясо. Симургъ сказала: «нѣть, не то мясо; скажи правду, а то я тебя брошу въ мѣсто, еще темнѣе прежняго». Тогда Джулекъ-батыръ сказалъ: «Ты требовала мяса, я подавалъ воду; ты требовала воды, я подавалъ мясо. Когда мы были близко къ выходу, то мясо вышло все, и я вырѣзалъ кусокъ изъ своей ляжки». Откройся, я посмотрю. Джулекъ-батыръ открылъ ляжку. Симургъ приложила кусокъ мяса, который у нея еще хранился подъ языкомъ, на свое мѣсто, полизала, и оно срослось. «Ступай теперь; да откроетъ Богъ тебѣ путь». Джулекъ-батыръ дошелъ до того колодца, откуда онъ спустился, и увидѣлъ, что изъ трехъ человѣкъ двое стараются перекинуть камень черезъ стѣну и не могутъ. Третье лицо сидѣло. Джулекъ-батыръ подошелъ ближе и спросилъ: Добрые молодцы, что вы дѣлаете такое? Они отвѣтили: Эта пары обѣщала памъ выйти за того, кто кинетъ

^{*}) Это же въ одной иѣменной сказкѣ, Симургъ тамъ называется Gruif.

камень черезъ эту стѣну, но ни одинъ изъ насы не можетъ сдѣлать это. «Погодите, сказалъ Джулекъ-батыръ: посмотримъ, могу ли я». Онъ бросилъ, и камень пролетѣлъ три аршина выше стѣны и упалъ внизъ за стѣною. «Ну что теперь, добрые молодцы?» Они отвѣтили: у насъ обѣщаніе одно и исполненіе одно*): пяри ваша.—Кто вѣсъ привель сюда? спросилъ онъ. «У насъ былъ братъ, по имени Джулекъ-батыръ, который далъ намъ руки и глаза, которыхъ у насъ недоставало; онъ спустился въ колодезь на веревкѣ, а тамъ привязалъ къ веревкѣ эту пяри. Мы здѣсь занимались, а бѣдный братъ нашъ вышелъ изъ памяти». Вы знаете ли его, если увидите? При этомъ Джулекъ обнажилъ мечъ и сказалъ: «Изрубить ли вѣсъ обоихъ на мѣстѣ? Какое зло я вамъ сдѣлалъ, что вы не спустили мнѣ арканъ? Но такъ какъ мы вмѣстѣ жили и были хлѣбъ—соль, то я, въуваженіе къ этому, отпущу вѣсъ. Ступайте, откуда вы пришли».

Джулекъ-батыръ взялъ съ собой пяри и пошелъ въ путь домой. Онъ шелъ долго и отошелъ далеко. Черезъ много дней и много ночей онъ дошелъ до родного города, вошелъ въ домъ отца и увидѣлъ тамъ приготовленія къ пиру. Въ 40 мѣстахъ котлы были установлены. Онъ спросилъ у одного человѣка о причинѣ этихъ приготовленій. «Братья Джулекъ-батыра привезли съ дороги, откуда не возвращаются, трехъ пяри. Сегодня срокъ ожиданія прошелъ и вечеромъ пяри будутъ выданы». Хорошо, погодите, я попробую подложить огня, сказалъ Джулекъ-батыръ. И онъ взялъ щипцы, но вмѣсто того, чтобы подложить янтака**), онъ сунулъ человѣка въ огонь. Прежде, чѣмъ можно было произнести: ана мана***), онъ сунулъ 40 человѣкъ въ 40 очаговъ. Тогда произошелъ беспорядокъ на пиру, люди стали шептаться: чу, чу! и всѣ убѣжали съ мѣста... Отецъ его, сидѣвшій въ углу, былъ слѣпой. Джулекъ-батыръ слюною смочилъ его глаза, и глаза открылись. Мать также была слѣпая. Джулекъ смочилъ ея глаза сильно, и она прозрѣла. Поздоровавшись и поплакавши съ родителями, Джулекъ спросилъ: что случилось? Отецъ отвѣтилъ: твои братья сказали, что они шли по дорогѣ, съ которой не возвращаются, убили Дивовъ и пріобрѣли столько богатствъ, но что о Джулекѣ-батырѣ, который пошелъ по дорогѣ, съ которой возвращаются, нѣть вѣсти. Джулекъ-батыръ позвалъ обоихъ братьевъ и сказалъ: «Не уставайте****)

* Т. е. мы держимъ слово.

**) Янтакъ родъ кустарника, растущій въ стенах.

***) Вотъ, вотъ!

****) Хармангъ! форма привѣтствія во время работы—Богъ помочь! Въ данномъ случаѣ привѣтствіе имѣть отѣновъ вромі.

вы, пришедшие съ дороги, съ которой не возвращаются, силачи такие! Я ли продавалъ лепешки, сказалъ онъ, обращаясь къ среднему брату? Я ли сидѣлъ у очага калляназа, разжигая огонь и перебиваясь со дня на день сухою лепешкою и помоями? сказалъ онъ старшему. Не боитесь вы Бога, не стыдитесь вы людей! Вы отрубили ноги такому человѣку, какъ я, предоставивъ его смерти въ степи. «Отець!» сказалъ онъ дальше: кто изъ этого луга выстрѣлить въ цѣль, тотъ будетъ правъ. А кто не сможетъ выстрѣлить и убить самъ себя, то не жалуйся на меня». Отець сказалъ: «хорошо, сынь мой, стрѣляйте». Старшій братъ взялъ лукъ и стрѣлы и выстрѣлилъ. Стрѣла не попала въ цѣль, а возвратилась къ нему же и ударилась ему въ лобъ. Онъ упалъ и умеръ. Стрѣляй, сказалъ онъ среднему брату. Тотъ также взялъ лукъ и стрѣлы и выстрѣлилъ. Стрѣла, не попавши въ цѣль, возвратилась и убила его самого.

Джулекъ-батыръ тогда женился вторично на трехъ пир, задалъ пиръ, продолжавшійся 40 дней и 40 ночей, повеселила народъ и достигъ своей цѣли^{*}).

Пусть добрый достигнетъ цѣли,

А злой останется въ стыдѣ (пословица).

А Джулекъ отъ чего-же будетъ оставаться въ стыду? Пусть и онъ достигнетъ цѣли, а вмѣстѣ съ нимъ и мы достигнемъ цѣли! Аминь! Царь міровъ!

(Эта сказка доставлена издателю А. Н. Вышнегородскимъ).

^{*}) „Мураду мақсадыға Ынгты“ въ буквальномъ переводе означаетъ: достигъ своей цѣли, а въ свободномъ переводе: зажилъ мирно. Стереотипная формула конца сказокъ.

Дочь купца и старикъ.

Въ одно время жилъ купецъ, по имени Кубла-бashi. У Кубла-бashi были одинъ сынъ и одна дочь. Матери ихъ на свѣтѣ уже не было. Потомъ собрались къ Кубла-бashi купцы и сказали ему: «поѣдемъ въ городъ, называемый Кала *), торговать!» Кубла-бashi удивился этому, сына взялъ съ собою, а дочь поручилъ одному знакомому своему старцу. Когда онъ и купцы уѣхали, дочь Кубла-бashi стала жить и служить у старца.

Однажды старецъ всталъ и сказалъ: «съ кѣмъ же мнѣ играть и смѣяться, какъ не съ такою дѣвушкою?... И вотъ, когда дѣвушка пришла къ нему и стала лить ему на руки воды, онъ схватилъ ее за руку. Но дѣвушка встала и сказала: «если Вы—нашъ старецъ, то можетъ ли исходить отъ старца такое дѣло?» Старецъ сказалъ: «воля моя играть съ тобою и смѣяться!» Дѣвица встала и въ гнѣвѣ ударила старца рукомойникомъ по головѣ и разбила ему голову. Старецъ отъ этого лишился чувствъ и свалился, а дѣвушка уѣждала. Старецъ потомъ пришелъ въ сознаніе и поднялся со своего мѣста. Послѣ этого купцы, уѣхавшіе въ городъ Калу, прибыли и остановились въ городѣ Коканѣ. Кубла-бashi написалъ къ старцу письмо и спрашивалъ: «благополучно ли поживаются нашъ старецъ и наша дочь?» Старецъ всталъ, прочиталъ письмо и написалъ отвѣтное письмо Кубла-бashi. Кубла-бashi прочиталъ письмо, въ которомъ старецъ говорилъ: «дочь твоя развратилась!» Тогда Кубла-бashi всталъ и сказалъ: «какъ я поѣду въ этотъ самый городъ?...» Онъ сказалъ своему сыну: «ступай ты въ этотъ городъ, найди мою дочь, а свою младшую сестру, зарѣжь ее, возьми ложку крови и привези мнѣ; я вынью ее, успокою свое сердце и тогда поѣду въ свой городъ!» Сынъ Кубла-бashi пріѣхалъ и нашелъ свою сестру, а когда вывелъ ее за городъ и хотѣлъ было зарѣзать, подошелъ къ нему нищій странникъ. Странникъ сказалъ: «зачѣмъ тебѣ рѣзать ее? не рѣжь ее, а куши козленка, возьми у него ложку крови и привезь свою отцу!» Сынъ взялъ козленка и зарѣзалъ, а кровь его отвезъ своему отцу. Отецъ выпилъ кровь и успокоился. Потомъ онъ направился прямо въ свой городъ. Пріѣхавъ въ свой городъ, онъ нашелъ старца, и оба стали спрашивать другъ друга о здоровье и о родственникахъ.

) Гор. Кала (Калахъ?)—древній городъ Ассиріи. Н. О.

Дочь ушла раныше въ пустыню, гдѣ росъ чинаръ и текъ подъ чинаромъ ручеекъ. Дѣвушка пошла и попила изъ ручейка воды. Попивъ воды, она взобралась на верхушку чинара.

Въ это время соседній царь со своими 40 молодцами выѣхалъ въ степь на охоту. Поохотясь, онъ ѿхалъ уже обратно и, подъѣхавъ къ ручейку, остановился. Когда царь остановился у ручейка, взоры его упали на верхушку чинара, и онъ увидѣлъ дѣвушку, находившуюся на верхушкѣ чинара. Царь всталъ и сказалъ: «кто ты такая?» Дѣвица встала и сказала: «я—дочь Кубла-бashi, купца иѣкоего города!» Царь всталъ и сказалъ: «я возьму тебя!» Снявъ дѣвушку съ чинара, царь увелъ ее къ себѣ домой. Привезши домой, онъ спрavitъ свадьбу и веселье и женился на ней. Тѣмъ временемъ прошло иѣсколько лѣтъ, иѣсколько времени. Богъ далъ ей сына и дочь. Впослѣдствіи, когда сынъ и дочь ея подросли, царь вышелъ однажды на улицу и сѣлъ тамъ. Въ это время съ громомъ проѣхали купцы. Услышавъ, какъ они съ громомъ проѣзжаютъ, царица вышла къ воротамъ и видитъ — єдетъ толпа купцовъ. Царицѣ на умъ пришелъ ея отецъ, и она пролила новыя слезы. Царь, стоя на улицѣ, замѣтилъ, какъ плачетъ его жена. Царь вошелъ въ домъ къ своей женѣ и сказалъ: «почему ты плачешь?» Жена встала и сказала: «я не плачу!» Царь всталъ и сказалъ: «почему же на твоихъ глазахъ замѣтны слезы?» Жена встала и сказала: «Когда я смотрѣла на верхъ дома, въ глазъ мнѣ попала соринка; потерла я свой глазъ, и изъ глазъ потекли слезы!» Царь опять всталъ и сказалъ: «нѣть, ты мнѣ это говоришь ложно!» Жена встала и сказала: «если говорить по правдѣ, мой отецъ—глава купцовъ. Видя, какъ проѣзжаютъ эти самые купцы, я вспомнила своего отца и прослезилась!» Затѣмъ царь всталъ и сказалъ: «если отпушу тебя въ городъ твоего отца, поѣдешь-ли?» Жена встала и сказала: «если отпустите, поѣду!»

У царя былъ младшій братъ. Позвалъ его царь и сказалъ: «запряги въ телѣгу коней!» Братъ пошолъ и запрягъ коней въ телѣгу. Царь усадилъ въ телѣгу свою жену съ сыномъ и дочерью и отправилъ ихъ къ ея отцу. Ёдучи дорогою, братъ царя, поддавшись искушенію дьявола, сталъ замышлять въ своемъ сердцѣ грѣховное. Дьяволъ такъ подговаривалъ брата царя: «когда єдеть въ телѣгѣ такая штука, съ кѣмъ же тебѣ играть и смѣяться, какъ не играть и не смѣяться съ нею?» Слѣдя навѣтамъ дьявола, юноша впрыгнулъ въ телѣгу и крѣпко схватилъ царицу, жену брата, за руку. Царица встала и

сказала: «что ты дѣлаешь?» Братъ царя всталъ и сказалъ: «я хочу играть съ тобою и смѣяться?» Тогда царица встала и сказала: «если хочешь со мною играть и смѣяться, я спущусь на землю и очищу себя!» Братъ царя сказалъ царицѣ: «ладно!» и спустилъ ее на землю. Царица, спустившись на землю, пошла пѣшкомъ по большому арыку. Наткнувшись на тропинку, она пошла одна по направлению къ своему отцу. Юноша всталъ и сказалъ: «вернись назадъ; развѣ не сядешь въ телѣгу?» Царица остановилась и сказала: «я не сяду въ телѣгу, а пойду пѣшкомъ!» Тогда юноша сказалъ: «такъ я убью обоихъ твоихъ дѣтей!» Царица сказала: «если убьешь, твоя воля! если голова моя будетъ цѣла, то такихъ дѣтей нарожаю, сколько угодно!» Юноша, препираясь съ этою женщиной, убилъ обоихъ дѣтей ея, а потомъ повернулъ телѣгу и пріѣхалъ къ своему старшему брату. Царь спросилъ: «свѣзъ ли ихъ къ отцу?» Братъ его всталъ и сказалъ: «жена твоя оказалась развратною: дорогою поймали меня ея любовники и отняли у меня твою жену!». Услышавъ эти слова, царь опустилъ руки. Потомъ царь всталъ и сказалъ: «въ такомъ случаѣ я самъ отправлюсь за ней слѣдомъ!» И царь, отправившись за ней слѣдомъ, поѣхалъ къ отцу ея. Когда царь пріѣхалъ къ отцу своей жены, спросилъ: «приходила ли сюда твоя дочь?» Отецъ всталъ и сказалъ: «у меня дочери нѣть: я вѣдѣлъ зарѣзать мою дочь, и кровь ея я выпилъ!» Услышавъ эти слова, царь удивился.

Отецъ жены царя, Кубла-бashi женилъ теперь своего сына и готовился справлять свадьбу и веселіе, чтобы сочетать сына бракомъ. Желая посмотреть на свадьбу, остался тутъ и царь. Тогда и жена царя, идя по тропинкѣ, пришла къ городу, гдѣ жилъ ея отецъ, и отъ людей отца услышала, что собираются женить старшаго брата ея и готовятся къ свадьбѣ! Царица, услышавъ эти слова отъ людей, опустила съ горя руки и сказала: «я пойду на свадьбу!» Когда она вышла на улицу и хотѣла было идти на свадьбу, пастухъ гналъ мимо овецъ. Царица сказала ему: «эй, пастухъ! не обмѣняешься ли со мною платьемъ и шапкою?» Пастухъ остановился и сказалъ: «обмѣняюсь!» Царица сняла свое платье и шапку и надѣла платье и шапку пастуха. Принявъ видъ пастуха и взявъ въ руку палку, пошла она къ тому самому повару, который готовилъ кушанья.

Нанявшись къ повару, она входила внутрь дома и выходила. Войдя внутрь дома, она посмотрѣла и увидѣла, что тамъ сидѣли: ея отецъ и старецъ, который хотѣлъ играть съ нею и смѣяться,

царь и дѣти. Увидѣвъ ихъ, она повернулась и пришла къ своему учителю-повару. Поваръ всталъ и сказалъ: «сиди ты вотъ тутъ, а я буду ходить къ нимъ!» Оставивъ ее, поваръ пошелъ къ гостямъ. Когда онъ вошелъ къ нимъ, хозяинъ пира, Кубла-бashi всталъ и сказалъ: «ступай и приготовь кушанья мокмы!» Поваръ вышелъ оттуда, пришелъ къ своему ученику и сказалъ: «разожги въ очагѣ огонь, приготовимъ имъ кушанья мокмы!» Ученикъ сказалъ: «учитель, это кушанье я приготовлю самъ!» Учитель возразилъ: «это кушанье ты испортишь, тебѣ не сдѣлать его!» Ученикъ сказалъ: «я приготовлю это кушанье, какъ слѣдуетъ!» — «Ладно, въ такомъ случаѣ дѣлай!» сказалъ поваръ. Ученикъ приготовилъ это кушанье и понесъ его къ тѣмъ людямъ. Это кушанье одобрили отецъ, мужъ и старецъ, говоря: «хорошее кушанье!». По окончаніи обѣда, царь всталъ и сказалъ повару: «расскажи-ка хоть чѣмнога какую-нибудь повѣсть!» Поваренокъ — царица шепнула повару, встала и сказала: «этую повѣсть разскажу я!» Отецъ всталъ и сказалъ: «ты — пастухъ; развѣ ты сможешьъ разсказать намъ повѣсть!» Царь всталъ и сказалъ: «кому же и разсказывать повѣсть, какъ не пастуху!» Отецъ всталъ и сказалъ: «въ такомъ случаѣ, пастухъ, разсказывай!» Пастухъ всталъ и сказалъ: «ладно, разскажу!» и сталъ рассказывать:

«Жилъ купецъ, по имени Кубла-бashi. У него были одинъ сынъ и одна дочь. У этого же самого купца былъ также весьма близкій старецъ. Однажды купцы собрались къ Кубла-бashi и сказали: «не поѣдешь ли въ городъ Кала?» — «Ладно!» отвѣчалъ Кубла-бashi: «сына своего возьму съ собою; кому же оставлю свою дочь?» Говоря такъ, онъ недоумѣвалъ. Потомъ онъ взялъ за руки дочь и поручилъ ее старцу, а самъ вмѣстѣ съ купцами отправился въ городъ Кала. Дочь его стала жить и служить у старца. Однажды старецъ сказалъ: «хочу играть и смѣяться съ тобою!» и схватилъ ее за руку. Тогда дѣвица сказала: «Отпустите!» и долго дружески уговаривала своего старца. Но старецъ не отпускалъ ея, а схватилъ и держалъ крѣпко. Дѣвушка отъ гиѣва ударила старца по головѣ рукомойникомъ и разбила ему голову, а затѣмъ ушла отъ своего старца. Потомъ купцы вмѣстѣ съ ея отцомъ изъ того самаго города Кала прїѣхали въ городъ Коканъ и остановились. Живя въ городѣ Коканѣ, отецъ написалъ своему старцу письмо. Прочитавъ письмо, старецъ узналъ, что купецъ здоровъ и невредимъ. Старецъ также написалъ въ Коканъ письмо. Кубла-бashi всталъ, прочиталъ и узналъ, что старецъ написалъ: «дочь твоя развратилась!» Тогда Кубла-бashi отправилъ въ

свой городъ сына, говоря: «ступай, найди свою младшую сестру, зарѣжь ее и принеси мнѣ одну ложку крови ея!» Сынъ Кубла-бashi выѣхалъ и прїѣхалъ въ свой городъ. У старца своего онъ спросилъ: «гдѣ моя сестра!» Старецъ всталъ и сказалъ: «сестра твоя развратилась: когда я нашелъ ее и повелъ домой, за нею показались ся любовники, побили меня, разбили мнѣ голову, а сестру твою увезли!» Затѣмъ братъ сталъ разыскивать свою сестру и нашелъ ее. Нашедши свою сестру, братъ увелъ ее изъ города, думая зарѣзать. Потомъ пришелъ къ нему нищій-странникъ и сказалъ: «не рѣжь ея». И еще нищій сказалъ: «купи козленка, зарѣжь этого самаго козленка и ложку крови его отвези своему отцу!» Тогда онъ купилъ козленка, зарѣзаль его и ложку крови его отвезъ своему отцу. Отецъ, выпилъ одну ложку крови, успокоилъ сердце и поѣхалъ въ свой городъ. Прїѣхавши въ городъ и повидавшись со старцемъ, Кубла-бashi прибылъ домой и сталъ жить, ни разу не вспоминая о томъ, что упомянутая его дочь зарѣзана. Дочь же его, когда уѣжала отъ старца въ степь, увидала тамъ чинаръ, а подъ чинаромъ ручеекъ. Не останавливаясь у этого ручейка, девушка взобралась на верхушку чинара. Потомъ подѣхалъ къ чинару какой-то царь и спросилъ: «кто ты: пяри ли ты, или произшедшая отъ пяри? что ты за существо, сидящее здѣсь?» Девушка сказала: «я существо человѣческое, по волѣ Божіей сижу здѣсь!» Царь сказалъ: «въ такомъ случаѣ Богъ Всевышній тебя судилъ мнѣ, а меня тебѣ!...»

Кончивши эту новѣсть и повѣдавши о себѣ, пастухъ снялъ съ себя шапку и, показавши, что онъ—девушка, вышелъ вонъ. Кубла-бashi, понявши, что это-девушка—его дочь, поднялся со своего мѣста и обезглавилъ близкаго ему старца. Потомъ онъ снова спроводилъ пиръ и веселіе, снова отдалъ свою дочь за мужъ за вышеупомянутаго царя.

Проживши долго ли, коротко ли, всѣ достигли желанія (т. е. спокойно оставили сей бренный міръ).

(Эта сказка записана со словъ Маргеланскаго сарга Н. Н. Шантусовымъ и перепечатывается здѣсь съ его разрѣшенія съ вѣкторыми измѣненіями въ редакціи).

Д О П О Л Н Е Н И Я.

I. Раассказъ Ташкенскаго туземца Муллы Абдуль-Халима (Куся-ваизъ) о происхождении демоновъ

Есть преданіе, что однажды Абдулла Ибнъ-Мас'удъ, сподвижникъ пророка Мухаммеда, спросилъ его: «Земля на чемъ утверждена?» Пророкъ отвѣтилъ: «Богъ Всевышнай сотворилъ одного быка, у которого отъ головы до конца хвоста—пять сотъ лѣтъ пути, а разстояніе между двумя рогами его—двѣсти пятьдесятъ лѣтъ. Земля утверждена на одномъ рогѣ этого быка. Однажды шайтанъ проникъ въ ухо быка и сказалъ: «Какъ поживаешь?» Быкъ отвѣтилъ: «Милосердый Господь наложилъ на меня одну большую тяжесть, а что это такое,—я не знаю». Шайтанъ сказалъ: «На тебѣ поставлена земля, а изъ нея появятся осинадцать тысячъ мровъ, и ты не будешь въ состояніи выдержать такой тяжести. Воспользуйся настоящимъ положеніемъ и сбрось съ себя эту тяжесть.» Быкъ поддался искущению шайтана и мотнулъ головой, чтобы тряхнуть рогомъ и сбросить землю. Тогда Милосердый Господь повелѣлъ одной мухѣ: «Поди заползи въ нось къ быку и ужалъ его». Муха заползла въ нось къ быку, ужалила его и оставила ядъ: тогда быкъ заревѣлъ громкимъ голосомъ и потому сталъ называться «ревуномъ» (бакарь). Милосердый Господь сказалъ: «Гы согласился на слова шайтана и обнаружилъ нетерпѣніе; за это Я даю власть надъ тобою мухѣ, и она будетъ кусать тебя до самаго воскресенія мертвыхъ; какъ скоро ты такимъ образомъ окажешься непослушнымъ, то всякий разъ муха будетъ ядовито жалить тебя».—Въ настоящее время причиною землетрясеній служить то, что быкъ, какъ припомнить искущеніе шайтана, то и хочетъ сбросить съ себя землю. Земля тогда начинаетъ трястись, но вышеупомянутая муха тотчасъ кусаетъ быка, и онъ успокаивается.

Еще тотъ-же Абдулла Ибнъ-Мас'удъ спросилъ: «На чёмъ стоять четыре ноги этого быка?» Пророкъ отвѣтилъ: «Премудрый Господь сотворилъ одну рыбу, у которой отъ головы до хвоста пятьсотъ лѣтъ пути. Ноги быка стоять на этой рыбѣ». Ибнъ-Мас'удъ спросилъ: «А рыба эта на чёмъ?» Пророкъ отвѣтилъ: «На водѣ».—«А вода на чёмъ?» —Отвѣтилъ: «На вѣтре».—«А вѣтеръ где?»—Отвѣтилъ: «Надъ

адомъ». — «А адъ на чёмъ?» Пророкъ отвѣтилъ: «Адъ—въ одномъ блюдѣ». — «А это блюдо на чёмъ?» — «Въ руکѣ одного ангела». — «А этотъ ангелъ на чёмъ?» — Пророкъ отвѣтилъ: «На червѣ, а имя этого ангела «Дарьяиль». — «Гдѣ находится этотъ ангелъ?» — Отвѣтъ: «Подъ седьмымъ ярусомъ ада».

Въ седьмомъ ярусе ада Богъ Милосердый сотворилъ изъ огня волчицу, по имени *Нимлисъ*, и тигра, по имени *Хыблисъ*, и повелѣлъ имъ быть, какъ мужу съ женой,—и они сдѣлались супругами. Родился у нихъ первый ребенокъ, они дали ему имя *Иблисъ*. И еще дочь, по имени—*Джинна*. Во второй разъ родился сынъ, которому имя—*Дивъ*, а послѣ него дочь, которую назвали *Аджина*. Въ третій разъ родился сынъ, которому дали имя *Шайтанъ*, и дочь, имя которой было—*Албасты*. И такъ далѣе, потомство ихъ размножилось.—Въ Коранѣ, въ главѣ «Милостивый» (55) сказано, что джинны сотворены изъ огня.

Богъ сказалъ Нимлисъ и Хиблису: «Пережените другъ на другѣ своихъ дѣтей, которыхъ не рождались двойнями». Отецъ и мать Иблиса сказали сыну: «Ты бери за себя Албасту», а Иблисъ не послушался и сказалъ: «Я возьму за себя Аджину, а Албасту не возьму».

Иблисъ съ гнѣвомъ отвернулся отъ родителей и потомъ удалился въ уголъ седьмаго ада и тысячу лѣтъ каялся тамъ. Когда такое раскаяніе Иблиса сдѣгалось очевиднымъ прочимъ адамъ, шестой адъ обратился къ Богу съ просьбой, чтобы и тамъ можно было видѣть подвигъ Иблиса. Богъ Милосердый принялъ эту мольбу и вывелъ Иблиса въ шестой адъ, и здѣсь онъ тысячу лѣтъ каялся. Услышали объ этомъ остальные ады и просили Бога о томъ же, и ихъ моленіе исполнилось: Иблисъ въ каждомъ аду по тысячѣ лѣтъ каялся и молился и, по окончаніи семи тѣячъ лѣтъ, вышелъ изъ *перваго* ада.

Тогда *первая* земля обратилась къ Богу съ такою же просьбой, и ея желаніе было исполнено: Иблисъ провелъ на первой землѣ въ покаяніи тысячу лѣтъ и т. д. Словомъ: на всѣхъ семи земляхъ Иблисъ каялся по тысячѣ лѣтъ: не осталось ни одной земли, на которой Иблисъ не касался бы своимъ лбомъ. Въ семи адахъ и на семи земляхъ онъ пробывъ четырнадцать тысячъ лѣтъ, да между небомъ и землей Иблисъ провелъ въ покаяніи также четырнадцать тысячъ лѣтъ.

По окончаніи 28,000 лѣтъ покаянія Иблиса, первое небо и звѣзды пожелали также видѣть Иблиса, и Милосердый Господь, принялъ ихъ мольбу, вывелъ Иблиса на первое небо. Тамъ онъ провелъ

тысячу лѣтъ въ покаяніи, послѣдовательно восходя на семь небесъ, провелъ такъ семь тысячъ лѣтъ въ подвигахъ благочестія. Поднявшись отсюда къ престолу Божію, Иблисъ семидесять двѣ тысячи лѣтъ провелъ тамъ въ служеніи Богу.

За такое благочестіе Иблиса Милосердый Господъ далъ ему имя «*Азазиль*» и сдѣлалъ его учителемъ ангеловъ, которымъ онъ долженъ былъ преподавать уроки вѣры и благочестія. Восемь тысячъ лѣтъ онъ провелъ въ учительствѣ. Послѣ этого, когда Милосердый Господъ восхотѣлъ сотворить человѣка и поселить его на землѣ, Иблисъ воспротивился такой волѣ Божіей. — Объ этомъ рассказывается подробно въ «Книгѣ тайнъ» гдѣ приведены стихи изъ Корана (гл. 38 ст. 69) и преданій.

Нѣкоторые изъ джинновъ, также албасты, дивы и аджини давно уже приняли вѣру ислама, сдѣлались мусульманами и выразили желаніе ходить въ разныхъ видахъ по землѣ до кончины міра. Пророкъ сотворилъ молитву, и потомки ихъ до настоящаго времени ходить во всѣхъ мѣстахъ, въ разныхъ видахъ: иногда они являются въ человѣческомъ образѣ, иногда въ образѣ животныхъ. А тѣ изъ нихъ, которые не приняли ислама, были заперты въ Кавказскихъ горахъ, по молитвѣ пророка Соломона.

Джиннъ и Аджина—дѣти Нимисы и Хѣблиса. Они во всякое время ходятъ по землѣ и могутъ принимать различные образы и разные цвѣта. Такъ, напримѣръ: когда они показываются предъ людьми, то являются въ образѣ осла, или козы, или въ видѣ огни, даже въ видѣ телѣги. Мѣстами ихъ обыкновенного пребыванія служатъ кучи золы и навозныя мѣста, а пищею имъ служить всякая падаль. Когда находящіяся въ состояніи тѣлесной нечистоты лица совершаютъ омовеніе близъ навозныхъ кучъ, на своихъ дворахъ, тогда подвергаются вліянію джинновъ и аджини.

Люди, видѣвшіе духа-албасты, рассказываютъ, что албасты большую частію находятся въ развалинахъ построекъ и подъ орѣховыми деревьями и тамъ моютъ свою косматую голову. Люди, испорченные духомъ албасты, въ большинствѣ случаевъ не поправляются, а люди, которыхъ коснулись джиннъ или аджина, поправляются. Въ состояніи демоническомъ они рвутъ въ лоскуты свои одѣжды и єдятъ все, что ни попадется имъ на глаза—дозволенное закономъ и запрещенное. Такъ, напримѣръ: когда люди, находившіеся подъ вліяніемъ джинна или аджини, поправляются, при помощи молитвы, и ихъ спрашиваютъ о ихъ прежнемъ состояніи, то они рассказываютъ, что жить на землѣ и не видѣть джинна—значить не испытать удо-

вольствій, наслажденія, такъ какъ джинны и аджини, одни въ образѣ мужчинъ, другіе въ образѣ женщинъ, составляютъ маленькия собранія, вродѣ войска: одинъ изъ нихъ садится на тронъ, подобно царю, а всѣ прочіе располагаются около него рядами и находятся какъ бы на службѣ; одежды на нихъ позолоченные, и сидѣть они на позолоченныхъ подушкахъ, лежащихъ на пышныхъ тюфякахъ; повелитель приказываетъ имъ достать золота и серебра, а иногда заставляетъ подчиненныхъ поднимать свой тронъ и прыгать съ нимъ во всѣхъ направленияхъ. Когда все это видишь предъ собой, то никакихъ другихъ мыслей и чувствъ не испытываешь, кромѣ веселаго смѣха; тогда, кромѣ радости, никакой заботы не бываетъ. Когда же испорченный джинномъ или аджиной освободится отъ ихъ сообщества и поправится, то увидишь, что трономъ джиннамъ служила простая куча золы и всякаго сора, а золотомъ и серебромъ—обломки иголокъ, гвоздики и желѣзки.

Изложенный устный разсказъ Муллы Абдулъ-Халима, очевидно, основанъ на общемъ вѣрованіи мусульманскихъ народовъ въ джинновъ, какъ оно изложено въ разныхъ мѣстахъ Корана; но это вѣрованіе, по своему происхожденію, древнѣе и Корана, такъ какъ арабы-многобожники въ до-исламскій періодъ поклонялись джиннамъ (Коранъ гл. 6, ст. 100; гл. 34, ст. 40; гл. 37, ст. 158).

Въ Коранѣ о джинахъ говорится, что они —созданія Божіи и сотворены изъ огня самума, изъ огня безъ дыма (гл. 15, ст. 27; гл. 55, ст. 14). Они были созданы уже послѣ неба и земли, но прежде чѣловѣка (гл. 18, ст. 49), и сотворены для поклоненія Богу (гл. 51, ст. 55). Особенность ихъ природы составляетъ то, что они могутъ имѣть половыя сошенія съ людьми (гл. 55, ст. 56 и 74) и вводить людей въ заблужденіе (гл. 41, ст. 29). Это произошло уже послѣ паденія ихъ. Но Богъ не оставилъ ихъ безъ своего попеченія: изъ нихъ же Богъ избиралъ преданныхъ себѣ слугъ и посыпалъ къ ихъ братьямъ съ проповѣдью обѣ истинной вѣрѣ (исламѣ). Нѣкоторые изъ нихъ раскаялись и приняли истинную вѣру, а нѣкоторые остались въ своемъ заблужденіи: есть джинны вѣрующіе, мусульмане, и есть невѣрующіе (Кор. гл. 72, ст. 11 и 14). Нѣкоторые джинны сдѣлались вѣрующими, когда послушали чтеніе Корана (гл. 72, ст. 1—5; гл. 46, ст. 28—30). Нѣкоторые нераскаянные джинны продолжали совершать разныя преступленія и были наказаны Богомъ: они горятъ въ адскомъ огнѣ, служа для него дровами (гл. 72, ст. 15).—Другіе, имѣя злую волю и стараясь проникнуть въ небесныя тайны, пытаются подниматься на небо, чтобы подслушать разговоры

небожителей, но ангелы, стражи неба, отгоняют ихъ (гл. 55, ст. 33—35; гл. 72, ст. 8—9), бросая въ нихъ ракаленные камни (падающія звѣзды). Будучи такими вредоносными существами, джинны не всѣмъ людямъ могутъ дѣлать зло (портить); противъ нихъ можно употреблять разныя заклинанія. Пророкъ Соломонъ держаль джинновъ въ полномъ подчиненіи себѣ: они находились въ его войскѣ (гл. 27, ст. 18), строили и работали для него, что онъ приказывалъ (гл. 34, ст. 11—12; гл. 38, ст. 35), даже доставали для него жемчугъ изъ моря. Одинъ изъ джинновъ, подвластныхъ Соломону, названъ въ Коранѣ даже по имени. Это—Іѣфритъ. Онъ отличался особымъ могуществомъ и высказывалъ Соломону свою готовность принести къ нему тронъ Савской царицы, прежде чѣмъ Соломонъ встанетъ съ мѣста (гл. 27, ст. 38—39).

Вѣра въ джинновъ до настоящаго времени распространена среди сартовъ и киргизъ и непоколебимо держится, наводя на селеніе страхъ: кого коснется вліяніе джинна, тотъ впадаетъ въ тихое умопомѣшательство и считается юродивымъ (дивана). Изступленное состояніе, бѣшенство считается также послѣствиемъ вліянія джинна.—Любопытно, что туземцы иногда говорятъ: *Чирчикъ—джинны* (кирг. *джынды Чирчикъ*), т. е. *Чирчикъ—бѣшеный*, очевидно, желая этимъ указать на быстроту и силу теченія этой рѣки, часто срывающей мосты и плотины.

II. Акванъ-дивъ, Аржангъ-дивъ и Сафидъ-дивъ

Какъ видно изъ предыдущаго разсказа, дивы относятся къ роду демоновъ (джиннъ) и сотворены Богомъ изъ дыма, исходившаго отъ первосозданного огня. Такъ въ книгѣ «*Сіяр-и-шарифъ*» разсказывается, что Богъ Всевышнийъ, за много лѣтъ до сотворенія Адама, создалъ огонь, а изъ дыма отъ этого огня сотворилъ дивовъ. (Джинны были сотворены изъ пламени этого огня, а изъ свѣта его —ангелы.) Въ словарѣ «*Гылсу-ль-югатъ*» сказано, что *Іѣфритъ*, находившійся въ войскахъ пророка Соломона, былъ дивъ, хотя въ другихъ мусульманскихъ сочиненіяхъ говорится, что Іѣфритъ былъ джиннъ.

Но какъ бы ни было, вѣрованіе сартовъ въ происхожденіѣ

дивовъ изъ дыма имѣть связь съ общимъ индоевропейскимъ представлениемъ о божествѣ свѣта, огня. Корень *див* означаетъ въ индоевропейскихъ языкахъ свѣтлое божество: санскритское—*дева*, латин. *дeусъ*, греч. *теосъ* и *деосъ* и др. Но у индусовъ словомъ *дивъ* обозначаются враждебныя человѣку демоническая существа, и у персовъ *дивъ* обозначаетъ злого духа. Отъ персовъ это вѣрованіе перешло и къ сартамъ, вмѣстѣ со сказками, основа которыхъ общеиранская. Въ «Шахъ-Намѣ» названы три дива: Акванъ, Арджангъ и Сафидъ, которыхъ умертвилъ Рустамъ, и есть два изображенія дивовъ. Они имѣютъ видъ покрытаго шерстью чорта, съ рогами на головѣ, съ большими оскаленными клыками, съ когтами на рукахъ и ногахъ и съ длиннымъ хвостомъ, какъ показано на приложенномъ къ настоящему выпуску рисункѣ, заимствованномъ изъ «Шахъ-намы».

Дивы обладаютъ необыкновенное силой, но богатыри въ сказкахъ, хотя и съ трудомъ, побѣждаютъ ихъ. Такъ о Рустамѣ въ «Шахъ-намѣ», разсказано, что однажды къ царю Кайхисрау пришелъ пастухъ и доложилъ, что кто-то истребляетъ у него барановъ и лошадей. Царь сказалъ пастуху, что это—дивъ и, обратившись къ находившимся около него царямъ и войску, спросилъ: «Не можетъ ли кто-нибудь избавить этого пастуха отъ его бѣдствія?» —Никто изъ присутствовавшихъ не принялъ на себя такого труднаго дѣла. Тогда царь послалъ письмо въ Забулистанъ, къ Залу и его сыну Рустаму съ приглашеніемъ на этотъ подвигъ. Получивъ письмо, Залъ и Рустамъ явились къ Кайхисрау. Рустамъ спросилъ: «Какую службу я долженъ исполнить?» Царь сообщилъ ему о просьбѣ пастуха, а Рустамъ сказалъ: «Будеть ли это вредоносный скорпионъ, или дивъ, или аждаха—не спасутся они отъ моего смертоноснаго меча». Царь поручилъ ему убить дива.—Когда Рустамъ отправился разыскивать истребителя стадъ пастуха, дивъ Акванъ, подобно бурѣ, пронесся мимо богатыря. Рустамъ бросилъ свой арканъ съ петлей, но не зацепилъ дива. Нѣсколько разъ онъ старался захватить арканомъ дива, но не могъ. Такъ три дня онъ труdiлся, наконецъ усталъ и легъ соснуть близъ источника, при подошвѣ горы. Когда Рустамъ заснула, дивъ Акванъ издали увидѣлъ его и, подошедши къ нему, оторвалъ часть горы и поднялъ ее на своихъ ладоняхъ вмѣстѣ съ богатыремъ. (Этотъ моментъ взображенъ на одномъ рисункѣ въ «Шахъ-намѣ»). Рустамъ проснулся, и дивъ спросилъ его: «Ударить ли тебя о гору, или бросить въ воду?» Рустамъ просилъ дива, чтобы онъ ударилъ его о гору, но дивъ сѣдалъ напротивъ—бросилъ богатыря въ воду. Милосердый Господь видвинулъ сушу среди воды, и

Рустамъ спасся, вышелъ на прежнее свое мѣсто, къ источнику, гдѣ оставались его конь и оружіе. Тогда Акванъ-дивъ еще съ большою смѣлостю приблизился къ Рустаму, а богатырь набросилъ на дива свой арканъ и зацепилъ его за шею. Потомъ Рустамъ съ силой рванулъ арканъ и, подтащивъ къ себѣ дива, закололъ его своимъ смертоноснымъ мечемъ.

Далѣе разсказывается, что персидскій царь Кайкаусъ предпринялъ походъ въ Мазандеранъ, страну дивовъ, и попалъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Тогда онъ послалъ къ Залу, отцу Рустама, письмо проосьбой о помощи. Когда Рустамъ явился, то долженъ былъ убить дива Аржанга и дива Сафіда (Бѣлаго). Дивъ Аржангъ пытался сначала запугать Рустама разными страхами, но Рустамъ не терялъ присутствія духа и смѣло выступилъ противъ дива. Онъ сѣѣзъ съ коня и, приблизившись къ диву, набросилъ на него свой арканъ и подтащилъ къ себѣ. Отрубивъ диву голову, Рустамъ бросилъ ее въ сторону дивовъ, союзниковъ Аржанга. Дивы, увидѣвъ отрубленную голову Аржанга, разбѣжались, а Рустамъ отправился разыскивать дива Сафіда. Дивъ Сафидъ жилъ въ глубокой пропасти вмѣстѣ съ множествомъ другихъ дивовъ. Рустамъ спустился въ прощастіе и, увидѣвъ, что дивъ спитъ, подумалъ, что богатырю неприлично нападать на соннаго противника. Поэтому онъ громко крикнулъ. Дивъ проснулся, схватилъ жерновъ и бросилъ въ Рустама. Но Рустамъ во-время отстранился отъ жернова и однимъ ударомъ своего меча убилъ дива. Затѣмъ онъ вынулъ у дива сердце, сдѣлали изъ него мазь и помазалъ ею глаза царю Кайкаусу, всему войску его и себѣ; у всѣхъ тогда глаза просвѣтѣли, и они освободились изъ плѣна.

Въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, касающихся древняго периода Мидо—Персіи, при разсказѣ о развалинахъ Персеполя, описывается тронная зала Дарія I, или «Палата со 100 колоннами», украшенная разными изваяніями. На одномъ изъ такихъ изваяній представленъ бой Дарія съ Дивомъ или Ариманскимъ звѣремъ. На этомъ древнемъ памятникѣ Дивъ изображенъ въ видѣ крылатаго звѣря съ когтистыми лапами и длиннымъ хвостомъ. Въ борьбѣ съ Даріемъ, Дивъ стоитъ на заднихъ лапахъ, а передними лапами стремится схватить своего соперника, но храбрый царь вонзаетъ Диву мечъ и умерщвляетъ его. Дивъ въ данномъ случаѣ является воплощеніемъ зла въ мірѣ. Дивы временъ Рустама уже утратили свой древній миѳическій образъ и приняли человѣческое подобіе.

III. Драконъ (аждаха, са'банъ).

Драконъ по арабски—са'банъ, по персидски—аждаха.

Въ персидскомъ сочиненіи «Аджаибуль-Махлюкатъ» разсказывается, что драконъ—животное большое, имѣющее видъ ужасный. Маленькие драконы бываютъ пяти аршинъ, а большіе достигаютъ тридцати аршинъ и даже болѣе. Это животное водится въ Индіи. Цвѣтъ его кожи желто-черный; брови его закрываютъ глаза; пасть она открываетъ широко; зубовъ во рту много; шеи не видно; шерсть на ихъ шеѣ закрываетъ все тѣло. Самцы-драконы больше и злѣе самокъ. Когда драконъ подходитъ къ какому-нибудь животному и раскрываетъ свою пасть, то животное само попадаетъ въ его ротъ: драконъ издали притягиваетъ къ себѣ животное. Послѣ того драконъ обвертывается вокругъ древеснаго пня или вокругъ камня и такимъ образомъ ломаетъ кости проглоченнаго животнаго, которыя потомъ перевариваются въ желудкѣ дракона. Большую часть жизни драконы проводятъ въ водѣ и потому называются водяными змѣями; некоторые драконы живутъ въ степи. Живущіе въ водѣ драконы выходятъ иногда на высокія горы и тамъ, подымаясь въ облака, наслаждаются влажностью ихъ.

Свойство дракона таково, что если кто-нибудь сѣсть его сердце, а кожу привяжетъ къ любимому человѣку, то найдеть сочувствіе въ любви, а если кто-нибудь возьметъ себѣ кусочекъ этой кожи, то всѣ животныя будутъ отъ него разбѣгаться; если голову дракона зарыть въ землю въ какомъ-нибудь мѣстѣ, то положеніе хозяина этого мѣста будетъ хорошо—онъ пріобрѣтѣтъ много богатства и будетъ веселъ и счастливъ.

Приложенный къ настоящему выпуску рисунокъ заимствованъ мною изъ упомянутаго сочиненія «Аджаибуль-Махлюкатъ». Въ «Шахъ-Намѣ» также есть изображеніе дракона, выбрасывающаго изъ своей пасти снопъ пламени по направленію къ богатырю Рустаму, которому предстояло убить это чудовище. Объ этомъ подвигѣ Рустама такъ разсказано въ «Шахъ-Намѣ»: Однажды конь Рустама, Раҳшъ убилъ своими ногами напавшаго на него льва. Когда Рустамъ увидѣлъ это, то сдѣлалъ выговоръ своему коню, сказавъ ему: «Меня Милосердый Господь создалъ для подвиговъ, а тебѣ—для того, чтобы возить меня.

Поэтому я пойду усну на берегу источника, а ты ни съ кѣмъ въ общеніе не входи; но если ты увидишь, что ко мнѣ кто-нибудь будетъ приближаться, то ты разбуди меня»... Когда Рустамъ уснула, на степи появилась аждаха, имѣвшая 80 аршинъ длины, и стала приближаться къ Рустаму. Тогда конь его Раҳшъ сталъ бить ногами своего хозяина и разбудилъ его. Рустамъ, проснувшись, увидѣлъ предъ собою страшное чудовище, тотчасъ взялъ свой смертоносный мечъ и сталъ противъ аждахи. Аждаха испустила изъ своей пасти пламя, но Рустамъ взмахнулъ мечемъ и разсѣкъ аждаху на-двоє.

Въ настоящее время, по вѣрованію сартовъ, аждахи встречаются рѣдко, но все-таки появляются иногда въ степяхъ и вообще въ открытыхъ, пустынныхъ мѣстахъ. Но разсказовъ отъ очевидцевъ относительно этого я не слышалъ.

Вѣрованіе въ аждаху до настоящаго времени сохранилось также у башкиръ, у татаръ и у киргизовъ.

По вѣрванію башкиръ, обыкновенная змѣя, прожившая до 100 лѣтъ, называется *зиланъ*, прожившая 500 лѣтъ—*аждаха*, прожившая до 1000 лѣтъ—*юха*. Послѣдняя можетъ принимать образъ человѣка, животнаго и т. д., по по милости къ людямъ Аллаха, аждахи не могутъ дожить до возраста юхи. Чуть до берлогъ ихъ достигнетъ дневной свѣтъ, какъ облака поднимаются и уносятъ ихъ на гору «Кафъ» (т. е. Кавказскія горы), лежащую за океаномъ(?) и наполненную всевозможного рода гадами.

Среди башкиръ вообще много подобныхъ разсказовъ. Такъ, напримѣръ: въ деревнѣ Асыловой (Орскаго уѣзда) одному башкиру для устройства колодца понадобилось вырыть небольшую яму въ землѣ. Не успѣлъ онъ углубиться на четверть аршина въ землю, какъ почувствовалъ, что кто-то тамъ завозился. Башкиръ испугался и отѣждалъ. Но скоро онъ увидѣлъ на небѣ небольшую градовую тучу съ грозой и бурей, опускающуюся прямо на то мѣсто, гдѣ онъ началъ было копать колодезь. Изъ ямы въ то-же время со свистомъ и шумомъ стала выходить и вытягиваться по направлению къ тучѣ огромнѣйшая аждаха, какой до тѣхъ поръ ему не удавалось видѣть. И вотъ, соединившись съ тучею, аждаха начала подниматься кверху и, приблизительно чрезъ полчаса времени, совершенно исчезла въ воздушномъ пространствѣ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ была яма, изъ которой вышла аждаха, образовалось пещера.

По разсказамъ башкиръ, всякий разъ, во время выхода изъ земли аждахи, буря свирѣпствуєтъ до-того яростно, что, повидимому, готова уничтожить все; раскаты грома раздаются въ это время не-

умолкаемо; блескъ молніи ослѣпляетъ зрење; изъ тучи сыплется градъ, и дождь льетъ, какъ изъ ведра. Несмотря на все это, подобными бурями мало причиняется вреда тѣмъ мѣстамъ, вблизи которыхъ выходять аждахи; за то въ мѣстахъ, непосредственно прилегающихъ къ этимъ мѣстамъ, буря свирѣпствуетъ: срываетъ крыши съ домовъ, ломаетъ кибитки башкиръ, разметываетъ стога ихъ сѣна и скирды хлѣба и т. д. Тотъ же авторъ разсказываетъ со словъ сородичей своихъ, что лѣтъ 30 тому назадъ, недалеко отъ Насѣдницкой станціи, въ озерѣ появилась неизвѣстно откуда огромная змѣя и начала истреблять приходящую на водопой мелкую скотину; поэтому озеро огородили, чтобы къ нему не было доступа. Къ немалому удивленію и радости жителей, змѣя эта черезъ нѣсколько времени исчезла. Вѣроятно, говорили башкиры, она достигла возраста аждахи и была поднята облакомъ. Башкиры разсказываютъ также, что семь лѣтъ тому назадъ, недалеко отъ кочевокъ, принадлежащихъ деревнямъ Абтикѣвой и Мурзакаевой, въ колодцѣ обитала змѣя и глотала ягнятъ, но теперь скрылась или въ нѣдра земли, чтобы доживать остатки лѣтъ до возраста юхи, или же поднята облакомъ, какъ уже достигшая возраста аждахи.

Лѣтъ 40 тому назадъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, около деревни Сибаевой (Орского уѣзда), изъ озера Колтыбана вышла и поднялась въ облака аждаха, имѣвшая въ длину не менѣе 60 сажень. Въ 10 часовъ утра, при совершенно ясной погодѣ, стали перепадать крупные капли дождя: немного спустя, сверкнула молнія, грянулъ громъ и пошелъ сильнѣйший градъ съ дождемъ. Гроза усиливалась, и небольшая черная туча стала спускаться на озеро. Вода въ озерѣ заволновалась, приподыбалась, опускалась и кружилась, а изъ воды стала показываться голова страшнѣйшаго чудовища съ огромными навыкатъ глазами, на подобіе деревянныхъ чашекъ. Туча, подхвативъ голову чудовища, начала подниматься кверху, таща за собой и туловище, пятнистаго вида, съ глянцевитымъ оттѣнкомъ; наконецъ, показался и хвостъ, раздвоенный на подобіе вилъ. Чудовище, поднятое на значительное отъ воды разстояніе, начало вытягиваться, изгибаться и вилять во все стороны хвостомъ, стараясь освободиться, но, къ ужасу всѣхъ очевидцевъ, сорвалось и съ грохотомъ опять упало въ воду. Вскорѣ послѣ того появилось на пебѣ небольшое, величиною съ кошму, бѣлое, какъ вата, облачко, которое быстрѣе птицы спускалось къ озеру. Когда туча приблизилась къ уровню воды, вода заколыхалась сильнѣе прежняго и стала бить вверхъ фонтаномъ. Надъ этой струей воды жители снова увидѣли тоже чудовище, которое

съ облакомъ двигалось прямо на нихъ, при чёмъ хвостъ чудовища волочился и оставлялъ на землѣ следъ въ видѣ борозды. Несомое облакомъ чудовище то издавало стонъ, то свистѣло, или шипѣло, то загибало кольцомъ хвостъ, то сердито ударяло имъ по своимъ бокамъ, желая высвободиться изъ тучи; но какая-то сверхъестественная сила крѣпко держала голову чудовища, не давая ему даже пошевельнуть ею. Не имѣя возможности вырваться, не смотря на всѣ усилия, чудовище мало-по-малу продолжало удаляться вмѣстѣ съ тучей, причемъ, по мѣрѣ удаленія, туловище его, подъ вліяніемъ лучей солнца, принимало все болѣе и болѣе красивый, ярко-золотистый цвѣтъ.¹⁾

Среди сартовъ и киргизъ также есть вѣрованіе, что аждаха, проживши много лѣтъ, становится ненасыщеною и тогда называется *юха*. Юха только и знаетъ, что глотаетъ попадающихся ей животныхъ и не насыщается. Киргизъ, ученикъ VIII класса Ташкентской гимназіи, Али Кутебаровъ разсказывалъ мнѣ, что, по вѣрованію киргизъ, аждахи бываютъ и вѣрующими мусульманами, и невѣрными вѣфирами. Съ послѣдними и вели борьбу знаменитые мусульманскіе героя.

О драконѣ въ житіи святого Георгія разсказывается: недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ похороненъ Георгій, близъ города Вириты, выходилъ изъ озера страшный змій, который опустошалъ окрестность и заражалъ воздухъ смертоноснымъ дыханіемъ своимъ. Жители той страны не знали, куда дѣваться отъ бѣды, и просили совѣта у жрецовъ идолъскихъ, ибо были язычники. Жрецы сказали имъ, что каждое семейство поочередно должно отдавать одного изъ дѣтей на съѣденіе змію. Не видя никакого средства избавиться отъ страшнаго чудовища, жители приняли этотъ совѣтъ, и каждый день новая жертва приводилась къ берегу озера. Наконецъ, очередь дошла до единственной дочери тамошняго царя.

Дѣвица была приведена къ озеру и съ трепетомъ ожидала смерти, какъ вдругъ явился ей великомученикъ Георгій, въ образѣ свѣтлого юноши, на бѣломъ конѣ, и вооруженный конемъ.

— О чѣмъ ты плачешь! спросила онъ дѣвицу.

— Добрый юноша, отвѣчала она: удались скорѣе, чтобы тебѣ не погибнуть вмѣстѣ со мной. И дѣвица рассказала юношѣ о зміѣ. Не бойся, дѣвица, сказаль онъ ей.—Именемъ Бога истиннаго я избавлю тебя отъ чудовища.—Нѣть, добрый воинъ, возразила она,—не губи себя. Я уже обречена на смерть; ты не спасешь меня, а только самъ погибнешь.

¹⁾ Этнографическое обозрѣніе, Москва 1892 г., №№ 2—3, стр. 245—247.

Едва она выговорила эти слова, какъ страшное чудовище показалось изъ озера и стало приближаться къ дѣвицѣ. Она громко закричала: «бѣги!» Но храбрый воинъ Господень, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ и призвавъ въ помощь Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, устремилсѧ на чудовище и поразилъ его копьемъ. Потомъ онъ велѣлъ дѣвицѣ снять съ себя поясъ, связать змія и тащить за собою въ городъ. Такъ и было сдѣлано.

Змій, при великомъ стечениі наарода, былъ преданъ огню. Велѣдь за тѣмъ всѣ жители страны приняли христіанскуу вѣру.

За эту побѣду надъ чудовищемъ и за мужество среди страшныхъ мученій, святый Георгій называется «Побѣдоносцемъ» и почитается защитникомъ воиновъ. (Житія святыхъ. А. Н. Бахметевой. 23 апрѣля).

IV. Птица Симургъ или Анка.

Баснословная птица *Симургъ* извѣстна подъ этимъ названиемъ у персовъ, а отъ нихъ это название перешло и къ разнымъ тюркскимъ народамъ—татарамъ, башкирамъ, киргизамъ, которые, по требованію своей фонетики, нѣсколько измѣнили звуковой составъ слова: *Самрау*, *Самракъ*, *Самрукъ* и *Замуракъ*.

У арабовъ она извѣства подъ арабскимъ названиемъ *Анка*, что означаетъ птицу съ длинной шеей. Такъ объясняется это слово въ употребительномъ въ мусульманскихъ школахъ словарѣ «Гыясу-ль-люгатъ» и въ европейскомъ (арабско-французскомъ) словарѣ Казимірскаго. Подъ этимъ именемъ Анка упоминается и въ арабскомъ сборникеъ басенъ «Калиля и Димна». Казимірскій относить эту птицу къ роду *трифоновъ*, что совершенно правдоподобно. Персидское название этой птицы — *Симургъ* означаетъ, по моему предположенію, *серебристую птицу* (*симъ* серебро и *мургъ* птица—*симмугъ*, *симургъ*),—птицу, имѣющую красивыя серебристыя перья.

Въ разныхъ мусульманскихъ книгахъ и словаряхъ обѣ этой птицѣ разсказывается, что она имѣть столь огромные размѣры, что когда распускаетъ свои крылья, то закрываетъ солнечный свѣтъ и производить тѣнь. На ея перьяхъ есть окраска всѣхъ цветовъ всѣхъ птицъ міра, а на шеѣ ея—блѣдая полоска, въ видѣ ожерелья.

Яйца она несет огромные и живет до двух тысяч лет. Сила ее такова, что она может унести верблюда или слона. Въ некоторыхъ книгахъ говорится, что она имѣть человѣческое лицо и даже четыре ноги, но послѣдняя черта, по очевидной своей несообразности, отрицается въ другихъ книгахъ. За то, общее вѣрованіе мусульманъ приписываетъ этой птицѣ способность говорить. Въ сочиненіи «Мантыку-т-таиръ» разсказывается, что когда въ древнее время всѣ сотворенные Богомъ птицы собрались выбрать себѣ царя, то послѣ долгихъ разсужденій и споровъ птица удодъ¹⁾ указала на птицу Симургъ, живущую на горѣ Кафѣ (Кавказскія горы).

Въ книгѣ «Калиля и Димна», арабскомъ сборникѣ басенъ, рассказывается, что однажды морская птица Титауа, имѣвшая мѣсто-пребываніе на берегу моря, передъ выводомъ своихъ птенцовъ, уговаривала своего самца поискать болѣе защищенного мѣста для своего гнѣзда изъ опасенія морского духа, который могъ унести ея птенцовъ, заставивъ морскую воду приливать къ берегу. Но самецъ не согласился и уговорилъ самку не опасаться морского духа. Когда же морской духъ заставилъ воду приливать, вода разлилась по берегу и унесла птенцовъ въ море. Тогда самка сказала самцу: «Я знала съ самого начала дѣла, что это будетъ.» Но самецъ отвѣчалъ самкѣ: «Я непремѣнно отомщу морскому духу».

Послѣ того Титауа пошелъ къ общинѣ птицъ и сказалъ имъ: «Вѣдь вы—мои друзья, мои довѣренные: помогите мнѣ!» Птицы спросили: «Чего ты желаешь, что бы мы сдѣлали?» Онъ отвѣчалъ: «Соберитесь и отправьтесь вмѣстѣ со мною къ прочимъ птицамъ. Мы пожалуемся имъ на то, что я потерпѣлъ отъ морского духа, и скажемъ имъ: ««Вѣдь, вы—птицы, подобныя намъ: помогите намъ.»» Община птицъ сказала ему: ««Вѣдь, Анка (Симургъ)—наша владыка и царица. Отправьтесь съ нами къ ней, покричимъ ей, и она явится къ намъ: тогда мы пожалуемся ей на то, что пришлось тебѣ потерпѣть отъ морского духа; мы даже попросимъ, чтобы она отомстила ему за насть силою своей власти». Послѣ этого птицы отправились къ Анка вмѣстѣ съ Титауа. Онъ умоляли Анку, кричали ей, и она показалась имъ. Тогда птицы рассказали Анкѣ свое дѣло, прося ее выступить съ ними вмѣстѣ на войну съ морскимъ духомъ. Анка дала имъ на это согласіе. Когда же морской духъ узналъ, что Анка идетъ на него въ сопровожденіи всѣхъ птицъ, то испугался войны съ царь—птицей, противъ которой у него нѣть силы. Поэтому морской духъ

¹⁾ Удодъ упоминается въ Коранѣ (гл. 27, ст. 20—28).

возвратилъ птенцовъ Титауа и заключилъ съ нимъ миръ, а Анка повернула отъ него назадъ.¹⁾

Въ персидской книжѣ «*Аджаибуль-Махлюкатъ*», изъ которой заимствованъ рисунокъ, приложенный къ настоящему выпуску, разсказывается, что Симургъ—самая крупная изъ всѣхъ птицъ, что слоны и буйволы ей подчинены. Въ древности Симургъ жила среди людей, но она уносила чѣловѣческихъ дѣтей и пожирала ихъ. Пророкъ Ханзали-бенть-Сауфванъ сотворилъ молитву, и Богъ Все-вышній выселилъ эту птицу на одинъ морской островъ и тамъ оставилъ ее жить, чтобы въ этой странѣ не видѣла она людей. На этомъ островѣ было много животныхъ, подобныхъ слону и буйволу, но Симургъ не касалась ихъ, потому что они находились въ подчиненіи у нея. Когда же она охотилась за какими-нибудь другими животными и у нея оставалась добыча отъ охоты, то она отдавала добычу подвластнымъ ей животнымъ. Напримеръ: когда она поймаетъ на охотѣ большую рыбу, или дракона, то, поѣвшіи сама сначала, остатки раздѣляла животнымъ и любовалась, смотря на нихъ, какъ они ѣли ея добычу. Когда Симургъ летаетъ, то отъ ея крыльевъ исходитъ шумъ, на подобіе вѣтра, или на подобіе шума деревьевъ во время бури. Жизнь ея достигаетъ двухъ тысячъ лѣтъ. Другія подробности—неприличны и глупыя.

Во времія дѣда Рустамова, Сама, эта птица жила на горѣ Эльбрусь и воспитала Зала, отца Рустама, какъ обѣ этомъ рассказывается въ «Шахъ-намѣ».

У Сама (дѣда Рустама) была красавица жена. Сдѣлалась она беременной и родила сына. Когда осмотрѣли новорожденнаго мальчика, то увидѣли, что онъ съ головы до ногъ былъ покрытъ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. Удивились этому необычайному явленію и цѣлую недѣлю не говорили отцу р.бенка, но потомъ повитуха пошла и сказала Саму, что новорожденный сынъ его весь покрытъ бѣлыми волосами, какъ старикъ. Самъ пошелъ посмотретьъ сына и, когда увидѣлъ его, то ахнулъ отъ изумленія и сказалъ: «Какъ покажу такого мальчика своему народу?! Надо его поскорѣе скрыть!» Послѣ того новорожденнаго Зала отнесли на гору Эльбрусъ и бросили тамъ. А эта гора была самая высокая подъ солнцемъ. Младенецъ, лежа на голой землѣ, началъ кричать отъ солнечнаго зноя и отъ голода сосалъ свои пальцы. Недалеко отъ этого мѣста было гнѣздо птицы

¹⁾ Калила и Димна. Переводъ съ арабскаго М. О. Аттая и М. В. Рабинова. Москва. 1889 г. ст. 90—91.

Симургъ. Однажды птенцы ея отъ голода тоже начали пищать, и Симургъ полетѣла за пищей своимъ дѣтямъ. Взлетѣвъ на гору, она увидѣла голаго мальчика Зала, лежащаго на землѣ и плачущаго съ голода. Симургъ сжалилась надъ малюткой и взяла его, принесла въ свое гнѣздо, положила вмѣстѣ со своими дѣтенышами и сказала имъ: «Вы не обижайте его!» Въ это время она услышала голосъ: «Эй, Симургъ! Позаботься объ этомъ мальчикѣ: отъ него родится знаменитый богатырь; отъ смертоноснаго меча этого богатыря не спасется ни одно вредное существо». Симургъ вскориила брошенаго мальчика. Когда Залъ выросъ и сталъ ходить, его увидѣли проѣзжающіе купцы, узнали, чей синь сынъ, и извѣстили его отца, Сама. Въ тоже время Самъ видѣлъ два раза страшные сны, которые снотолкователи разъяснили въ томъ смыслѣ, что сынъ его живъ и что его нужно отыскать и взять. Самъ испугался, но сердце ему подсказывало, что это его сынъ Залъ. Тогда онъ собралъ войско и отправился на гору Эльбрусъ. На вершинѣ горы онъ увидѣлъ гнѣздо какой-то страшной птицы, подошелъ къ этой птицѣ и сказалъ: «Тотъ мальчикъ— мой сынъ. Ты была милостива—воспитала его. Благодарю тебя и прошу возвратить мнѣ моего сына». Симургъ поднялась на гору, дала Залу одно свое перо и сказала: «Всегда имѣй при себѣ это перо: когда приключится тебѣ какая-нибудь бѣда, ты зажги это перо, и я явлюсь къ тебѣ на помощь. Никогда не забывай моей милости, и я тебя никогда не оставлю безъ нужной помощи.». Сказавъ это, Симургъ подняла Зала и прилетѣла съ нимъ къ его отцу. Послѣ взаимныхъ объясненій съ Самомъ въ чувствахъ благодарности, Симургъ улетѣла къ своему гнѣзду, а Самъ сказалъ сыну: «Сынь мой! Забудь прошлое и обрати ко мнѣ свое сердце. Господь услышалъ твою и мою молитву—посдалъ тебѣ кормилицу пернатую и оказалъ тебѣ свою помощь.» Потомъ Самъ надѣлъ на сына царскую одѣжду и въ сопровожденіи войска возвратился съ сыномъ въ Забулистанъ, мѣсто постояннаго своего пребыванія.—Впослѣдствіи Симургъ помогала и впуку Сама, Рустаму, когда онъ оказывался въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.—Впослѣдствіи геройскія подвиги Рустама были приписаны другимъ сказочнымъ богатырямъ, которымъ также помогала птица Симургъ.

V. Водяная лошадь (аспи-аби).

Изображеніе водяной лошади находится въ сочиненіи «Аджанбуль-Махлюкать». У арабовъ эта лошадь называется «морскою лошадью». Въ сочиненіи «Хаяту-ль-хайванъ» говорится, что эта лошадь водится въ Египетской рѣкѣ. Голова ея похожа на лошадиную, копыта—на копыта рогатаго скота, а хвостъ—на хвостъ свиньи.

Продолжительность человѣческой жизни.

Послѣ того, какъ Богъ сотворилъ живущія существа, осель, собака, обезьяна и человѣкъ рѣшили обратиться къ Богу, чтобы узнать продолжительность своей жизни и какое кому опредѣлено Имъ назначеніе. Они, однако, не могли прийти къ соглашенію насчетъ того, кому изъ нихъ первому спросить Бога объ этомъ. Тогда осель въ нетерпѣніи сталъ во главѣ ихъ и обратился къ Господу съ вопросомъ о своихъ обязанностяхъ. Разгневанный нетерпѣніемъ осла Господь отвѣтилъ ему, что его назначеніе въ жизни—носить на своей спинѣ чужое бремя. Понимавшій себя крайне обиженнымъ своею судбою, осель попросилъ сказать ему, сколько времени ему назначено жить.

«30 лѣтъ», сказалъ ему Творецъ.

Милосердый Боже, взмолился слезно осель: «сжался надо мною и сократи это время. Я не въ состояніи буду мучиться такъ долго. Спина моя согнется подъ тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ, и ноги мои истекутъ кровью отъ безостановочнаго движенія, ибо когда люди узнаютъ о судьбѣ моей, я не буду имѣть отъ нихъ ни покоя, ни отдыха». Господь сжался надъ животнымъ: сократилъ ему жизнь до 18 лѣтъ и велѣлъ ему удалиться.

Сейчасъ за этимъ къ Богу пришла собака, чтобы узнать о назначеніи и продолжительности своей жизни. Замѣтивъ, что Господь сильно занятъ, она, чтобы не привлечь къ себѣ Его вниманія, забралась въ уголь и рѣшилась ждать, пока къ ней не обратятся. Спустя

нѣкоторое время, Господь отложилъ свою работу въ сторону и оглянулся. Собака поспѣшила воспользоваться случаемъ и, виляя хвостомъ, приблизилась къ трону. Господь обратилъ вниманіе на смиренность и преданность собаки и спросилъ ее, чего она желаетъ. Собака робко предложила Богу свои вопросы: «Иди»—отвѣтилъ ей Богъ, — «къ человѣку и веди себя у него такъ же, какъ ты вела себя предо Мною: бойся и почитай его и охраняй его домъ, чтобы никто ничего не бралъ безъ его вѣдома. А если кто-либо это сдѣлаетъ, того ты должна кусать, рвать и всячески преслѣдоватъ, пока воръ не отдастъ безъ вѣдома хозяина взятаго. Продолжительность жизни твоей 30 лѣтъ. Но осель жаловался, что 30 лѣтъ для него слишкомъ много, и Я уменьшилъ его жизнь до 18 лѣтъ. Довольна ли ты 30 годами.

«Милосердый Боже!», воскликнула собака въ отчаяніи,—«такое продолжительное время, какъ 18 лѣтъ, я не буду въ силахъ преданно служить своему хозяину. Бодрствовать и сторожить день и ночь слишкомъ утомительно. Я состарюсь скоро и сдѣлаюсь неспособною къ работѣ многими годами прежде, чѣмъ окончу свою жизнь. Хозяинъ же будетъ кормить меня только до тѣхъ поръ, пока я буду ему полезна, а потомъ я буду еще долго терпѣть нужду и лишенія, прежде нежели часъ моей смерти настанетъ. Сжалася же, Боже, надо мною». — Сжалася Господь надъ собакою и сократилъ время жизни ея до 12 лѣтъ.

Очередь затѣмъ дошла до обезьяны. Она тоже застала Бога занятymъ, но ждать ей не хотѣлось, и потому, чтобы обратить на себя вниманіе, она стала кривляться и продѣлывать разныя штуки. Она долго гримасничала и вертѣлась, пока Богъ не замѣтилъ ея и не спросилъ, что ей нужно. «Хочу знать, какое у меня назначеніе въ жизни?» отвѣтила обезьяна. «Именно то, къ чему ты только что выказала себя способною. Ты предназначена для потѣхи человѣка и должна жить 30 лѣтъ».

«Ахъ, нѣть! Праведный Боже! Такая долгая жизнь будетъ для меня невыносима. Гримасничать и дурачиться передъ всѣми—это несчастная участъ. Если буду жить долго, я только надоѣмъ себѣ и другимъ. Я прошу Тебя поэтому сократить мои годы.

Господь внялъ просьбѣ обезьяны и опредѣлилъ время ея жизни въ 10 лѣтъ.

Наконецъ, пришелъ и человѣкъ съ тѣми же вопросами. «Твое жизненное назначеніе такое», сказаъ ему Всемогущій: учись и пріобрѣтай знанія, женись, размножайся и господствуй надъ всѣми другими созданіями, воздѣлывай землю и живи въ любви и счастиѣ».

«Какъ долго?» спросилъ человѣкъ.

«Цѣлыхъ 30 лѣтъ», отвѣтилъ ему Богъ.

«Ахъ, какъ мало!» воскликнулъ недовольный. Я не успѣю всего сдѣлать въ такое краткое время. До семилѣтняго возраста я совсѣмъ не буду знать, что дѣлается вокругъ меня; до 20 лѣтъ я долженъ буду начинять свою голову разными знаніями и остальные 10 лѣтъ примѣнять ихъ къ пріобрѣтенію богатства, а затѣмъ мнѣ придется покинуть все, не пожиная плодовъ того, надѣ чѣмъ я все время трудился, и не испытавъ радости въ своей жизни. Когда же у меня будетъ время жениться, родить и воспитывать дѣтей, вкушать семейное счастье и пользоваться богатствами, которыхъ пріобрѣту въ поть лица своего? О, Господи, продли время жизни мой!

Всемогущій Богъ улыбнулся и сказалъ: «Хорошо. Я прибавлю къ твоимъ годамъ времія жизни осла—18 лѣтъ. Иди съ миромъ и будь счастливъ».—«Это, вѣдь, всего 48 лѣтъ. Боже милосердый! Это также слишкомъ мало времени, чтобы пользоваться счастью жизни».—«Такъ возьми себѣ и годы собаки и живи еще 12 лѣтъ».—«Не могу ли я жить хотя немного дольше», сказалъ человѣкъ и упалъ на колѣни, все еще не удовлетворенный. «Ну, такъ Я, наконецъ, прибавлю тебѣ и годы обезьяны. А теперь ступай и живи, какъ можешь!» сказалъ ему Господь. И человѣкъ ушолъ довольный тѣмъ, что выпросилъ себѣ цѣлыхъ 70 лѣтъ. О, бѣдный человѣкъ! Напрасно тебѣ хотѣлось такъ долго жить! Послѣ того, какъ ты первыя 30 лѣтъ жизни провелъ въ погонѣ за знаніями и богатствомъ, ты дѣлаешься осломъ,—ты тащишь ярмо: трудишься и хлопочешь для жены и дѣтей. Послѣ 18 лѣтъ такой жизни ты начинаешь жить жизнью собаки: въ слѣдующія 12 лѣтъ, ты, подобно собакѣ, стоишь у дверей и охраняешь свой домъ, питаясь тѣми крохами, которыя получаешь отъ своихъ, не видя благодарности за все то, что ты для нихъ сдѣлалъ; послѣднія 10 лѣтъ ты живешь жизнью обезьяны: твои дѣти и внуки смотрятъ на тебя, какъ на бесполезное животное и смеются надъ твоими старческими гримасами. Такъ ты достигнешь семидесяти лѣтъ и приблизишься ко гробу, не воспользовавшись всѣмъ тѣмъ, на что ты разсчитывалъ, когда просили Бога о продлѣніи твоей жизни до 70 лѣтъ. (С. Петерб. Вѣд. 1897. № 353).

